

**АРХИВ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ РАН
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН
РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО**

С.П. ОЛФЕРЬЕВ

В ВЕРХОВЬЯХ ТИГРА

**ДНЕВНИК И ОПИСАНИЕ ПУТИ,
СОСТАВЛЕННЫЕ НАДВОРНЫМ
СОВЕТНИКОМ С.П. ОЛФЕРЬЕВЫМ
ВО ВРЕМЯ ПОЕЗДКИ В ЗЕМЛИ
НЕСТОРИАН ОСЕНЬЮ 1912 г.**

**Москва
2017**

УДК 94
ББК 63.3 (5)
О 55

Подготовка к изданию, вступительная статья,
комментарии и указатели доктора исторических наук
И.В. Зайцева

ОЛФЕРЬЕВ С.П.

- О 55   В верховьях Тигра. Дневник и описание пути, составленные надворным советником Олферьевым во время поездки в земли несториан осенью 1912 г. / С.П. Олферьев; сост.: Зайцев И.В.; Архив РАН, ИНИОН РАН, Ин-т востоковедения РАН; предисл. Жигалиной О.И., Зайцева И.В. – Москва: ИНИОН РАН, 2017. – 398 с. + 38 с. илл.
ISBN 978-5-248-00861-2

В сентябре-октябре 1912 г. российский дипломат и востоковед Сергей Петрович Олферьев (1875-1942) совершил беспрецедентное путешествие по Курдистану и землям несториан. Во время своего путешествия из Вана в Урмию и обратно он вел дневник, который содержит много важных сведений о различных сторонах жизни ассирийцев-несториан и курдов. В 1929 г. в издательстве «Молодая гвардия» С.П. Олферьев под псевдонимом С. Вегин опубликовал книгу «В верховьях Тигра (у айсоров и курдов)», в которой он в художественной форме попытался познакомить публику с материалами своего путешествия. В настоящем издании представлены тексты неопубликованного дневника 1912 г. и книги 1929 г., а также материалы о жизни и деятельности С.П. Олферьева.

УДК 94
ББК 63.3 (5)

Издание выполнено при финансовой поддержке
РФФИ (проект 17-01-16132)

ISBN 978-5-248-00861-2

@ ИНИОН РАН, 2017
@ Зайцев И.В., составление, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Зайцев И.В. Сергей Петрович Олферьев (1875–1942): судьба дипломата	4
Жигалина О.И., Зайцев И.В. Предисловие	19
Дневник и описание пути, составленный надв. сов. Олферь- евым во время его поездки в земли несториан осенью 1912 г.	33
В верховьях Тигра (1929 г.)	101
Описание курдских аширетов (1912 г.)	257
Олферьев Н.П. К биографии брата – Сергея Петровича Олферьева	270
Библиография печатных и неопубликованных трудов С.П. Олферьева	282
Указатель имен	285
Указатель курдских аширетов и племен	289
Указатель географических названий и некурдских племен и этносов	290
Список использованных архивных источников и литера- туры	296

Зайцев И.В.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ ОЛФЕРЬЕВ (1875–1942): СУДЬБА ДИПЛОМАТА

В истории отечественного востоковедения еще немало имен, которые почти не известны современным ученым. Эта работа посвящена жизни Сергея Петровича Олферьева, русско-го дипломата, отдавшего много лет службе в Иране, замечательного ираниста и тюрколога, литератора и переводчика¹. В справочных изданиях по истории отечественного востоковедения имени С.П. Олферьева мы не найдем. Да и там, где он упоминается, данные о нем зачастую неполны и сильно иска-

---

¹ Биографические данные о С.П. Олферьеве я привожу по материалам его дела, сохранившегося в фонде Лазаревского института (Центральный исторический архив г. Москвы, ф. 213, оп. 2, ед. хр. 1065), а также двум жизнеописаниям, которые составил брат-близнец Сергея Петровича – Николай Петрович Олферьев. Первый, краткий вариант биографии – справка, датированная 28 июня 1949 г. (Отдел рукописей РГБ, ф. 509 (Олферьевы), шифр 3-19. Машинопись с подписью-автографом и исправлениями. 3 лл.). Второй более пространственный вариант биографии озаглавлен «К биографии брата Сергея Петровича Олферьева» и сохранился в двух близких версиях – черновой и чистой: ОР РГБ, ф. 509 (Олферьевы), картон № 2, ед. хр. № 10 (1950-е годы) и ОР РГБ, ф. 509 (Олферьевы), картон № 2, ед. хр. № 8 (1959 г., машинопись, чистовая версия). Очень ценные сведения о С.П. Олферьеве приводятся в статье Л.А. Шилова: *Шилов Л.А.* Олферьев Сергей Петрович (псевд. С. Вегин) // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т. 3: Государственная Публичная библиотека в Ленинграде - Государственная Публичная библиотека М.Е. Салтыкова-Щедрина 1931–1945. СПб.: РНБ, 2003. С. 430–431.

жены¹. Его жизнь вместила множество событий. Блестящий дипломат, вице-консул в Иране, путешественник и ученый-этнограф, сотрудничавший с Н. Марром и И. Орбели, скромный советский служащий, сосланный в годы репрессий в Архангельск, сотрудник Публичной библиотеки в Ленинграде... С.П. Олферьев скончался от голода в своей ленинградской квартире 10 февраля 1942 г.

Сергей Петрович Олферьев родился 26 марта 1875 г. в городе Пензе в потомственной дворянской семье поручика Петра Александровича и Надежды Михайловны Олферьевых². В 1896 г. он окончил 1-ю Пензенскую гимназию и в том же году поступил в Лазаревский институт восточных языков в Москве. Одновременно с учебой в Институте он слушал лекции на юридическом факультете Московского университета. Студентом С.П. Олферьев принимал участие в работах Этнографического и Археологического обществ, работал в редакциях газет «Русские ведомости» и «Курьер». Тогда же он начал печататься, помещая статьи в этих газетах, а также в газете «Пензенские губернские ведомости», журнале «Природа и охота», «Детский отдых» и др. В 1899 г. Сергей Петрович выпустил книгу «Сибирь: очерк завоевания и заселения Сибири» в серии «Очерки русской истории» под редакцией проф. М.В. Довнар-Запольского, А.И. Кирпичникова и Н.Н. Харузина (книга выдержала 3 издания).

Получив в марте 1899 г. пособие в 100 рублей от Императорского Православного Палестинского Общества на поездку в

---

¹ См.: Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский институт. Московский институт востоковедения. МГИМО. М.: Аспект пресс, 2015. С. 198.

² У Л.А. Шилова дата рождения С.П. Олферьева – 1896 г. Эта же дата приведена в Книге памяти Московской области (Книга памяти жертв политических репрессий жителей Московской области / Редкол.: С.Н. Кошман (пред.), В.И. Лагункина и др. М., 2002). Однако в характеристике С.П. Олферьева, направленной в Лазаревский институт, называется дата 26 марта 1875 г. (ЦИАМ, ф. 213, оп. 2, ед. хр. 1065, л. 6).

Сирию и Палестину, молодой востоковед в качестве корреспондента газеты «Курьер» едет туда через Константинополь.

В мае 1900 г. С.П. Олферьев окончил курс наук с правом на чин 10-го класса. В аттестате выпускника были отмечены «отличные успехи в арабской, персидской словесности, турецко-татарском языке, истории Востока, русской словесности, практике турецкого, персидского и арабского языков, восточной каллиграфии и французском языке». Все это – «при отличном поведении». По окончании Лазаревского института С.П. Олферьев слушал в течение года лекции в Лозаннском университете (Швейцария), совершил поездку в Италию и Францию. Затем был принят в Учебное отделение при 1 департаменте МИД, будучи рекомендован туда Советом Лазаревского института. Там молодой востоковед совершенствует знание языков, так, арабский язык он практикует у известного преподавателя, сирийского араба Иринья Нофаля.

Товарищем нашего героя по учебе в Отделении был его ровесник Сергей Виссарионович Чиркин (1875–1943), который оставил воспоминания об этом времени¹.

Через два года, после экзамена, Олферьев был принят на службу в Азиатский Департамент МИД. Как писал С.В. Чиркин, Олферьев попал в «избегаемую всеми регистратуру, где работа сводилась к записи входящих и исходящих несекретных бумаг (секретная переписка регистрировалась по столам), раздаче первых по столам и отправке последних»².

Первые научные труды дипломата были посвящены арабистике. Заслуги Олферьева-арабиста упоминались нашими крупнейшими востоковедами – И.Ю. Крачковским и В.А. Гордлевским. И.Ю. Крачковский в своих «Очерках по истории русской арабистики» в разделе «Арабистика вне Петербурга до 1917 г.» писал: «Многие из учеников Крымского, привлеченные

---

¹ Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. М.: Русский путь, 2006.

² Там же. С. 47.

им к научным занятиям, начинали свои печатные выступления с арабистики. Особенно богат такими был выпуск 1900 г., когда кончили А.К. Горстер («К литературной истории 1001 ночи»), С.П. Олферьев («Из области древнеарабской лирической поэзии»), Г.В. Чирков («Два арабских документа из жизни восточных христиан»). Для некоторых из них первая работа по арабистике осталась единственной; о других мы не имеем сведений...»¹. Действительно, Олферьев впоследствии целиком сосредоточился на практической дипломатической работе в Иране и Османской империи и к научной арабистике более не возвращался.

Весной 1903 г., как вспоминал С.В. Чиркин, состоялись назначения выпускников на дипломатическую работу. Олферьев и Чиркин были зачислены студентами миссии в Тегеране.

Всю свою жизнь Сергей Петрович вел очень подробный дневник. Однако сохранился, к сожалению, лишь небольшой его фрагмент, в котором описаны события с 1 января по 21 февраля 1903 г. Под 7 января описывается встреча с товарищем министра иностранных дел кн. Оболенским. «Князь сообщил мне, что Министерство решило отправить меня на службу в Тегеран. “Устраивает ли Вас это?” – “Вполне, так как мое самое большое желание уехать поскорее из Петербурга”. Затем князь рассказал мне о своей поездке в Персию (в Мешхед). Где нашим генер. консулом был П.М. Власов (ныне посланник в Тегеране). Он очень хвалил его за то, что он “умеет представлять и живет на английский лад”. Власов был женат на англичанке, которая умерла в Абиссинии, где Власов был дипломат. аген-

---

¹ Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.-Л., 1950. С. 171. См. также: Гурницкий К.И. Агафангел Ефимович Крымский. М., 1980. С. 72. Работа Чиркова носит несколько иное название: *Чирков Г.В. Два любопытных арабских документа (к истории внутреннего быта восточных христиан)* // Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями / Под ред. Н.А. Янчука. М., 1900. С. 254–264.

том. В разговоре я почувствовал, что князь имеет что-то еще сказать мне, но как бы не решается, колеблется»¹.

14 января 1903 г. Олферьев записывает: «Назначение мое в Персию состоящим при нашей Миссии состоялось. Туда же назначены мои товарищи – Гирс и Чиркин. Разумовский и Чирков будут в Константинополе. С интересом перечитываю архивные документы о Персии, делая для себя выписки. Персиани² сказал, что это не полагается, на что я ответил ему, что я получил разрешение вице-директора Сементовского-Курило³. Бюрократизм, царящий в Мин-ве, возмущает меня до глубины души. Все эти господа в моноклях совсем не интересуются делами и больше заботятся о своих галстуках»⁴.

Запись от 20 января живо рисует политические настроения Сергея Петровича. Он пишет о революционере Ф. Федоровиче, своем товарище по гимназии, выпущенном из тюрьмы: «Это – упорнейший революционер, добрейший и благороднейший из всех нас товарищей по гимназии. Я с ним очень дружен и люблю его от души, но всегда избегаю говорить с ним о политике, в которой никогда не мог хорошенько разобраться. Причина простая – меня увлекает восток, путешествия, литература, а его – борьба с правством. Мне бы только поскорей удрать в Персию и заняться любимым делом: литературой и этнографией. Учился много, а чувствую, что знаний мало. Языки-то я знаю, а вот насчет философии и всего прочего – запасы знаний мои невелики, хотя и считаюсь образованным челове-

---

¹ ОР РГБ, ф. 509, Шифр 3-20, л. 3 об. - 4.

² Александр Иванович Персиани – российский дипломатический агент и генеральный консул в Сербии (1877–1878); министр-резидент (1878–1889) и посланник (1889–1895) там же. Сын известного дипломата Ивана Эммануиловича Персиани (*Петрунина О.Е.* 50 лет на службе России: Портрет российского дипломата XIX в. И.Э. Персиани // Вестник МГУ. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2008, № 1. С. 84–96). О Персиани см.: *Чиркин С.В.* Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. М.: Русский путь, 2006. С. 47–48.

³ Дмитрий Константинович Сементовский-Курилло – действительный статский советник, директор Первого (Азиатского) департамента МИД, посланник в Болгарии.

⁴ ОР РГБ, ф. 509, Шифр 3-20, л. 6.

ком только потому, что кончил два высших заведения и слушал лекции в Лозаннском университете». «Фед-ч просит организовать помощь [неразб.] товарищам, сидящим по тюрьмам. Конечно, сделаю, что могу, но ведь это будет капля в море... Его оптимизм меня сильно удивляет и мне кажется, что вся работа революционеров пока сводится к нулю. Впрочем трудно предвидеть будущее, тем более, что в верхах царит обскурантизм, стяжательство и полное пренебрежение интересами народа. Стараюсь об этом не думать, так как все равно ни о чем не думаюсь»¹.

Под 24 января в дневнике такая запись: «Сегодня имел долгую беседу с директором Департамента Н.Г. Гартвигом² относительно Персии. Главная мысль: Персия интересуется нас постольку, поскольку мы хотим добиться в этой стране нашего экономического преобладания, не допуская в ней преобладания англичан. Мы должны поддерживать всеми мерами “дурака” Музафер-ед-Дина. Он сел на престол с нашей помощью и не забывает этого. На мой вопрос: способен ли шах двинуть страну на путь прогресса, Гартвиг сказал: “Конечно, нет!”. В таком случае, какой смысл нам стоять за него? Гартвигу все кажется чрезвычайно просто. Он совершенно упускает из виду отчаянное положение народа, находящегося под пятой шахских опричников и духовенства. Не может же продолжаться так вечно? Мы, европейцы, привыкли считать себя самыми культурными, цивилизованными, лучшими среди населяющих земную планету. И хорошо бы еще, если бы это было основано на тщательном изучении жизни других народов. А между тем стоит только отдернуть завесу, скрывающую от нас другой народ, стоит на минуту отрешиться от своего высокопарного отношения к жизни другого народа и постараться понять его, и, кто знает, будем ли мы продолжать так гордиться собой? Но для

---

¹ ОР РГБ, ф. 509, Шифр 3-20, л. 9об.-11.

² Гартвиг Николай Генрихович (1857–1914), российский дипломат, вице-директор (1897) и директор (1900–1906) Азиатского департамента МИД.

этого надо добросовестно изучить жизнь других народов. Надо, чтобы мы посмотрели в душу другого народа и искренне сочувствовали бы его благополучию, полюбили бы его, а полюбив у нас не будет оправдания для применения того произвола, который мы “культурные нации” позволяем себе применять по отношению так называемых низших наций. Гартвиг уверяет, что мы можем много сделать для Персии. Можем ли? Я представляю себе, как бы поступил перс, если бы он приехал в Россию. Узнав, что руководит нашей жизнью, он взял бы, может, Евангелие и прочел там: “благословляйте проклиняющих вас и молитесь за обижающих вас”, “любите врагов ваших, благотворите ненавидящих вас” и проч.

Перс прочтет эти удивительные места, в которые, ему сказали, верит народ и потом он пойдет и будет наблюдать результаты этих верований. И что же он увидит? Он увидит следующее: самодовольную нацию, славящуюся своими победами на Востоке, побеждающую другие народы и ненавидящую своих врагов. Он найдет, что в общ. жизни этой нации не осталось и следа от этих заповедей. Он найдет также в их личной жизни, что голодный человек, укравший кусок хлеба, не будет прощен, а будет наказан. Он увидит везде, в каком почете богатства, он увидит, что даже и детей понукают копить деньги, бороться и подыматься в жизни. Он увидит жизнь людей, которые сделались богатыми и которых выставляют образцами. Он увидит попов, которые учат свящ. книгам и имеют огромные доходы и которые помогают не бедным, а богатым. И перс станет дивиться и скажет: “Им ли учить нас, пусть нас оставят в покое и пусть они сами сперва позаботятся о благе своего народа, который пребывает в темноте и нищете”. Нет, не шаха должны ублажать мы, а подойти любовно к изучению соседнего нам народа, полюбить его и не смотреть на персов как на дикарей, которых можно эксплуатировать. Только тогда между двумя соседними народами сможет установиться та взаимная дружба, которая поможет установить двум народам близкие экономические связи, выгодные для обеих сторон. Персия издавна славилась сво-

ими либеральными сектами. Возьмем, как пример, хотя бы бабидов, которые считают всех людей братьями и стремятся к прогрессу и раскрепощению женщины на Востоке. Отчего бы нам в своей работе в Персии не идти рука об руку с бабидами? Это было бы более полезно, чем ублажать глупого и развратного шаха»¹.

26 января 1903 г. Олферьев представлялся бывшему посланнику в Тегеране, советнику Министерства К.А. Аргиропуло: «Лик – Николая Чудотворца, лоб Сократа. Упорно молчит и только слушает внимательно, что ему говоришь. Я завалил его вопросами о Персии, где он пробыл несколько лет. Полное незнание Персии, очень любезное обхождение и какая-то неуверенность в каждом своем слове – вот мое впечатление. Если он не разбирается даже в персидских делах, какие советы может дать министерству этот советник?.. Вообще же производит впечатление очень скромного, деликатного и симпатичного человека. Держит себя очень просто и доброжелательно»².

С.В. Чиркин вспоминал впоследствии: «Я, Гирс и Олферьев выехали из Петербурга одновременно в марте месяце и расстались в Баку, откуда Гирс отплыл с ближайшим пароходом в Красноводск. Я же и Олферьев погрузились в тот же вечер на маленький пароходишко “Туркмен”, шедший в Энзели. Это было уютное суденышко общества “Кавказ и Меркурий”. Барометр предвещал свежую погоду, и по выходе из порта нас сразу стало так качать, что было тошно смотреть на уставленный к ужину всякими яствами стол в узенькой носовой кают-компании. Олферьев быстро “смотался” в каюту, несмотря на то, что был любитель и выпить, и закусить...

Помню в Энзели мы останавливались на короткое время у прикомандированного к рещтскому консульству Преображенского, который, дав нам придти в себя после неприятного морского перехода и солидно подкрепить пустой желудок, любезно

---

¹ ОР РГБ, ф. 509, Шифр 3-20, л. 11-14.

² Там же, л. 15об.-16.

распорядился снаряжением для нас прямого кирджима до Решта по реке, носящей шаблонное название Сефид-руд (Светлая река) и текущей в низких, топких, покрытых камышом берегах. Это было очень медленное, неинтересное путешествие в течение нескольких часов вверх по реке, и мы были крайне рады, когда, наконец, к полудню добрались до Решта, где были встречены у места причала консульским служащим-персом, который и доставил нас в консульство. Нашим консулом в Реште был в то время И.Л. Цейдлер, финляндец по национальности...

Хотя нас и подгоняли в Петербурге, да и Цейдлер говорил, что посланник без студентов “как без рук”, Олферьев, большой лежебок, стоял за поездку “с прохладцей”, то есть с ночевками на станциях, дабы, как он говорил, предстать пред грозные очи П.М. Власова в свежем виде и произвести на него благоприятное впечатление...

В то время когда все иностранные дипломатические миссии расположились в новой части города, вне тегеранского делового центра – базара с его грязью и скученными, большей частью глинобитными, постройками и лавками, русская миссия, старейшая в стране, помещалась в своих старых, обведенных стеною постройках в самой сердцевине базара.

Через неприглядные серые ворота экипаж наш въехал на довольно просторный двор, в глубине которого, напротив ворот, находился подъезд к лестнице, ведущей в помещение посланника и церковь. Насколько помню, все здание имело форму буквы П. В середине и направо в верхнем этаже была квартира посланника, к которой примыкала церковь, направо внизу помещалась канцелярия, а все левое крыло и свободный низ середины и правого крыла здания занимали квартиры личного состава миссии и клира. Казачий конвой размещался в отдельном помещении за главным зданием; к заднему фасаду примыкал большой хороший сад, в глубине которого стоял флигель с квартирой второго секретаря.

В описываемое мною время нашим посланником в Персии был Петр Михайлович Власов – донской казак, питомец Учеб-

ного отделения восточных языков старого типа, который принимал лиц со средним образованием на трехлетний курс. В прошлом он был генеральным консулом в Мешедде, после того, в неизвестной мне должности, ездил в Абиссинию, с которой тогда еще не было регулярных сношений, затем некоторое время состоял министром-резидентом в Цетине и, наконец, получил назначение в Тегеран»¹.

В начале мая 1903 г. вся миссия переехала в Зерегендэ – живописное местечко под Тегераном, служившее местом летнего отдыха для членов иностранных миссий, служащих банков и торговых фирм. Эта деревня находилась под русской юрисдикцией как местопребывание дипломатов.

«Незадолго до переезда в Зерегендэ я и Олферьев, - вспоминал С.В. Чиркин, - воспользовавшись теплым воскресным днем, осуществили небольшую экспедицию в окрестности Тегерана, задумав осмотреть расположенную в уединенной котловине, среди голых гор, Башню Молчания огнепоклонников-гебров. Экскурсия эта была обставлена известной тайной, так как посещение “башни” непосвященными не допускалось ритуалом и, встретившись с гебрами в момент осмотра “башни”, мы могли испытать немало неприятностей, из которых жалоба в миссию была бы наименьшей. Подготовку экскурсии взял на себя Олферьев, заручившись указаниями и содействием со стороны инженера тегеранского трамвая русско-подданного Кригера, давшего нам в проводники своего служащего – надежного перса, который, наведя предварительные справки, выяснил, что в выбранный нами день не предполагается никаких религиозных церемоний у “башни”, и нанял осликов для нас и для перевозки лестницы.

Ясным ранним утром мы сошлись в условленном месте, где нас ждали ослики, и пустились в путь. Выехав за окраину

---

¹ Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. М.: Русский путь, 2006. С. 53–57.

города, мы скоро очутились среди гор в безотрадной местности, лишенной признаков человеческого жилья и растительности, и не более, как помнится, через час медленной езды были уже у “башни”, которая, в строгом смысле, мало заслуживала это название. Это была невысокая круглая серая глинобитная постройка в виде приземистого полого цилиндра, пяти-шести саженей в диаметре. Признаюсь, у меня как-то пропала охота внутреннего осмотра этого мрачного сооружения и я хотел ограничиться наружным обзором, но наш проводник уже приладил к стене лестницу, дошедшую почти до верха стены, и отступать было поздно. Олферьев первым поднялся наверх, заглянул внутрь “башни” и, не задерживаясь, спустился. “Ничего особенного, - сказал он, - несколько скелетов и смрад”. Подстегиваемый все же любопытством, и я вскарабкался по жиденькой, тряской лестнице. Но и с меня было довольно лишь беглого взгляда внутрь: я увидел несколько костяков, лежавших в разных направлениях (я тогда еще не знал внутреннего устройства “башен молчания”, согласно учению гебров), и у самой стены, под белым, порванным стервятниками покрывалом, видимо, еще не очищенный ими труп. Наше появление спугнуло пару-другую этих отвратительных птиц, грузно поднявшихся в воздух и перелетевших на голые скалы неподалеку. Цель была достигнута, но впечатление от виденного было тяжелое. Хотелось скорее выбраться на простор из давящей заброшенной котловины. Мы взобрались на наших осликов и через несколько времени выехали на торный путь. Было уже за полдень. Выбрав место для привала, мы расположились на завтрак захваченными с собой бутербродами и консервами. За этим занятием нас застала кавалькада служащих Учетно-ссудного банка, трусивших на осликах на пикник в один из пригородных местных садов. Нас звали с собой встряхнуться после нашей мрачной экспедиции, но, не зная почему — от усталости ли, от ненастроения ли, -

но мы отказались и, отдохнув после завтрака, вернулись в Тегеран»¹.

С.В. Чиркин впоследствии вспоминал: «Вообще же ни мне, ни Олферьеву не пришлось долго задержаться в Зергендэ, несмотря на то, что оно нам очень полюбилось как по местным условиям, так и по симпатичной русской среде, в которой мы проводили наши досуги.

С.П. Олферьев покинул Зергендэ первым, будучи командирован в Решт на помощь консулу Цейдлеру, оставшемуся без сотрудников. Ему повезло, так как вскоре и Цейдлер покинул Решт и он стал управлять консульством...»²

Итак, в 1903 г. Сергей Петрович был направлен в Тегеран, а вскоре в Решт и Энзели. Именно при нем началась постройка порта в Энзели и проводились работы по сооружению Энзели-Тегеранской и Тавризской шоссейных дорог. В 1908 г. Олферьев был переведен вице-консулом в Ардебиль и Астару, а в 1910 г. назначен вице-консулом в Турецкую Армению, в Ван. В сентябре-октябре 1912 г., когда Турция приступила к выводу своих войск из спорной зоны турецко-иранской границы, он совершил беспрецедентное путешествие – инспекционную поездку – по Курдистану и землям несториан. Во время своего путешествия из Вана в Урмию и обратно он вел дневник, который содержит много важных сведений о различных сторонах жизни ассирийцев-несториан и курдов. С.П. Олферьев со скрупулезной точностью описывал маршрут своего следования из Вана до Урмии в своем путевом дневнике, который легко мог быть использован и в военно-политических целях³.

Все время дипломатической службы Олферьев активно печатается в России. Он помещал статьи о природе, населении,

---

¹ Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. М.: Русский путь, 2006. С. 67–68.

² Там же. С. 72.

³ «Дневник» С.П. Олферьева подготовлен к публикации автором этих строк по копии рукописи, хранящейся в Архиве Российской академии наук (Архив Российской академии наук, ф.688, оп.6, ед.хр.18).

этнографии, сельском хозяйстве и землепользовании Турецкой Армении в журнале «Вестник землеустройства», который издавался в Перми его братом-близнецом Н.П. Олферьевым. Там же публиковались его «Письма из Турции» (№ 18, 23 и др. за 1912 г.).

Вскоре Олферьева назначают генеральным консулом в город Маку, где при нем была построена железнодорожная линия через Маку на Баязит и Ван.

Как писал брат Сергея Петровича, «Временное правительство вызвало в 1917 году Олферьева в Петроград и назначило его Генеральным консулом Северной Персии»¹.

В 1918 г. возвратился в Россию, и поначалу жил в родной Пензе, где служил в различных советских организациях (госконтроле, губсовнархозе, губсельхозсоюзе). С 1924 г. С.П. Олферьев работает в Москве в качестве представителя Пензенского губсельхозсоюза, сотрудника торгового отделения Текстильного треста, треста «Арарат», заведующего магазином «Вина Армении». Проживал Олферьев в Орехово-Зуево на Тихвинской улице (дом 8, кв. 13)².

«Год великого перелома» – 1929 – оказался переломным и для Сергея Петровича. В этом году в издательстве «Молодая гвардия» выходит книга «В верховьях Тигра (у айсоров и курдов)». На обложке книги была указана фамилия С. Вегин. Это был псевдоним Сергея Петровича Олферьева. Книга вышла с предисловием известного ираниста, действительного члена Научно-исследовательского института по изучению народов Востока и профессора Института востоковедения им. Нариманова Бориса Всеволодовича Миллера. Фактически в этой книге Сергей Петрович Олферьев в художественной форме попытался познакомить публику с материалами своего осеннего путешествия 1912 г. по Курдистану. В книге были напечатаны 42 иллюстрации (фото, сделанные в 1912 г.), карта маршрута и

---

¹ ОР РГБ, Ф.509 (Олферьевы), Шифр 3-19, л. 2.

² Книга памяти жертв политических репрессий жителей Московской области / Редкол.: С.Н. Кошман (пред.), В.И. Лагункина и др. М., 2002.

терминологический словарь. В том же 1929 г. Олферьева арестовывают и позже ссылают в Архангельск вместе с женой. Что послужило причиной ссылки, мне пока неизвестно. В Архангельске Сергей Петрович продолжал заниматься литературной работой. Ее итогом стала публикация в 1935 г. исторической пьесы в пяти действиях восьми картинах под названием «Ломоносов», которую Олферьев издал вновь под тем же псевдонимом – С. Вегин.

Как пишет Л.А. Шилов, после пересмотра дела С.П. Олферьев возвратился в Москву, а вскоре по совету своего старого знакомого по Турецкой Армении акад. И.А. Орбели переехал в Ленинград. Сначала С.П. Олферьев служил референтом во Всесоюзном институте экспериментальной медицины им. А.М. Горького, а в сентябре 1937 г. был зачислен библиотекарем 1-го разряда в восточный отдел Научной библиотеки ЛГУ. В конце декабря 1940 г. его уволили по сокращению штатов, но с 21 янв. 1941 г. зачислили библиотекарем 1-го разряда в Публичную библиотеку. Поскольку Сергей Петрович знал языки, в том числе и восточные, он стал работать в Отделе национальной литературы, где занимался инвентаризацией, расстановкой карточек в каталог, разборкой фонда турецких книг, обработкой, переводами, готовил библиографическую работу «Исторические и иконографические материалы о взятии Измаила». С началом Великой Отечественной войны продолжал работать в Библиотеке¹. Последний год своей жизни (1940–1941) он много работал, готовясь к юбилею Низами². Дальнейшее нам известно...

---

¹ Шилов Л.А. Олферьев Сергей Петрович (псевд. С. Вегин) // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т. 3: Государственная Публичная библиотека в Ленинграде – Государственная Публичная библиотека М.Е. Салтыкова-Щедрина 1931–1945. СПб., 2003. С. 430–431.

² Празднование 800-летия Низами, которое война отодвинула на шесть лет вплоть до осени 1947 г., должно было стать «одним из ярких и примечательных событий культурной и общественно-политической жизни СССР осени 1941 г.». См. подробнее: Тамашишвили А.О. Из истории изучения в СССР творчества Низами Гянджеви: Вокруг юбилея – Е.Э. Бертельс, И.В. Сталин и

О последних днях востоковеда Н.П. Олферьев написал: «Брат скончался в Ленинграде 10 февраля 1942 г. от голода, 67 лет, похоронен на Охтенском кладбище. Скончался на руках своей сестры С.П. Валуевой и ее сына Миши, воевавшего в это время с врагом на подступах к Ленинграду. Брат и сестра питались разными заменителями, вроде столярного клея, а племянник получал на фронте 300 гр. хлеба и не мог помочь матери и дяде. В ночь с 9-го на 10-ое февраля брат страдал бессонницей и передал случайно приехавшему с фронта племяннику просьбу: “если умру, не пиши пока в Москву моим дочерям, им сейчас не легко живется”. К утру 10-го заснул и во сне скончался»¹.

другие // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. II. М., 2004. С. 173–198. В блокадном к тому времени Ленинграде торжественное заседание, посвященное этому событию, все же состоялось 17 (по другим данным, 19) октября в Эрмитаже. По воспоминаниям Б.Б. Пиотровского, многие из его участников и два докладчика (Н.С. Тихонов и М.М. Дьяконов) прибыли прямо с фронта, а бомбоубежища музея были подготовлены таким образом, чтобы в них в случае необходимости можно было продолжить заседание. «Люди сидели в пальто, но все было торжественно и знаменательно» (см.: *Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни*. СПб., 1995. С. 190). Любопытно, что труд о Низами, который готовился также к его юбилею, оказался лебединой песней учителя С.П. Олферьева – А.Е. Крымского (см.: *Крымский А.Е. Низами и его современники*. Баку, 1981. С. 9–10).

¹ ОР РГБ, ф. 509, Олферьевы, картон № 2, ед. хр. № 8, 1959 г. Машинопись. Чистовая версия ед. хр. № 10, л. 2-3.

Жигалина О.И., Зайцев И.В.

ПРЕДИСЛОВИЕ

История взаимоотношений России с турецкими ассирийцами весьма важна для характеристики русской политики в Турецком Курдистане накануне Первой мировой войны. В связи с ростом национального угнетения, произвола и беззакония со стороны турецких властей в отношении ассирийцев-несториан восточноанатолийских провинций Турции среди айсоров большую популярность приобрела идея перехода в православие. Несториане издавна были положительно расположены к России, считая ее своей покровительницей и освободительницей от ига турецких властей и курдских феодалов.

Еще во второй половине XVIII в. симпатии ассирийцев были на стороне России. В реляции П.А. Потемкина Екатерине II 22 июня 1784 г. читаем: «Полковник Бурнашев доносит о бывшем у него в Тифлисе одном Ассирианине, сыне бывшего начальника потомков сея нации, рассеянных в землях владения хана урумийского. Число деревень их тамо простирается до ста, а сверх того внутри границ турецких считается их семей до 20 000, которые все, будучи исповедания несторианского и имея собственного епископа, ищут избавления от ига настоящего в сильной деснице вашего императорского величества. Я требую достовернейшего об них сведения»¹.

Однако эта, казалось бы, чисто религиозная проблема для ассирийцев приобрела в начале XX в. реальную политическую

---

¹ РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 72, л. 19 об.-20.

подоплеку. Духовный и светский лидер турецких ассирийцев мар-шимун Мар-Сергий в июне 1910 г. дал знать русским представителям в Персии, что ассирийцы, измученные вечными насилиями, готовы поднять восстание и уверены в его успехе в случае оказания им поддержки со стороны России. При этом мар-шимун гарантировал переход всех турецких несториан в православие. Это предложение тогда вызвало, по меньшей мере, замешательство российских политических кругов, которые выражали большую сдержанность в использовании христиан-ассирийцев в продвижении русского влияния в районе смешанного ассирийско-курдского населения приграничной зоны Турции и Ирана. Поэтому на просьбу мар-шимуна последовал отказ, в том числе Россия отклонила ходатайство мар-шимуна Сергия о принятии его и его паствы в православие. В постановлении синода от 27 августа 1910 г. говорилось, что согласно каноническому праву этот вопрос подлежит компетенции не «Святейшего синода», а Антиохийской патриархии, к которой ассирийцам и следовало прежде всего обращаться¹.

Однако неоднократные обращения мар-шимуна о соединении несторианской и православной церковей и его разрыв с английскими миссионерами (католиками), прочно обосновавшимися в его резиденции в Кучанисе, способствовали тому, что российское правительство изменило свое отрицательное отношение к принятию турецких ассирийцев в лоно русской православной церкви. Уже в 1911 г. Синод с согласия Министерства иностранных дел решил послать в Кучанис для переговоров с мар-шимуном эмиссара – главу православной миссии в Урмии архимандрита Сергия. Усиление внимания российских правящих кругов к несторианам было связано, по-видимому, с тем, что Россия хотела воспользоваться внешнеполитическими сложностями Турции для приобретения новых экономических и политических позиций на Ближнем и Среднем Востоке. В свя-

---

¹ Лазарев М.С. Курдистан и курдская проблема. М., 1964. С. 162.

зи с этим переход несториан в православие укрепил бы влияние и позиции России в самом центре Курдистана.

В это время Турция, действительно, переживала сложности на международной арене. Это был период, когда мировые державы готовились к предстоящей схватке за передел мира. Уже с конца 1911 г., пользуясь политическим кризисом, охватившим Османскую империю, они предпринимали попытки захватить некоторые ее провинции. В сентябре 1911 г. вспыхнула турецко-итальянская война, в результате которой Турция потеряла свои североафриканские владения – Триполитанию и Киренаику (Ливию). Несториане и курды относились к внешнеполитическим неудачам турецкого правительства по меньшей мере с полным равнодушием. Между тем зрел конфликт Турции с рядом Балканских стран (Болгарией, Грецией, Сербией и Черногорией). Это не могло не задевать интересы России, заинтересованной в поддержке симпатизировавшего ей населения Османской империи, в частности несториан, испытывавших давление со стороны турецких властей, опасавшихся влияния на них успехов национально-освободительной борьбы народов Европейской Турции, которым впоследствии удалось освободиться от турецкого ига.

Русский посол в Турции Гирс указывал на необходимость поддержки христиан-ассирийцев денежными субсидиями, покровительством консулов, сдерживающим воздействием на курдов. По его мнению, делать это надо было осторожно, чтобы не ухудшить положение ассирийцев. Он считал также преждевременным (до окончательного выяснения международного статуса Армении и Курдистана) побуждать ассирийцев к активным выступлениям против турецкого правительства. Гирс полагал конструктивной организацию поездок русских миссионеров к ассирийцам. При этом он подчеркивал важность поддержания хороших отношений и с курдами. Однако курды практиковали похищения православных женщин. Это служило поводом для противников России к агитации против Русского

консульства и христиан¹. Это тревожило и европейских дипломатических представителей в Урмии. Так, например, американский и британский консулы обращались к статскому советнику Миллеру, российскому консулу в Урмии, с просьбой «принять меры по охране христианских селений от курдов и по удалению с персидской территории турецкоподданного курдского вождя Тимур-Аги»².

В канун Первой мировой войны отношение Министерства иностранных дел по вопросу перехода несториан в православие изменилось. Обращение ассирийцев в православие, считали в нем, будет иметь важное политическое значение, поскольку несториане рассматривались теперь как опора расширения русского влияния в Курдистане. Однако, положительно решив вопрос об обращении ассирийцев в православную веру, Министерство иностранных дел России по-прежнему проявляло крайнюю осторожность. Поездка архимандрита Сергия в Кучанис все время откладывалась, и так и не состоялась. Это отчасти можно объяснить тем, что российские политические круги не хотели терять расположение к России авторитетных курдских вождей и шейхов, ратовавших за покровительство России в их устремлениях к независимости от османской Турции.

Многие курдские вожди в Турции, как известно, начали принимать активное участие в деятельности оппозиции. В своей антитурецкой борьбе они рассчитывали на помощь России. Однако российское руководство не стремилось поддерживать курдское движение в Турции по ряду причин, в числе которых были и опасения осложнить положение христиан в восточных турецких провинциях. Дело было в том, что армяне и ассирийцы в то время считались главной опорой русского влияния на востоке Османской империи, и русское правительство отдавало им предпочтение.

---

¹ АВПРИ, ф. Персидский стол Б, оп. 489, д. 560, 1910, л. 3.

² Там же, л. 5.

С одной стороны, Россия стремилась к сохранению равновесия в русско-турецких отношениях, особенно в связи с надвигавшейся с Запада военной угрозой. С другой стороны, в Курдистане она балансировала между симпатизировавшими ей религиозными (несториане) и националистическими (курды) группировками, сдерживавшими турецкую оккупацию и британское влияние в спорной зоне турецко-персидской границы.

Это было время, когда между Россией и Великобританией проводились консультации о начале турецко-иранского разграничения. При этом Россия выступила с требованием к Турции о прекращении агрессии в Западном Иране. В октябре-ноябре 1912 г. под совместным нажимом России и Англии Турция приступила к выводу турецких войск из приграничных округов Ирана.

Британские политические круги были весьма озабочены возрастанием русского влияния в Курдистане. Они (так же, как и Франция и США) выступали с позиций доктрины официального покровительства христиан Османской империи. Действовавшие в Курдистане миссионерские организации получали правительственные субсидии. Однако, по свидетельству очевидцев, их филантропическая деятельность (открытие школ, больниц) имела сугубо пропагандистский, политический характер.

Ярко выраженная политическая окраска деятельности иностранных миссионеров, возможно, была одной из причин, по которой она не имела особого успеха среди ассирийцев-несториан и курдов, соглашавшихся называться католиками или протестантами исключительно за деньги и подарки. Особенно равнодушно воспринимало пропаганду различных толков христианства курдское население, привыкшее следовать проповедям своих шейхов. Весьма незначительными были до-

стижения католиков, которым удалось завербовать себе сторонников только среди халдеев и небольшого числа армян¹.

В Урмийском районе ассирийцы оказались объектом внимания и Германии. Интерес к ним немцев был обусловлен двумя обстоятельствами. Во-первых, среди ассирийцев выделялась прослойка зажиточного купечества, имевшего опыт торговли с Западной Европой, в том числе и с Германией. Во-вторых, часть ассирийцев исповедовала протестантизм. Именно на них удалось распространить влияние немецкой протестантской миссии в Урмии. Русский вице-консул в этом городе Введенский отмечал «заметное тяготение урмийских протестантов в сторону Германии». В Урмии и Хое немцы открыли детские приюты с начальными школами при них².

Православные миссионеры, несмотря на свою малочисленность, добились относительно заметных успехов. Им удалось, в частности, продвинуть и укрепить влияние России среди ассирийцев обещаниями политической и материальной помощи. Уже с 1898 г. ассирийцы-несториане Урмии приняли православие, что было повсеместно расценено как значительное достижение политики России в Иранском Курдистане. Но среди курдов влияние русских миссионеров было ничтожным.

Хотя миссионеры не достигли многого в Курдистане, их активность позволяла великим державам выступать с претензиями на покровительство и на защиту всего христианского населения региона. Они получали возможность активно вмешиваться во внутренние дела страны, во взаимоотношения мусульман

---

¹ Колюбакин А.М. Деятельность протестантских миссий в северо-восточной части Азиатской Турции // Известия Кавказского отдела ИРГО, вып. 1, т. IX. Тифлис, 1887. С. 115–120; Смирнов К. Миссионеры в Персии // Известия Штаба Кавказского военного округа. Издается при Разведывательном отделении Штаба Кавказского военного округа. № 23. Тифлис: Типография Штаба Кавказского военного округа, 1908; Селезнев Н. Ассирийская Церковь Востока. М.: Ассирийская Церковь Востока, 2001.

² Истягин Л.Г. Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне Первой мировой войны. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1979. С. 193, 191.

с христианами и, в частности, оказывать в своих интересах непосредственное политическое воздействие на курдов и несториан-ассирийцев.

В сентябре-октябре 1912 г., когда Турция приступила к выводу своих войск из спорной зоны турецко-иранской границы, туда был направлен для инспекции вице-консул России в Ване С.П. Олферьев, посетивший районы проживания ассирийцев-несториан и курдов. Во время своего путешествия из Вана в Урмию и обратно он вел дневник, который содержит много важных сведений о различных сторонах жизни ассирийцев-несториан и курдов.

В данном издании «Дневник» С.П. Олферьева публикуется по копии рукописи, хранящейся в фонде В.А. Гордлевского Архива Российской академии наук¹.

С.П. Олферьев со скрупулезной точностью описывал маршрут своего следования из Вана до Урмии в своем путевом дневнике, который легко мог быть использован и в военно-политических целях. С начала 1912 г. в Курдистане, как известно, зрело восстание всех антитурецких сил, инициатором которого выступала некоторая часть курдской элиты, в числе которой были Абдурезак и Сеид Таха. Первый, бывший церемониймейстер султана Абдул-Хамида, хлопотал о получении русского подданства и желании поселиться в Эриване взамен на свою деятельность среди курдов в интересах России. Не случайно коллежский советник Олферьев доносил в МИД из Вана 17 апреля 1911 г.: «Абдурезак сегодня выехал в Котур. Он сказал мне: я намерен теперь вместе с Симко захватить Дильман, предложить Персии признать меня губернатором Урмии и поручить мне охрану границы... Свою преданность России докажу на деле»².

---

¹ Архив Российской академии наук, ф.688, оп.6, ед.хр.18. Орфография и пунктуация текстов приближена к современной.

² АВПРИ, ф. Персидский стол Б, оп. 489, д. 560, 1911, л. 19.

Однако Россия придерживалась осторожной и взвешенной политики в отношении курдов, дабы не осложнить в Курдистане своих отношений с Турцией. Турецкие власти старались привлечь на свою сторону вождей самых крупных и сильных племен и использовать их в своей захватнической политике в пограничных районах Иранского Курдистана. Одним из них был шемдинанский шейх и турецкий сенатор Абдул-Кадыр, агитировавший курдов поддерживать интересы Турции против России. Под его влиянием на сторону турок перешло немало курдских вождей приграничных районов Турции и Ирана.

Между тем основное внимание в своем дневнике С.П. Олферьев уделяет вопросу отношения ассирийцев-несториан к православию и России. Он подчеркивает их антитурецкий настрой и ненавязчиво отмечает, что дом несторианского митрополита, симпатизировавшего русским, находившийся в Шемдинане, был разграблен, а несколько его сторонников были убиты людьми Абдул-Кадыра.

Автор сообщает немало интересных подробностей образа жизни, быта и обычаев ассирийцев-несториан, в частности, упоминает о том, что несториане не едят мяса; указывает достаточно высокий образовательный уровень членов семьи маршимуна; рассказывает о том, что в отдельных районах, как, например, в Тхуме, не было наследственных меликов. Там это была выборная должность. Мелика избирали на два года, который в дальнейшем утверждался мар-шимуном. Олферьев описывает руины многочисленных монастырей, что свидетельствует о некогда прочных позициях христианства в посещаемой им местности. Он также сообщает интересные легенды, связанные с ролью монастырей во взаимоотношениях христиан и мусульман региона. Олферьев записал интересную легенду о платке, подаренном якобы пророком Мухаммедом несторианскому храму. Этот платок как бы являлся амулетом, спасавшим храм от нападений мусульман.

Между тем в конце 1912 г. султан даровал амнистию злейшему врагу Турции – Абдурезаку и Сеиду Таха. Однако, по

сведениям С.П. Олферьева, содержащимся в его путевом дневнике, курды и несториане осуждали политику турецких властей и говорили об этом с ним совершенно открыто.

Когда осенью 1912 г. в резиденции мар-шимуна в Кучанисе побывал С.П. Олферьев, мар-шимун заявил ему о желании перехода несториан в православие и о своем разрыве с английскими миссионерами. За деньги, по свидетельству Олферьева, несториане свободно переходили в католичество.

Это подтверждает и В.Ф. Минорский, работавший в это же время в Тегеране: «айсоры вообще... не обладают стойкими религиозными убеждениями и предпочитают иметь земельные блага, видя, что французские католики оказывают значительную денежную помощь всем нуждающимся и пострадавшим и, что православная Миссия этого не делает, ибо не имеет средств...»¹

Этот визит С.П. Олферьева не остался, однако, без внимания католических миссионеров, встретившихся с российским вице-консулом и имевших с ним беседу, в ходе которой выяснилось, что они помимо свойственной им деятельности в области просвещения и здравоохранения занимались также и политической работой среди несториан. Об этом имеются прямые указания Олферьева в его записях. Он подробно сообщает его разговор с католическими миссионерами, озабоченными его появлением среди ассирийцев-несториан и общением с мар-шимуном и членами его семьи, оказавшими русскому консулу глубокое уважение и почтение.

С.П. Олферьев посетил также центры православия в Курдистане – Хосров и Урмию. Он тепло отзывался о священнослужителях, работавших в Хосрове, их благотворной деятельности.

Однако известно, что из-за отсутствия должного внимания со стороны российских властей к миссионерской деятельности и отсутствия необходимого финансирования этот центр, не успев укрепить свое положение, уже через несколько лет пре-

---

¹ АВПРИ, ф. 194, оп. 528в, д. 281, 1916, л. 22.

кратил свое существование. Зато существенно усилилось влияние там французской католической миссии, которая имела с православной земельные споры, а посему «отношения между французской католической миссией в Хосрове и нашей православной, – как писал В.Ф. Минорский, известный востоковед и русский дипломат, – почти с самого дня ее основания никогда не были добрыми и дружественными». Французская миссия в Хосрове была образована еще в середине XIX в. Она находилась в «прекрасно обставленной церкви», что производило сильное впечатление на местное население, «на которое, как и на все восточные народы, производит впечатление внешняя обстановка». Православная миссия в Хосрове располагалась в небольшом каменном помещении, а в 1913 г. было начато строительство церкви, которое не было завершено. К 1914 г. работы были прекращены, и это здание стало обрушаться, а затем было «приведено турками в полную негодность». Денег на ремонт здания Святейшим синодом не отпускалось. Поэтому помещение церкви «представляло из себя какой-то сарай с полубрушившимся потолком, выбитыми стеклами и жалким кумачовым иконостасом». В связи с этим в 1916 г. В.Ф. Минорский уже констатировал, что «французская миссия имеет большее влияние и пользуется большим уважением, чем наша православная. Французская миссия насчитывает своих последователей тысячами, в то время как православная только несколько сот...»¹. Осенью 1911 г. сиро-халдейцы Салмасского округа, перешедшие в православие, испытывали давление со стороны курдов. В связи с этим для их защиты в Хосров был направлен русский конвой².

Однако во время пребывания Олферьева в Курдистане важную роль в продвижении русского влияния в Иранском Курдистане играла русская духовная миссия в Урмии, образованная еще в 1903 г. Ее возглавлял архимандрит Сергей.

---

¹ АВПРИ, ф. 194, оп. 528в, д. 281, 1916, лл. 20–21.

² АВПРИ, ф. Персидский стол Б, оп. 489, д. 560, 1911, л. 89.

С.П. Олферьев встречался с ним и констатировал, что миссия достигла значительных успехов в распространении православия среди иранских ассирийцев-несториан. Он также отмечал факты перехода в православие нескольких мусульманских мулл.

Вице-консул приводит много важных и интересных сведений о православных храмах, их деятельности, численности священнослужителей.

В то же время С.П. Олферьев, судя по его записям, наблюдал за жизнью и настроениями курдского населения. Это не было случайностью. Осенью 1912 г., в разгар первой Балканской войны, правительство России заинтересовалось возможностями привлечения курдов на свою сторону не только в случае войны, но и в мирное время. В связи с этим МИД России направил циркулярное письмо послу в Стамбуле Н.П. Чарыкову и консулам в Ване, Урмии, Баязиде и Мехабаде (Соуджбулаке) с указанием «использовать настоящий момент для укрепления нашего влияния среди курдов и возможного отвлечения их от Турции»¹.

Как следует из дневника Олферьева, жизнь курдского населения не была достойной, поскольку он неоднократно отмечал факты угона скота курдами у несториан. Доходная жизнь вряд ли способствовала таким поступкам. Он также отмечал коварство и непредсказуемость действий некоторых курдских ханов. Вместе с тем дипломат останавливался в домах курдов, которые гостеприимно встречали его и оказывали ему всяческое содействие. В своем дневнике С.П. Олферьев сообщает много важных сведений о посещаемых им курдских аширетах, характеризует их вождей, указывает численность, описывает детали одежды, праздники и пр.

Большой интерес вызывает также его встреча с известным курдским военно-политическим деятелем и главой аширета Шеккак Симко. К сожалению, он не сообщает детали его про-

---

¹ АВПРИ, ф. Персидский стол Б, оп. 489, д. 560, 1911, л. 161.

должительной беседы с ним в Котуре, вотчине этого курдского хана. Он лишь отметил его тесное сотрудничество с русским воинским контингентом, расположенным на ирано-турецкой границе.

Последний был направлен туда не без усилий со стороны Н.П. Чарыкова, поскольку курды, находившиеся под покровительством Турции, по его словам, совершали «насилия над христианами и турецкая оккупация прекратится только тогда, когда в урмийском округе появится регулярная военная сила, способная внушить всяким разбойникам страх и обеспечить повсеместно порядок, после удаления турецких солдат и правителей»¹.

С.П. Олферьев указал на дислокацию в Урмийском крае Ширванского полка и организацию тайно от турок военных постов рядом с ними.

Отметим, что вооруженная группировка сторонников Симко Исмаил-хана Авдои в сотрудничестве с русскими отрядами охраняла отрезок персидско-турецкой границы в районе Котурского ущелья, препятствуя набегам на иранскую территорию курдских банд «с целью воздействовать на их персидских соплеменников и наказать их за покорность русским...»²

Местное военное командование русских войск высоко оценивало помощь Симко, который «продолжал службу по охране границы, неся на себе расходы по умиротворению Сомая... Я не говорю о многих, весьма ценных услугах этого верного и, по-видимому, единственного нашего сторонника в Азербайджане, оказанных и оказываемых им нашим охранным отрядам, разбросанным по постам среди курдского населения», – искренне писал о Симко подполковник Клемм³.

Ознакомившись с жизнью русских пограничных отрядов, С.П. Олферьев отмечал, что военные жаловались ему на плохую

---

¹ АВПРИ, ф. 194, 1910, оп. 528 в, д. 67, л. 4 об.

² АВПРИ, ф. Миссия в Персии, 1913, оп. 528б, д. 71, л. 3.

³ Там же, л. 6.

организацию медицинского обслуживания военнослужащих и их питания. Он также отмечал, что в результате вооруженных стычек с протурецкими курдами были раненые и убитые с обеих сторон.

Кавалерийский отряд Симко осуществлял тогда охрану части ирано-турецкой границы. Там были выставлены курдские посты Симко «с таким расчетом, чтобы они служили как бы второй линией охраны занятых нашими отрядами пунктов со стороны турецкой границы»¹.

Отметим, что и впоследствии Симко выражал преданность России. Уже в начале Первой мировой войны он обратился к российскому вице-консулу в Хое Кирсанову с телеграммой для ее передачи министру иностранных дел, в которой говорилось: «Россия – моя покровительница, несмотря на войну. Я и подчиненные мне курды готовы сражаться с врагами России и повергаем к стопам Его Императорского Величества свою жизнь и имущество»².

Кроме Симко Олферьев также встречался и с шейхом Сеидом Таха. Эти курдские вожди высказывались за то, чтобы им была оказана помощь в организации «курдского княжества» под протекторатом России.

В те годы курды, симпатизировавшие России, выдвигали множество проектов создания национально-территориальных образований под российским покровительством. Однако в канун Первой мировой войны не эта проблема волновала российские военно-политические круги. Россия стремилась вытеснить турок из персидских пределов, обеспечивая себе прочные позиции в Западной Персии с помощью привлечения персидских курдов к охране персидско-турецкой границы. При этом курды, в том числе и Симко, активно участвовали в учреждении таможенных постов на этой границе, а также отражали набеги турецких курдов и солдат в возвращенных Персии после турец-

---

¹ АВПРИ, ф. Миссия в Персии, 1913, оп. 5286, д. 71, л. 4.

² Там же, л. 13.

кой оккупации персидских округах. «Турки и их курдские аванпосты, – писал подполковник Клемм, – неукоснительно встречаются со стороны нашего ставленника (Симко. – О.Ж.) энергичный отпор при всех их попытках вновь перенести на персидскую территорию былую смуту и насилия»¹.

Посетив Симко, Олферьев другой дорогой благополучно вернулся в Ван. Однако означенный в его Дневнике сюжет продолжал интересовать С.П. Олферьева.

В 1929 г. в издательстве «Молодая гвардия» была опубликована книга «В верховьях Тигра», в которой С. Олферьев под псевдонимом С. Вегин² изложил свое путешествие к ассирийцам и курдам. В ней представлены этнографические подробности и описан быт курдов, айсоров, армян и общины езидов. Работа снабжена картой и 42 иллюстрациями. Предисловие было составлено Б.В. Миллером, известным востоковедом, работавшим в начале XX в. генеральным консулом России в Урмии.

Представленная в настоящем издании копия Дневника путешествия в районы расселения ассирийцев и курдов Турецкого и Иранского Курдистана не является полной из-за отсутствия Приложения 1, которое, как говорится в его тексте, представляет собой статистический обзор местности и содержит некоторые конфиденциальные сведения. Видимо, именно ее назвал автор «секретной частью доклада». Но и отсутствие столь важного приложения не умаляет ценности поднимаемых Олферьевым в «Дневнике» проблем, не утративших свою научную значимость и сегодня.

---

¹ АВПРИ, ф. Миссия в Персии, 1913, оп. 5286, д. 71, л. 7.

² Вегин С. В верховьях Тигра (у айсоров и курдов). М.-Л.: Молодая гвардия, 1929.

ДНЕВНИК И ОПИСАНИЕ ПУТИ, СОСТАВЛЕННЫЙ НАДВ. СОВ. ОЛФЕРЬЕВЫМ ВО ВРЕМЯ ЕГО ПОЕЗДКИ В ЗЕМЛИ НЕСТОРИАН ОСЕНЬЮ 1912 Г.

13 сентября.

13 сентября, в четверг, выехал из Вана по направлению к Хошабу¹. Со мной едут: местный фотограф Акоп, знающий курдский язык, 8 каваса, 6 жандармов, 5 вьючных лошадей и 2 мула при 8 проводниках. Всего со мной 8 лошадей и 2 мула. Фотограф служит мне в качестве переводчика. Он знает также по-русски, ибо воспитывался в Тифлисе. Человек он надежный и преданный России.

Вечером наш караван благополучно прибыл в Хошаб, где за неимением подходящего помещения, пришлось разместиться в палатках.

Описание пути:

При описании пути надо иметь в виду, что караван двигался медленно, со скоростью приблизительно 4 версты в час. Для измерения высот я взял барометр фабрики Нолэ в Париже и стоградусный термометр.

---

¹ Город Хошаб расположен севернее Ашута, в 45 км к югу от г. Вана (La Turquie Geographie, administrative, statistique descriptive et raisonnee de chaque province de l'Asie-Mineure par V. Cuinet, t. I-IV, P., 1891-1894, t. II, p. 752).

Караван выехал из Вице-консульства в 8 $\frac{1}{4}$ утра. До Арарка (так называется один из кварталов Вана) ехали $\frac{1}{2}$ часа. Тут кончается город. Следовательно мы выехали из него в 8 $\frac{3}{4}$.

В 9 час. утра, двигаясь к Ю, мы подъехали к казармам, которые находятся к З. от дороги. Здесь строятся 3 новых больших здания. Одно почти закончено. Обошлось оно не более 3 000 лир, так как часть строительных работ была произведена солдатами; они же занимались выделкой кирпича. Казармы расположены в саженях 50 от дороги, вблизи которой течет со стороны Ю.-З. незначительная речка Куробаш. В 9 час. 5 м. начинается небольшой спуск к этой речке. В 9 час. 10 мин. мы подъехали к речке, вдоль которой на незначительном расстоянии друг от друга, имеется 7 мельниц. Впереди нас показалось расположенное на холме селение Куробаш, которое лежит на берегу той же речки. В селении имеется 50 домов; все – армяне. Не доезжая Куробаша, наша дорога раздвоилась. Одна пошла к югу к сел. Кыгзы в Хайодзоре (долина реки Хошаб-су¹), другая – к Ю.-В. по направлению к Норкоху. Мы двигаемся по этой дороге, которая идет вдоль речки Куробаш среди холмистой местности. В 10 $\frac{1}{2}$ час. мы спустились на дно речки, которая течет здесь с В. на З. Переехав реку в брод, мы стали подниматься в гору. Подъем пологий, но длинный и очень трудный в дождливое время. На перевале были в 11 $\frac{1}{2}$ час. (Барометр показал: 2240 метр. при 21%.)

Затем стали спускаться. Впереди нас видятся грандиозные развалины так называемой крепости Хайкаперт. Они обнимают западные склоны небольшого горного кряжа выдвинутого в долине реки Хошаб-су. Эта крепость несколько напоминает Ванскую в смысле топографии, но к сожалению от нее осталось очень немного: остатки грандиозных стен, да оригинал. ци-

---

¹ Хошабом именуется р. Ангил-су в ее нижнем течении по выходе из г. Хошаба. Затем она пересекает долину Хаопсор и впадает в оз. Ван, в 6 км к югу от г. Вана (La Turquie Geographie, administrative, statistique descriptive et raisonnee de chaque province de l'Asie-Mineure par V. Cuinet, t. I-IV, P., 1891-1894., t. II, pp. 666-667).

стерны, выдолбленные в скалах. Жители окрестных селений находят здесь особенно много железных стрел, колец, глинобитных дощечек и проч. Все это обыкновенно скупается американскими миссионерами и препровождается в Америку. Нет никакого сомнения в том, что раскопки в этой местности дадут богатые результаты. Крепость эта, как и Ванская, относится, вне всякого сомнения, к эпохе Урартийцев. Около самой крепости лежит армянское селение Аствацацен.

Все время спускаясь, мы приехали в 12 ½ час. в селение Норкох. Здесь барометр показал: 1800 метр. при 28%. В Норкохе имеется 85 домов армян и 1 – курдов. Верстах в пяти от Норкоха (к Ю.-В.) лежит в той же долине Хошаб-су селение Хиндостан (42 дома армян, 3 дома курдов).

В Норкохе имеется 5 жандармов.

Из Норкоха мы выехали в 1 час. 50 м. Все время движемся веселой долиной Хошаб-су. Через два часа были вблизи курдского селения Зернак. Селение осталось от нас справа, приблизительно в 1 версте расстояния от дороги. Через 1/3 часа мы подъехали к небольшому скалистому кряжу, через который прорывается река Хошаб-су по узкому ущелью. Сделали небольшой подъем, имея реку с правой стороны от себя. На вершине подъема баром. показал: 1820 метр. при 28%. Затем стали спускаться к реке, через которую имеется здесь никуда негодный мост. Около моста будка для жандармов. Теперь их здесь не имеется. Переехав в этом месте реку в брод, мы едем южным берегом реки, русло которой здесь довольно широко; воды много, а долина поросла [к]устарником. К 5 час. 20 м. мы подъехали к мельнице. В 5 ч. 45 м. мы стали уклоняться от реки, которая пошла к С.-В. от нашей дороги. Сделав незначительный подъем и пройдя затем ровной площадкой минут десять, мы стали подниматься по довольно узкому ущелью. Перевалив его, мы в темноте увидели на далеком расстоянии от нас огни Хошаба. Мы стали спускаться, делая все время незначительные подъемы и спуски среди холмистой местности. В Хошаб мы приехали в 6 час. 50 м. Баром. показал: 1850 метр. при 19%.

В Хошабе¹ имеется старинная крепость, ныне заброшенная; она построена в персидском стиле и служила, по преданию местных курдов, местопребыванием независимых курдских беков. Эти древние постройки довольно хорошо сохранились и представляют несомненный интерес в научном отношении. Вблизи крепости, около стен которой протекает река Хошаб-су, имеется прекрасный старинный мост с персидскими надписями; таковые были мною сняты, но, к сожалению, этот негатив разбился во время пути. Хошаб – резиденция каймакама. Здесь 85 домов (из них 4 армянских, остальные – курды). В казе Хамидиэ (или Хошаб) население определяется так: 78% курдов, 24% – армян и 3% – несториан². Курды – исключительно райя³. Когда-то они очень старались, чтобы их признали аширетом⁴ и зачислили в состав Хамидийских полков⁵. Однако Правительство не

---

¹ Написано ручкой (О.Ж., И.З.)

² Аширет – арабским термином «аширет» у курдов в узком смысле именуется военная дружина главы племени, первоначально вербовавшаяся из членов его племени. С течением времени из семей и родственников дружинников сложился самостоятельный «аширетный» род, и таким образом аширет стал постоянным объединением ряда курдских семей вокруг предводителя племени. Впоследствии многие аширеты превратились в крупные племена. См.: *Вильчевский О.Л.* Мукринские курды // Переднеазиатский этнографический сборник. I. М.-Л., 1958. С. 190.

³ Райят – податное население, крепостное крестьянство. См.: *Вильчевский О.Л.* Мукринские курды // Переднеазиатский этнографический сборник. I. М.-Л., 1958. С. 191.

⁴ Несториане – представители самобытной христианской конфессии, последователи диофизитского христологического учения архиепископа Константинополя Нестория (428–431).

⁵ В 1891 г. турецкие власти приступили к формированию из курдов (а в Ираке и из арабов) легкой иррегулярной конницы хамидие, названной так в честь султана Абдул-Хамида. Формирование хамидие происходило по аширетам, составлявшим полки (*Грязнов Ф.Ф.* Курды и курдская конница // Известия Штаба Кавказского военного округа. Издается при Разведывательном отделении Штаба Кавказского военного округа. № 20. Тифлис: Типография Штаба Кавказского военного округа, 1907. С.1-33; *Лазарев М.С.* Курдистан и курдская проблема. М., 1964. С. 51).

пошло на эту уступку. Земледелие – главный вид сельскохозяйственной деятельности населения.

14 сентября. Сделали путь от Хошаба до несторианского селения Сель, где заночевали. Несториане встретили меня крайне приветливо, жаловались на свое тяжелое положение, на притеснения со стороны курдских разбойников и на бессилие местной власти водворить порядок. К Ю.-З. от Селя, в расстоянии 1 часа езды, лежит селение Дошх. В нем живут только курды (40 домов). 12 сентября у этих курдов угнали 400 баранов. Подозрение пало на курдов Персии. Представители курдского селения явились ко мне, горько жаловались на турецких властей и просили меня помочь им.

В сел. Сель имеется до 40 домов. Все – несториане. Есть церковь и кома (священник).

Описание пути:

Караван наш выехал из Хошаба в 8 час. утра. Едем долиной Хошаб-су по дороге, которая ведет на Башкала. Через ½ часа свернули с этой дороги, именно в том месте, где происходит слияние двух речек, образующих Хошаб-су; одна идет от перевала Чух с Ю.-В., другая течет с Юга из местности Шимдан. Эта местность называется так по имени курдского аширета, проживающего здесь. Пересекаем реку и следуем западным берегом реки, идущей из Шимдана. Прямо от дороги начинается подъем, продолжающийся 5 минут. Потом спуск к самой реке. Все время делаем незначительные подъемы и спуски, следуя берегом реки, вблизи которой барометр показал: 1850 метров. Ширина реки от 3–5 саженьей. В 9 часов утра долина реки стала шире; появились кусты и пашни. В этой местности имеется много кабанов. С двух сторон долину обступили невысокие горы, скорее холмы, рыхлые и почти без камня. Условия почвы заметно сглаживают горы и расширяют долину реки. В 9 ½ часов мы подъехали к мельнице, а в 9 час. 35 м. были около курдского селения Шикафган (15 домов). В 11 час. мы были в конце долины. Здесь река раздваивается: одна течет с Ю.-З., другая с Ю.-В. Мы едем берегом последней, где барометр показал: 2000 метров

при 28%. Следуем довольно крутым подъемом вдоль берега. На вершине этого подъема были в 12 час. 5 м. Барометр показал: 2230 м. при 22%. Перед нами открылось кругообразное плато. На С.-В. видна гора Башет-даг. На В. видно курдское селение Килиса (30–35 домов). Мы продолжаем двигаться ровной местностью на Юг. В 12 час. 40 м. мы прибыли в несторианское селение Сель (40 домов), где должны были заночевать. В Селе баром. показал: 2380 при 23%.

15 сентября.

Из Селя приехали в Н. Ахолан – резиденция главы аширета Шидан Омер-бека (в чине каймакама). Этот аширет зачислен в число хамидийских полков. Более подробные сведения об этом аширете помещены в прилагаемом при сем приложении со статистическими сведениями о курдах и несторианах.

Кстати считаю нужным добавить, что около горы Башет-даг разместился курдский аширет Мамед-Пиран. Его глава – Сеид-Ага (150–200 дымов).

В Ахолане я был встречен крайне любезным образом. Омер-бек, с которым я и ранее всегда поддерживал хорошие отношения, не стеснялся порицать при мне турок. Он поддерживает отношения с персидскими курдами. Его старший сын Тимур-ага (лет 20–22) женат на родной племяннице главы аширета Мерзики Шереф-бея, который живет в 3–4 часах езды от Балкалы в сторону Салмаса. Мерзики составляют один полк Хамидие. Шереф-бей имеет чин мир-алая.

В Ахолане мы ночевали и пользовались широким гостеприимством со стороны Омер-бека.

Описание пути: Выехали из Селя в 8,5 час. утра. Недалеко за деревней прошли через глубокий овраг. Едем на Ю.-З. Вся местность в складках. Затем следуем по глубокому ущелью реки Валитан. На дно ущелья спустились в 8 ч. 50 м. Пересекаем реку. Здесь барометр показал: 2260 м при 30%. Затем идет подъем. На верху были в 8 ч. 5 м. Барометр = 2390 при 22%. Кругом столпились дикие горы. Тропа для вьючного животного – сносная. Двигаемся вперед пологим подъемом; затем спуск в уще-

лье, на дне которого были в 10 ч. 50 м. Барометр=2380 метр. Едем по дну ущелья. Затем начинается подъем, на вершине которого мы были в 10 ч. 00 м. Барометр = 2370 м. Едем ровной местностью. В 11 ч. 30 м. спустились к речке Бейтежеран.

У самой речки расположилась часть аширета Шидан в своих черных палатках¹. Здесь сделали остановку в 20 минут, чтобы снять фотографии и поговорить с курдами. Рядом с палатками, по долине реки, видно много скота и барайты. Реку переехали вброд. Сейчас же от реки начинается трудный подъем, на верху которого мы были в 12 часов. Барометр = 2390 м. Потом поехали ровной местностью. Направо от нас (к В.) показалось издали селение Соук-хан (10 курд. домов). Остановка для отдыха лошадей 15 минут. В 1 час дня стали приближаться к долине реки Шидан. Приехали в Нижний Ахолан, разместившийся у самой реки в 2 часа. Барометр = 2350 при 28%.

16 сентября.

Расставаясь с Омер-беком, давшим нам в проводники своего брата и старшего сына, я подарил ему плетку, ручка которой целиком из серебра (работа ванских армян), а сыну его серебряные часы с цепочкой. Брату Омер-бека дал 1 лиру. Это мною было сделано потому, чтобы более расположить к нам курдов Шидана, которые с давних пор поддерживают связи с нашим Вице-Консульством.

Описание пути: Мы выехали из Алохана в 8 ½час. утра. Сперва двигаемся на Юг лощиной ручья, постепенно поднимаемся. На вершине подъема были в 8 ч. 55 м. Барометр = 2430 м при 20%. Затем двигаемся на Ю.-З. по долине. Ровно в 10 час. утра подъезжаем к развалинам. Это - старинная курдская кре-

---

¹ Черные палатки – это летние жилища, называемые курдами шатрами («кон»). Вертикальные и наклонные жерди, скрепленные веревками и привязанные к кольшкам, составляют остов шатра, на который наброшено и пригнуто веревками к тем же кольшкам полотнище из грубой черной шерстяной ткани. Подробнее см.: *Аристова Т.Ф.* Очерки культуры и быта курдских крестьян Ирана // *Переднеазиатский этнографический сборник.* I. М.-Л., 1958. С. 236.

пость «Кюрны». Затем спускаемся к речке Хорхорик. Воды много. Долина – хорошая. Обилие скошенного сена. Переехав речку, поднимаемся и снова спускаемся в небольшую долину с ручьем. Затем опять подъем, на вершине которого были в 10 ч. 20 м. Барометр = 2360 м при 24%. Снова спускаемся в долину с речкой. Небольшой подъем и опять спуск в долину с речкой. Опять подъем, на вершине которого были в 10 ч. 50 м. Барометр = 2330 м. Затем спуск в небольшую долину, поднявшись из которой, выезжаем на плато. В 11 ч. справа от нас (в верстах двух) показалось селение Шахманис (45 домов армян и 5 домов курдов). Это селение лежит в долине реки того же имени. Около него видны залежи каменного угля. Вообще нахиэ Нордуз богата углем. Турки начали было вывозить его в Ван, но отсутствие дорог, а главное разбои курдов затормозили это дело. В 11 ч. 10 м. слева от нас осталось селение Ахрак (15 домов. Курды). В 12 ½ час. впервые увидели вдали редкий лес на горах. В сторону Кудчаниса (резиденция Маршимуна¹) на горах виден снег. В 11 ч. 20 м. стали спускаться к речке Шахолан. На дне долины были в 11 час. 40 м. Барометр = 2090 м. Затем подъем. Здесь барометр показал = 2100 м. Спуск к реке Севик. Эта река впадает в Бохтан-су (Шатах-су). Едем долиной этой реки. Воды в ней много. Ширина – 3–5 саженьей. Долина поросла кустарником. В 12 часов переходим реку вброд без труда и двигаемся на Ю. по узкому ущелью с пересохшим ручьем, который идет от селения Севик. Весной здесь бывает много воды. По имени этого селения и ручья, река в этой местности носит тоже название. В 12 1/3 мы выехали из этого удушливого ущелья и стали двигаться среди небольших холмов, постепенно поднимаясь. На вершине подъема были в 12 ½ час. Барометр = 2220 при 24%.

---

¹ «Маршимун» – так именовался с середины XVII в. наследственный патриарх несторианской церкви, который проживал в высокогорной деревне Кучанис района Хаккари. Мар Бенджамин Шимун во время Первой мировой войны попытался создать независимое государство с центром в Урмии, но потерпел поражение из-за отсутствия должной поддержки со стороны России. Их место занял Симко (*Лазарев М.С. Курдистан и курдская проблема. С. 381*).

В 12 час. 40 м. с правой стороны от нас показалось издали сел. Севик (15 домов курдов аширета Шидан). В 12 ч. 45 м. спуск в небольшую долину. В 1 час проезжаем около курдского селения (7 курд. домов). Около селения (вернее за ним) переезжаем овраг и двигаемся по подъему. В 1 час. 30 м. подъезжаем к палаткам курдов из соседнего села Зах. Это – курды аширета Шидан. В 1 часе езды от этого места к З. лежит зимняя резиденция Омер-бея селение Паган (20 домов). Там его дом и остатки незначительной старой крепости. Местность изобилует медведями. В палатках у курдов мы заночевали. Слышались общие жалобы на притеснения со стороны турецких властей. Курды называют здесь турок именем «пис» (грязный). Барометр = 2400 при 16%.

17 сентября 1912 г. Тимур-ага и двоюродный брат Омер-бея продолжают провожать меня «до владений Маршимуна». Они уверяют, что дорога здесь кишит разбойниками и держат свои винтовки наготове. Они простились со мной лишь тогда, когда мы поднялись на перевал и перед нами открылись мощные, пикообразные хребты Тиарских гор.

Описание пути: Тронулись в путь в 7 ч. 40 м. Сперва едем на Ю.-В. Минут через пять сворачиваем на Ю. С левой стороны от нас видна долина, в которой разместилось сел. Паган. В 8 ч. начался спуск к сел. Зах (курды – 40 домов). Не доезжая до селения на мосту лежит большой камень, на котором вырезан крест. В долине течет река Быракот-су. Около селения Зах проехали в 8 ч. 15 м. Барометр = 2410. Затем начинаем подниматься долиной реки. В долине много кустарника и еще несжатые посевы пшеницы и ячменя. На вершине подъема были в 8 ч. 40 м. Барометр = 2550 при 18%. Продолжаем подниматься среди диких ущелий. В 9 ч. 10 м. выезжаем на площадку. Барометр = 2700 м при 15%. Подъем продолжается. В 9 ч. 30 м. на второй площадке. Барометр = 2800 м. при 14%. В 9 ч. 40 м. дорога раздваивается: одна идет в восточном направлении в селение Арадиз, в котором живет Хасан бей, глава аширета Шерефанлю. От этого места до селения Арадиз считается 6 часов. Аширет Шере-

---

фанлю записан в списки Хамидиэ под № 56 полка. Другая дорога, по которой мы следуем, идет на Ю. Эта местность называется «долиной 40 родников». Здесь много воды. В 10 ч. 10 м. дорога раздвоилась: одна ведет в сел. Кодранис, а другая в сторону Кучаниса и Джуламерка¹. Мы едем по этой последней. Небольшой спуск в широкую долину, посреди которой течет хорошая речка. В летние месяцы именно здесь проживает в продолжении 2 месяцев Омер-бей с своим аширетом. Окрестные горы и вообще вся местность носит название «Наберноу». Река течет с З. на В. в сторону Кодраниса. Название реки – Чилканы. В 11 ч. мы были на перевале. Водораздел. Барометр = 3110 м. при 13%. Началась область незначительных снегов. С перевала открылся редко красивый вид: с Ю.-З. столпились за долиной Левина причудливые горы Тиари, а с Ю.-В. поднимались перед нами грандиозные массивы гор Джелу. В этих горных областях обитают несториане.

От перевала стали спускаться. На дне неглубокой долины были в 11 ч. 30 м. Барометр = 3090 м. Потом идет подъем, на вершине которого были в 11 ч. 35 м. Барометр = 3140 м. В 11 ч. 40 м. пересекли дорогу в Левине, которая идет со стороны С.-В. Едем вершиной хребта, которая окружает с западной стороны долину, в которой лежит селение Кодранис. По правую же сторону от нас лежит широкое ущелье Левина. Мы едем на Ю. В 12,5 час. наша дорога стала заворачивать на Ю.-В., именно в том месте, где начинается глубокое ущелье, спускающееся к долине Левина. В этом месте барометр показал 3240 м. при 11%. Отсюда дорога разветвляется: одна идет на Ю.-З. в Джуламерк,

---

¹ Джуламерк – место обитания Орамарских шейхов, власть которых распространялась на весь Северный (Турецкий) Курдистан. Во дворе резиденции Орамарских шейхов находится высокий каменный столб с клинописной надписью, пользующийся почитанием курдов в качестве священного камня. Род Орамарских шейхов, по традиции считающий своим эпонимом известного мусульманского деятеля Халида ибн Валида, одновременно возводит себя к числу последователей потомков известного суфия Абд-уль-Кадыра Гиляни. (Вильчешский О.Л. Курды. С. 99, 146.)

другая на Ю.-В. в сторону Кучаниса. Едем по последней. Кое-где лежит снег. Стали спускаться в долину, затем незначительный подъем, второй спуск в долину, где достаточно воды. Сюда приехали в 1 час. дня. Барометр = 3110 м. Так как вьючные животные сильно остановились утомились¹, то пришлось сделать остановку на 1½ часа. Выехали отсюда в 2 ч. 30 м. Затем подъем, на вершине которого были в 3 часа. Барометр = 3320 при 12%. Здесь водораздел. Отсюда начинаются крутые своеобразные спуски в котловину Кучаниса, или вернее Кудчаниса (резиденция Маршимуна). В 3 ч. 35 м. спустились в долину. Барометр = 2920 м при 15%. Пересекаем эту небольшую круглообразную долину приблизительно в 5 минут и далее начинаем опять спускаться по ручью. То и дело попадаются небольшие круглые долинки с ручьями. Дорога – трудная. Спустились к небольшой речке, которую переходим в брод. Подъем. Спуск. В 4 ч. 15 м. пересекаем большой ручей. Почти сейчас же подходим к другому, и спускаемся на дно долины, образуемой этим ручьем. Здесь имеются строения, выложенные из камней. Это – летние стоянки несториан из Кучаниса. Двигаемся далее по ущелью вдоль речки. В 5 ½ ч. открылась перед нами обширная котловина Кучаниса, с еще нежатыми посевами и обилием стогов сена. Эта долина идет с З. на В. вдоль по течению быстрой речки, спускающейся к Б. Забу. 20 минут остановки, так как необходимо было послать вперед каваса и предупредить о моем приезде. На встречу мне прискакали братья Маршимуна: Давуд и Нелис, старшина селения Кучаниса, шамаша (диакон) Иоханна и несколько других сельчан. Они сообщили мне, что Маршимун по делам уехал в Джуламерк, но что ему уже послали сказать о моем приезде и что он скоро будет дома.

Вблизи дома Маршимуна меня ожидали для встречи сельчане, во главе с несторианским митрополитом, приехавшим не-

---

¹ Так в тексте.

сколько времени тому назад из Шамдинана¹, где его дом разграблен сторонниками Абдуль Кадера², убившими также несколько человек из его прислуги. Митрополит (а по-здешнему Матран) пострадал только за то, что был на стороне Сеид Таха, врага Абдуль Кадера. Известно, что последний приходится дядей шейху Сеид Таха, который, по словам несториан, расположен к христианам. Митрополит, епископ Мар Илья, братья Маршимуна и местное духовенство поздравили меня с благополучным прибытием в Кучанис и высказали мне от лица всех несториан их радость видеть представителя России в гостях у Маршимуна. Сельчане, окружив меня плотной толпой и целуя мои руки, не переставали повторять, что у них только одна надежда на РУССКОГО ЦАРЯ И РОССИЮ. Я привык к Востоку и умею различать искренность от лицемерия восточного человека. В словах несториан слышалось более искренности, чем лицемерия.

Затем митрополит провел меня в отведенное для меня помещение, в лучшие комнаты дома Маршимуна. Здесь меня приветствовала на английском языке сестра Маршимуна Сурьма-Ханум. Эта девушка, лет 25–26, одетая по-европейски и держащая себя с непринужденностью, производит очень хорошее впечатление. Она заботливо воспитывалась под руководством английского миссионера Брауна, долгие, долгие годы прожившего безвыездно в Кучанисе и недавно случайно отравившегося. Этот Браун, как мне известно, всегда вел в горах антирусскую пропаганду и, зная психологию несториан, более всего опасался влияния на них России. Но как это ни странно, этот же самый миссионер совершил поступок, поведший к отпадению Урмийских несториан и их переходу к Православию. В порыве

---

¹ Район Шамдинан с центром в небольшом городке Нейри (Нехри) в южной Турции, в 250 км к юго-востоку от г. Вана и в 90 км к юго-западу от иранского г. Урмия.

² Абдуль Каде(ы)р – шемдинанский шейх, который в 1910 г. ходатайствовал перед Россией о принятии Курдистана в ее состав (*Лазарев М.С. Курдистан и курдская проблема. С. 151*).

гнева, а может быть в угоду старому Маршимуну он ударил по лицу Урмийского епископа¹, приехавшего на совещание в Кучанис и оскорбившего на словах патриарха.

Браун пользовался в Кучанисе большим влиянием, но с его смертью дело англиканских миссионеров пошло на убыль, ибо они не смогли приноровиться к характеру местного населения и добиться серьезной поддержки со стороны английского Вице-Консульства в Ване, представители которого, к их печали, за последнее время были ярые католики (Морган и Сил).

Я не буду касаться здесь характеристики Маршимуна и его близких. Об этом мною будет сказано особо.

После обычных приветствий со стороны Сурьмы-ханум, был подан ужин, за который мы сели в большой компании. Сурьма-ханум – монахиня. Со старины завелось так, что одна сестра Маршимуна налагала на себя обет безбрачия и жила всегда при брате, ведя его личное хозяйство по дому. Сурьма-ханум пользуется большим влиянием на Маршимуна и ведет всю деловую переписку, будучи гораздо образованнее своего брата.

Маршимун, несторианские епископы и Сурьма-ханум никогда не едят мяса. Для меня за ужином были поданы кушанья из мяса, но я отказался от них, сказав, что мы, русские, имеем обыкновение следовать установившимся порядкам в доме, в котором мы гостим. Я просил взять во внимание мои слова и на следующие дни не беспокоится приготовлением каких-либо специальных блюд для меня и моей прислуги. Я заметил, что это произвело очень хорошее впечатление на присутствующих и епископ Мар Илья рассказал, что англичане совсем иначе поступают: гостивший в Кучанисе больше месяца английский Вице-Консул в Мосуле не только не отказывался от мясных блюд, но прямо бесновался, когда таковые были приготовлены не по

---

¹ Епископы возглавляют католическую церковь в странах проживания ассирийцев на Ближнем и Среднем Востоке (Матвеев К., Сазонов А. Земля Древнего Двуречья. С. 149).

его вкусу и делал грубые замечания хозяевам. Это, конечно, мелочь, но именно эти мелочи имеют на Востоке большое значение и по ним складывается у туземцев впечатление о новом человеке.

18 Сентября. В 8 часов утра возвратился из Джуламерка Маршимун Мар Бенъямин, молодой человек лет 23–25. Он ездил в Джуламерк для переговоров с тамошним каймакамом по делам выборов в парламент. Несториане предполагали выставить своего кандидата, хотя брат известного Абдул-Резака¹ приезжал из Бохтана в Кучанис и просил Маршимуна подать голос за него.

Встреча моя с Маршимуном, которого я знал заранее, носила самый сердечный характер. Маршимун поразил меня своим костюмом: он скорее походил на англичанина – туриста, чем патриарха несториан. Впрочем, Маршимун и на медведей ходит. Дней за 10 до моего приезда он был на охоте вместе с английским консулом Хони, гостившим в Кучанисе, и лично убил одного медведя.

После краткой беседы, Маршимун поспешил переодеться и пришел ко мне с визитом в костюме, подобающем его сану. С ним вместе пришли: Митрополит Мар Хнаньжа и епископ Мар Илья. Разговор шел на турецком языке и касался главным образом желания несториан перейти в лоно православной церкви и жить под покровительством России. Об этом мною будет подробно сказано в секретной части доклада.

Затем пришли ко мне с визитом 4 английских миссионера: Мак Гилливрей, Рид, Бернанд и Спиринг.

---

¹ Абдур-Резак – племянник Бадрхана, главы курдов Бохтана, в 1910 г. обратился к русским властям с прошением о разрешении ему принять русское подданство и поселиться в Эриване. Он подвергался преследованиям турецкими властями, поскольку пытался среди турецких и иранских курдов сформировать пророссийский блок. Абдур-Резак впервые в истории Курдистана представил план, предусматривавший создание при непосредственной помощи Российской империи единого курдского государства (*Лазарев М.С. Курдистан и курдская проблема. С. 157*).

Я им отдал визит в тот же день и получил от них приглашение на обед на завтра.

Совершив прогулку по селению, я познакомился с местными сельчанами и был приятно поражен тем, что многие из них довольно сносно говорили со мною по-русски. Они ходили на заработки в Россию.

19 сентября.

Сегодня в Кучанисе престольный праздник. Церковь построена во имя Мар Шалиты. Я отправился к обедне вместе с Маршимуном. Служил епископ Мар Илья. Литургия поразила меня своей краткостью. Было много причастников. Пение – довольно сносное, но гортанное, как у армян. Служба показалась мне близкой к православной.

Один из кучаниских «кама» (священников), принявший было католичество, прислал своих детей в церковь и объявил, что он возвращается к старой вере. Это было целое событие. После обедни я, окруженный сельчанами, пошел посмотреть на скачки. Лошадей было мало и все – плохой породы. После скачек началась пляска, сопровождаемая пением и стрельбой из винтовок. В играх принимали участие и братья Маршимуна. Сельчане просили меня сняться вместе с ними, после чего они долго беседовали со мной о положении христиан в Турции и о надежде последних на то, что близок тот день, когда Россия освободит их из турецкого ига.

В 1 ч. дня был завтрак (или вернее обед) у Маршимуна, к которому были приглашены все четверо миссионеров. Только они сидели (конечно на полу) отдельно. Я с Маршимуном и епископами в одном углу комнаты, а они с Сурьмой-ханум – в другом.

После завтрака ко мне пришли с визитом католики: Нимруд Ефенди (его отец и дедушка Маршимуна были родные братья) и его братья. Других католиков в Кучанисе нет, да и эти сделались таковыми по особым причинам. Дело в том, что Нимруд Ефенди мечтал сделаться Маршимуном. Это ему не удалось, равно как и увеличить свои доходы за счет теперешне-

---

го Маршимуна. В результате он признал католичество, а его брат Мар Абраам был сделан католическим епископом. У Нимруда 4 брата и 3 сестры. Все они, за исключением одного, католики. Католики им дали денег на постройку молельни и каждому из них выдают денежные субсидии. Эти сторонники католиков, будучи у меня с визитом, убеждали меня в своих симпатиях к России и русским. Но в их словах слышалось много лести и фальши. Я в тот же день отдал визит Нимруду и его братьям.

Вечером я отправился на обед к англиканским миссионерам, которые между прочим заявили мне, что им необходимо серьезно поговорить со мной.

Миссионеры живут в особом доме, выстроенном для них бывшим Маршимуном, в 10 минутах ходьбы от усадьбы патриарха.

Помещение – плохое. Обстановка более чем скромная. После обеда Мак Гилливрей повел со мной такую беседу: «Я не буду, сказал он, останавливаться на истории нашего появления в несторианских горах. Она должна быть известна Вам. Скажу лишь кратко, что несториане хотели покровительства нашего Консульства в Мосуле и просили Архиепископа Кентерберийского прислать к ним людей, которые могли бы заняться их просветительством. Последнее и составляет нашу задачу. Мы совсем не желаем обратить несториан в нашу религию и всегда советуем им оставаться преданными вере своих отцов (это не соответствует действительности. Ибо в горах немало несториан перешедших в англиканство и получающих от миссионеров солидные денежные субсидии). Политикой мы тоже не занимаемся и не вмешиваемся в дела Маршимуна и его паствы (это неправда, ибо англичане, выплачивая небольшую сумму ежегодно Маршимуну, стараются держать его в своих руках и устраивать свои дела с его помощью; в то же время они настойчиво обращаются в Английское Вице-Консульство в Ване, если требуется поддержка последнего для защиты интересов несторианского населения или Маршимуна). За последнее время несториане требуют от нас, чтобы мы им оказывали

какое-то особое покровительство. Этого мы не в состоянии делать (думаю потому, что английские консула в Ване в последнее время – ярые католики). Это озлобляет население, которое повернуло нам спину. Теперь они только и говорят о России. Все их симпатии на Вашей стороне. Недавно в Кучанисе состоялся съезд епископов. Говорят, что на нем было решено всем перейти в Православие. Узнав об этом, мы сказали несторианам, что, если эти слухи справедливы, то нам среди них более нечего делать (А просвещение-то!) и мы согласны покинуть несторианские горы. Нам ответили на это: подумаем и дадим ответ. Но по сих пор нам не ответили. Вы, конечно, беседовали с Маршимунном и епископами. Нас очень интересует знать: правда ли, что несторане решили перейти в Православие?».

Вопрос был поставлен ребром. Я не имел сведений о том, что англичане были осведомлены о намерениях Маршимуна и несторианских епископов. Я понял только, что миссионеры желали выпытать от меня что-либо такое, что могло бы убедить их в справедливости дошедших до них слухов. Очевидно было, что они верили и не верили в возможность осуществления задуманного несторианами дела, полагая, быть может, что последние просто пугают их, чтобы добиться от них более активной поддержки. Я был очень осторожен с миссионерами. Указав им на то, что моя поездка к несторианам вызвана обычными консульскими обязанностями и заметив мимоходом, что за последние годы английские, немецкие и французские консула (кроме русских) посещали область несториан, я постарался успокоить их подозрения указанием на то, что я, в качестве Вице-Консула в Ване не вел никаких переговоров с несторианами о переходе их в Православие. Я сказал им также, что я не раз говорил о несторианах¹ с моим английским коллегой в Ване и всегда доказывал ему на необходимость энергично помогать англиканским миссионерам, дабы помочь им устроиться более прочно в несторианских горах. Это им может подтвердить капитан Сил.

---

¹ «о несторианах» - вставлено машинописью над строкой

(Я действительно вел не раз с ним беседу на эту тему, чтобы заручиться от него нужными сведениями.) Затем я сказал несторианам¹, что мы, русские, вообще придерживаемся особых взглядов на деятельность миссионеров, что можно заключить из того, что даже в Ване, по соседству с Россией, мы не имеем своих миссионеров среди армян, тогда как другие государства не скупятся на средства для поддержания своих духовных миссий в этом городе². А армяне, заметил я, имеют для нас гораздо более значения, чем несториане, уже потому, что добрая половина их состоит в русском подданстве. Я просил их не беспокоиться напрасно и верить, что я лично всегда буду готов поддерживать требования моего английского коллеги, направленные³ к улучшению положения несториан, если бы это оказалось полезным для просвещенной деятельности англиканских миссионеров. Конечно я не преминул коснуться в разговоре об успехах католиков среди несториан и о том, что симпатии русских всегда были на стороне англиканской церкви. Эта беседа, как я узнал позднее, была передана миссионерами (письмом) английскому Вице-Консулу в Ване.

20 сентября.

20 сентября выехал из Кучаниса. Перед прощанием с Маршимуном и его близкими, я поблагодарил хозяев за доброе гостеприимство и передал им следующие подарки:

---

¹ Так в тексте. Логика изложения подсказывает, что это описка вместо «миссионерам».

² Еще в самом начале возникновения Восточного вопроса европейские державы выступили с доктриной покровительства христианам Османской империи (Франция – католикам, Россия – православным). Эта доктрина оставалась в силе и тогда, когда приближалось окончательное разрешение Восточного вопроса. Действовавшие в Курдистане миссионерские организации из Франции, Германии и России получали правительственные субсидии. Филантропическая деятельность (открытие школ, больниц и пр.) имела сугубо пропагандистский, политический характер (*Лазарев М.С. Курдистан и курдская проблема. С. 44*).

³ “направленные” впечатано между строками.

Маршимуну – большая серебр. чашка и 6 коф. сер. чашек (работа ванских армян). Большой кувшин и 2 стакана (из венец. стекла).

Сестре Маршимуна Сурьме-ханум – бронз. часы (для стола) и большая серебр. чашка.

Брату Маршимуна Давуду – серебр. порт-сигар.

Братьям Маршимуна: Зийя, Йолису и Ишейя - 3 плетки, ручки которых целиком из серебра (работа ванских армян; подобные плетки здесь в большом ходу).

Митрополиту Мар Хваньжу – серебр. портсигар.

Епископу Мар Илье – серебр. портсигар.

Старшине селения Иоханне – револьвер (Браунинг).

Заведующему хозяйством Маршимуна Петросу – серебр. часы.

Его помощнику – серебр. часы.

Проводить меня вышли все сельчане с Маршимуном и епископами во главе. Была прочитана напутственная молитва, закончившаяся обращением к Всевышнему с дарованием РУССКОМУ ЦАРЮ громких побед над врагами христианства.

Маршимун дал в мое распоряжение старшину Иоханну, который отлично знает местность и постоянно разъезжает по поручениям Маршимуна по несторианским селениям, разбросанным среди самых неприступных гор.

Когда наш караван выехал из Кучаниса и находился минутах в 30 от последнего, нам попался навстречу старшина селения Кодранис, спешивший к Маршимуну с сообщением об утоне из селения 400 баранов. Курды, угнавшие скот, захватили с собой в горы и Кодраниского священника, с которого потребовали выкуп. Старшина просил меня помочь их горю. Я обещал ему, что протелеграфирую из Джуламерка заместителю губернатора Джабир-паше с просьбой помочь жителям Кодраниса. Обещание, конечно, я сдержал и послал из Джуламерка Джабир-паше частного характера.

Описание пути:

Выехали из Кучаниса в 8 ч. 40 м. утра. Сперва следуем по дороге, по которой мы приехали в Кучанис. В 9 ч. 25 м. свернули на Джуламеркскую дорогу. В начале едем долиной, а затем начинается подъем. В 10 ч. 20 м. поднялись на ровную площадку, откуда были сняты фотографии окрестных видов. Остановка здесь 20 минут. На перевале мы были в 11 ч. 25 м. Барометр – 2650 м. при 13%. Затем идет спуск до самого Джуламерка. Показалась красивая долина Джуламерка, которая идет уклоном с З. на В. вдоль по течению речки, впадавшей в Заб. Речка эта бежит по направлению к горе Сюбюль Даг, где среди скал прорывается Заб. В долине видны большие посевы риса, пшеница и пшеницы. Много фруктовых деревьев (яблоки, груши). В самом Джуламерке более 300 домов. Почти все курды. Здесь живет каймакам. Курды – райя. Их шейх некто Абдул Азиз, слепой от рождения. Ему не более 40 лет. Человек он, как говорят, хороший и тихий.

Спускаясь к Джуламерку, мы сделали остановку для съемки фотографий (35 минут). В долине Джуламерка видны следующие села: Паган (35 арм. домов), Халилян (25 арм. д.), Чалик (6 курд. д.), Пулведан (5 курд. д.), Марзан (50 кур. д.), Вахкаран (6 курд. д.), Кран (15 курд. д.), Бенкасер (30 кур. д.).

В 1 ч. 50 м. мы приехали в Паган, где остановились на ночевку. От Пагана до Джуламерка 10 м. ходьбы. Барометр в Пагане показал = 1690.

21 Сентября.

Выехали из Пагана в 7 ч. утра. Все время спускаемся. В начале через Джуламерк, который производит впечатление большой деревни. Здесь имеется старинная крепость, мало интересная. На старом кладбище много хорошо сохранившихся надгробных плит с куфич. надписями. Выйдя из Джуламерка мы продолжали спускаться и в 7 ч. 40 м. спустились к реке Котрамас-сую. Барометр = 1240 м. при 14%. Тут мы переехали через плохой мост, от которого сейчас-же начинается небольшой подъем по голой скале, к которой искусственно пробит проход и устроена лестница. Этим проходом мы вступаем в дикую тес-

нину Тиарских гор. Здесь была остановка (1 ч. 10 м.). Миновав проход, мы стали спускаться по другой стороне той же скалы к мосту. Дорога здесь проложена умело. Постройка эта принадлежит старым временам. Пройдя минут пять от этого моста, наш караван вступил в долину Б. Заба, в том месте, где в Заб впадает река Котрамас-сую. Заб течет здесь стремительно, шириной в 10–15 сажений. Барометр = 1180 м. Мы двигаемся вперед долиной реки. Идем довольно высоко над берегом, иногда спускаемся к самому берегу. На горах не мало деревьев. Ровно в 9 ½ ч. перешли мост из 35 шагов длины, и вступили на противоположный (восточный) берег Заба. Река становится здесь гораздо шире. В 9 ч. 40 м. подошли к незначительному подъему. Здесь пробита в скале лестница, а затем устроен проход через скалу. Затем спустились к реке. Берег порос диким виноградом. Навстречу нам попался караван до 20 молодых людей из Тхума. Идут на заработки в Тифлис. Двое-трое из них следуют в Америку.

В 10 ч. 25 м. подошли к мосту, от которого одна дорога идет к В. в сел. Ку (26 дом. нест. есть церковь). Эта дорога следует подъемом по долине реки Рауля, через которую и устроен злополучный мост. Мы его прошли и вскоре спустились к Забу, в том месте, где р. Рауля впадает в него. До с. Ку от этого места считается часа 1½–2 ходьбы. В 10 ч. 50 м. горные теснины несколько расширились. По горам начался лес. Затем долина опять сузилась. В 11 часов переехали реку Ури, впадающую к Забу с В. В начале долины, образующей этой рекой, лежит на значительной высоте ныне покинутое жителями селение Ури.

В 11¼ ч. подошли к старому мосту на Забе, который был когда-то построен солидно, а теперь совсем развалился.

В 11 ч. 38 м. подошли к скале, через которую пробит проход для вьючных животных.

В 12 ½ ч. проехали через ровную площадку. Долина реки здесь несколько расширилась. Сейчас стали спускаться к реке Тал, через которую проложен плохой мост. Эта речка тут же впадает в Заб. Течет – с В. по уклону долины. В начале этой до-

---

лины часах в 1 ½ от этого места, на значительной высоте, лежит местность, известная под именем Тал. В 12 ч. 35 м. долина Заба повернула к З. Именно отсюда начинаются оригинальные посе-вы особого пшена, известного здесь под названием «баджик». Поля устроены в виде террас, спускающихся уступами к Забу. Устройство таких полей требует больших усилий и расходов. А потому земли здесь ценятся необычайно дорого. Пшеницу не сеют именно за недостатком земли. Листья «баджика» ничем не отличаются от кукурузы. Самый же плод состоит из большой кисти, состоящей из плотно прижавшихся друг к другу круп-ных зерен в громадном количестве. Из этих зерен делают муку, из которой получается не вкусный хлеб; он быстро черствеет и чернеет. Другого хлеба здесь нет. Животных кормят зернами «баджика».

Именно от этого поворота начинается собственно Верх-ний Тиар, а именно входящая в его состав область Вальто, кото-рая славится своим табаком.

В 1 ч. 40 м. пересекаем спускающуюся к Забу долину с су-хим ручьем. Эта долина идет с Ю.

В 2,5 ч. подъехали к сел. Зурова (здесь 20 дом. нест.). Этим селом заканчивается область Вальто. На противоположном бе-регу Заба (западн.) начинается курдское селение Диза, которое тянется на несколько верст. В нем до 90 домов. Барометр=1100 м.

Мы сделали небольшую передышку в Зурова. Дорога бы-ла очень трудная и все время пришлось идти пешком.

В 3 ч. мы вышли из Зуравы. Около селения перешли Заб вброд и двинулись небольшой тропинкой, идущей над берегом Заба, вблизи которого протянулось сел. Дыза. Здесь хорошие посе-вы риса и много винограда, который вьется по деревьям.

В 4 часа подошли к долине, которая спускается к Забу с С. Эта долина по имени речки называется Силях. Через эту доли-ну идет к Забу тропа от Джуламерка. Эта тропа считается легче

той, по которой двигался наш караван. По ней в прошлом году проехал к Забу Лалаянц¹.

Через $\frac{1}{4}$ часа мы переехали через плохой мост, перекинутый через реку Сияях. Здесь мы спустились к сел. Диза, где имеется оригинальная мечеть, украшенная рогами диких коз. В 4 ч. 20 м. кончилась деревня Диза. Селение это – очень красиво расположено. Почти сейчас начинается несторианское селение Мерзрегу (30 дом. из них 5 домов курдов). Тут имеются свинцовые рудники. Ранее здесь жили курды, но многие из них перешли в христианство и слились с несторианами. Вообще положение курдов в несторианских горах – не важное.

В 4 ч. 40 м. мы прибыли в сел. Дарава (40 нест. д.) Барометр = 1020 м. Остановились на ночевку в доме Адама – он был женат на дочери Нимруда Ефенди из Кучаниса. Когда первая его жена умерла, он женился на родственнице Тиарского мелика Исмаила. Этот Адам находится в большой дружбе с Маршимуном.

22 Сентября.

Рано утром Мелик Берхо на Н. Тиари, случайно находившийся в гостях у священника сел. Мерзрегу, прислал мне сказать, что он просит принять его через 2 часа. Так как я знал, что Мелик Берхо не в ладах с Маршимуном из-за того, что первый снабжает деньгами католиков, и так как я торопился выездом из Даравы, то послал сказать Мелику Берхо, что я, не имея возможности принять его сегодня, рассчитываю повидать его в Н. Тиари. О Мелике Берхо я скажу в своем месте, а пока только укажу на причину его приезда в В. Тиари. Один из жителей Н. Тиари убил своего односельчанина. Мелик Исмаил, правитель В. Тиари, приказал арестовать убийцу, но тот бежал в Н. Тиар под покровительство Мелика Берхо. Некоторое время спустя, этот последний приехал в Мерзрегу, чтобы покончить это дело миром, т.е. уговориться с ним за кровь убитого. Обыкновенно пеня уплачивается не деньгами, а уступкой поля, принадлежа-

---

¹ Лалаянц Ерванд Александрович (1864–1931) – армянский краевед, археолог, фольклорист и этнограф.

щего убийце, родственникам убитого. Этот обычай установился со старины.

Описание пути: Из Даравы мы вышли в 7 час. утра. Дорога – невозможная. Идем западным берегом Заба по опасным обрывам и кручам. Уже второй день приходится идти исключительно пешком. Горы покрыты редким лесом. В 8 ч. 10 м. на противоположном берегу показалось сел. Бимерегу (30 нест. д. и 1 церковь). Здесь имеется ныне разрушившийся мост через реку. В 8 ч. 35 м. подошли к местечку Нази. Тут всего только 2 дома. Сейчас же за Нази пришлось перебираться через ужасную скалу. В 9 ½ ч. подошли к сел. Чамисар (7 дом.). Оно лежит у самого Заба и очень близко от Нази, но подойти к нему не легко: надо сделать трудный обход через скалы и затем спуститься к реке. От этого селения есть тропинка, которая идет к С.-В. по крутой горе по направлению к сел. Ку (Тиарский), до которого считается от Чамисара 2 ½ ч. ходьбы. В с. Ку 20 дом. нест. и 2 курдских д. Здесь Заб заметно уклоняется к Ю. Долина сильно суживается. Тропинки почти не заметно. Двигаемся по каменным глыбам. В 9 ч. 50 м. подошли к опасной скале, смываемой рекою. С большим трудом перевалили через нее. В 10 ч. подошли к месту, где река долины Левин прорывается к Забу с С.-З. Двигаемся очень медленно в виду опасной и чрезвычайно трудной дороги. Против того места, где р. Левин впадает в Заб, выложена из камней вблизи самой воды, в обход голой скалы, дамба длиною в 60 аршин, шириной – в 8. Дорога проложена очень умело. По виду воды, Заб должен быть очень глубоким в этом месте. Здесь остановка на ½ ч. Барометр = 9500 мтр. В 10 ч. 50 м. подошли к двум весьма опасным обходам скалистого берега. Немного далее опять подошли к дамбе, выложенной около самой воды на расстоянии 50 саженей. В некоторых местах дамба пострадала от разлива реки. Слева, т.е. на В. от нас осталось сел. Мобуа, расположенное в долине, спускающейся к Забу. Селения не видно издали. Остановка 40 минут. В 12 ч. 10 м. с. Хан Дадуж. Тут остановка 50 мин. За этим селом опять подошли к опасной скале, через которую проделана лестница. Заб круто

повернул на Ю.-З. В 1 ч 10 м. на противоположном берегу показалось с. Чами (3 дома). Остановка 15 минут. В 1 ч 40 м. подошли к долине с ручьем, спускающейся с В. к Забу. В начале долины в 2 часах ходьбы от Заба лежит сел. Малута, а у самой реки всего 3 дома, принадлежащих жителям того же селения, которые обыкновенно [нрзб.] перекочевывают в село в Чамба, что лежит выше. Селение Чамба расположено на берегу Заба.

В 2 ч. 45 м. обошли опасную скалу. Вода бежит стремительно, везде перекаты и груды каменных глыб торчат из воды.

В ½ ч. подошли к сел. Задел Яхо (15 дом.) Здесь через Заб устроен мост. Немного далее другой. Построены они Меликом Исмаилом. Обошлись по 50 тур. лир. Весенние разливы разрушили эти мосты и от них останется лишь устои, тщательно в русле выложенные из обтесанных камней.

В 4 часа показалось сел. Чамба – резиденция правителя В. Тиари Мелика Исмаила. И здесь пришлось подниматься по крутой лестнице, выдолбленной кое-как в отвесной скале. На самой крутизне на скале высечен крест. Прохожие прикладываются к нему. Затем начинается крутой спуск по скалистой лестнице к оригинальному мосту, перекинутому через Заб. Здесь мы оставляем наших вьючных животных (мулов), которые не могут перейти через мост. Их поместили в соседней деревне. На встречу ко мне пришел Мелик Исмаил с сыновьями и народом. Они без труда перешли мост по одиночке. Устройство моста настолько оригинально, что я должен сказать о нем несколько слов. Представьте себе буйную реку, заключенную среди скалистых берегов. На обоих берегах выложены из камней солидные устои; в эти устои вделаны бревна, которые соединены между собой при помощи плетенки из прутьев --- для легкости моста. Когда человек идет по этому мосту, то плетенка под тяжестью его ног то опускается, то поднимается. Ширина моста не более одного аршина; перил конечно нет. Внизу на большой глубине стремительно мчится Заб; из-под воды поднимаются голые скалы. Для непривычного человека упасть с такого моста – очень легко. Я перешел довольно благополучно, но мой фото-

---

граф-армянин долго не решался, так как сделав несколько шагов, он почувствовал головокружение и едва не свалился в бездну. Какой-то рослый тиарец посадил его к себе на спину и перенес на другую сторону.

Затемно, сопровождаемые Меликом и народом, мы добрались по камням до дома первого. Баром.= 860 при 23%.

23 сентября.

Селение Чамба расположено на берегу Заба. Оно со всех сторон окружено высокими горами. Климат этого места – плохой, что видно по лицам обитателей. Лихорадки здесь свирепствуют. Это следует объяснить не только положением селения в неудобной котловине, но и рисовыми посевами, которые тянутся по берегу реки. Разливы Заба по весне наносят большие убытки населению, уничтожая выложенные из камней стены, между которыми устроены плантации часто из наносной земли.

С С.-З. течет река Рауля, которая вливается в Заб около усадьбы Мелик Исмаила. В долине этой реки есть два селения, которые принадлежат Мелику Исмаилу: Ида (50 домов курдов) и Кялетан (60 домов курдов и несториан).

Мелик Исмаил – самый видный и влиятельный из всех несторианских Меликов. Он принадлежит к старинному роду, представители которого всегда были из своего народа. Мелик Исмаил очень гордится своим происхождением. Ему не более 45–50 лет. Это – высокий, худощавый старик, известный в горах своей отвагой, силой характера и суровостью. У него 4 сына: Шлимун, Дынха, Даниэл и Якуб, и 3 дочери. Старший сын Шлимун женат на сестре Маршимуна, Руми-ханум; он имеет 4 детей: двух мальчиков и 2 девочек. Руми-ханум красива собой, очень умна и пользуется большим влиянием среди Тиарцев не только в качестве сестры Маршимуна, но и как хорошая и сердечная женщина. Она, к сожалению, очень больна. Я думаю, что у нее затяжная болезнь слепой кишки. Несмотря на свою болезнь, она вышла мне на встречу. Так как в Чамбе нет доктора, то Мелик Исмаил пригласил к больной англиканского миссионера Рида, который, хотя и ничего не понимает в медицине,

тем не менее делает вид, что эта наука ему близко известна. Это помогает его деятельности среди несториан. Обыкновенно он лечит все болезни хиной и иодом. Руми-ханум он, конечно, не мог помочь, а повредить мог. Больная и Мелик Исмаил просили меня сказать свое мнение о болезни. И как я не уверял их, что ничего не понимаю в медицине, они все же настояли на том, чтобы я поговорил с больной об этой хвори. Я объяснил это тем, что со мною было не мало простых медикаментов, которые я неизменно беру с собою во время моих поездок на Восток. Раздача лекарств больным, как я не раз мог убедиться на деле, сближает иностранца с туземным населением и дает возможность интересующемуся бытом туземца получить от последнего нужные сведения.

Поговорив с Руми-ханум (с помощью переводчика: она не знает ни по-турецки, ни по-английски), я сказал Мелик Исмаилу, что она очень тяжело больна (температура была около 40%) и просил его не доверяться Риду, а послать в Ван или Мосул за доктором. Исмаил так и поступил. Он послал нарочного в Мосул, где, как говорят, имеется хороший доктор-англичанин.

В доме Мелик Исмаила мне было отведено самое лучшее помещение. За обедом прислуживали сыновья Мелика, который кстати сказать, очень горд и не сажает с собой за стол даже миссионеров. Мы с ним обедали всегда вдвоем. Рид и другой англиканский миссионер обедали где-то отдельно. Между прочим Рид рассказал мне следующее из жизни англичан в Амадии: «Наше положение в Амадии, - сказал он, - самое печальное. Тамошние курды возненавидели нас, ибо мы держим сторону несториан. К тому - же произошел еще такой инцидент. Один курд украл нашу лошадь. Его поймали и посадили в тюрьму. Он ухитрился бежать оттуда, но был убит одним из жандармов, посланным в погоню за ним. Родственники последнего решили во что бы то ни стало убить двух англичан. Теперь мы находимся как бы в постоянной осаде и без жандармов не можем никуда выехать. А это стоит не дешево. Случай с английским консулом в Мосуле Хони, убившим старшину курдского селения в Бей-

---

туль Шебабе, еще более восстановил курдов против нас. Завтра я и мой товарищ отправляемся из Чамбы в Амадию и очень опасаемся, что подвергнемся по дороге нападению со стороны курдов».

Мои разговоры с Мелик Исмаилом будут изложены мною особо, равно как и статистические сведения о В. Тиари и соседних курдских аширетах. Тиарцы особенно жалуются на аширеты: Жирки и Гявдан. Все население Тиари встречало меня с неподдельной симпатией и именно здесь, в В. Тиари, где население отличается своей правдивостью, я имел возможность удостовериться на деле, как глубока и велика вера христиан Востока в Россию. Англичан, а особенно католиков, здесь презирают. У всех на языке и в душе одно слово. Это слово – Россия.

Прощаясь с Меликом Исмаилом, я подарил ему на память револьвер, а сестре Маршимуна, Руми-ханум, дамские часы с цепочкой.

24 Сентября.

Описание пути: В 6 ч. 40 м. выехали из Чамба. Проводить нас вышло все население, с Мелик Исмаилом во главе. В 6 ч. 50 м. были в сел. Чамба Рола. Здесь всего 3 дома. Двигаемся долиной Заба. В 7 ч. 40 м. были около сел. Чами. Ровно в 8 ч. западный берег реки начинает круто заворачивать на Юг. (Ранее река текла в В. направлении). На повороте этом в Забе впадает с С.-З. река Румта. После впадения этой речки, долина Заба расширяется. Кругом видны группы крупных ореховых деревьев и много зелени. Эти земли и деревья принадлежат монастырю Мар Савы. Это – старинный, весьма почитаемый несторианами монастырь. В 8 ½ ч. были около обители. Церковь не представляет особого интереса. Но местность, занимаемая монастырем, очень живописна. В день престольного праздника в сентябре почти все население обоих Тиари¹ собирается в эту обитель, где размещается или под открытым небом, или в небольших каменных хижинах, сложенных из камней, для удобства бого-

---

¹ «обоих Тиари» впечатано над строкой.

мольцев. В эти дни монастырь даром кормит богомольцев, которые, конечно, в свою очередь жертвуют кто сколько может на обитель. Земли монастырские сдаются в аренду одному из несториан, который пользуется хорошей репутацией в округе. Этот арендатор меняется каждый год и выбирается самим народом в день престольного праздника. Затем он утверждается Маршимуном. Маршимун получает с этого монастыря 40 батманов риса в год. Остальное все берет арендатор, который обязан кормить богомольцев и прихожан безвозмездно. Нас тоже чуть не насильно заставили есть рисовую кашу и сперва не хотели брать денег. Здесь мы пробьли 2 часа.

Против обители на противоположном берегу Заба лежит сел. Биет Хию. Всего два дома. К С.-В. от Мар Савы на значительной высоте расположено сел. Румта (120 дом.). Старшина этого селения, по имени Бенъямин, очень богатый человек. Он живет в Биет-Хию и приходится родственником Мелик Исмаилу. Должен оговориться, что выражение «очень богатый человек» надо понимать¹ применительно к условиям жизни в несторианских горах, где доход (годовой) в 100–200 лир представляет уже значительное состояние.

В 10 ч. мы подошли к большому мосту через Заб, длиною около 100 шагов. Устои этого моста выложены из камней. Лошадей пришлось развьючивать. Уж мост-то очень не надежен. В 10 ч. 20 м. подошли к одинокому дому. Двигаемся по западному берегу Заба. В 10 ч. 35 м. дорога идет в обход очень трудной и опасной скалы и как бы висит над Забом. На противоположном берегу расположено сел. Чами Бисусина (всего 2–3 дома). Тут остановка около 1 часа. Отсюда мы стали подниматься в ужасную кручу, по направлению к 3. На подъеме были барометр = 9500 м при 32%. В 12 ч. 10 м. вошли в сел. Битди (13 курд. дом. и 7 нест.). Здесь остановка 20 мин. В этой местности так много медведей, что они всегда по ночам заходят в деревню и уничтожают посеы «баджика». Кругом по горам – рощи хоро-

---

¹ написано дважды.

шего дуба. Мы продолжаем подниматься, так как деревня лежит на полугоре. На подъеме барометр = 1230 м. при 36%. Здесь остановка 15 мин. Потом спуск к селению Серспиду. Оно тянется на большом расстоянии. В 2 часа были в нем. (50 дом. нест. Две церкви.) Здесь остановка 20 минут. Лесу здесь почти нет. Селение кажется богатым. Много полей. Только в 3 ½ часа кончились посевы, вдоль которых мы едем. Здесь уже стали попадаться несториане, говорящие по-французски. Чувствуется близость Ашиты ¹, откуда католики стремятся распространить свое влияние в сторону Кучаниса и Урмии. В 4 ч. 5 м. поднялись на гору. Баром.=1600 м при 25%. Горы как бы оглаживаются. Следуем на 3. подъемом, на вершине которого были в 4 ч. 20 м. Барометр =1670 м. Затем чередуются небольшие спуски и подъемы. В 5 ч. показалась большая деревня Ашута (Ашита). Барометр = 1570 м. Затем спуск и подъем, с которого уже открылась вся долина, в которой разместилась Ашута. Барометр = 1510 м. Здесь остановка 10 м. Долина эта спускается с С.-З. на Ю.-В. Она тянется на большом пространстве и вся занята постройками и посевами. В Ашуту мы спустились в 5 ½ час. вечера. Здесь до 500 домов. Все несториане. Барометр = 1450 м.

25 Сентября.

В Ашуте я остановился в доме старшины селения Осанны. Он сторонник Маршимуна, тогда как другой старшина, по имени Лазарь, стоит на стороне католиков. В доме Осанны проживает американский миссионер Мак-Дауэл с женою². Ранее они работали в Ване, а потом в Урмии. Мне передавали здесь, что эти миссионеры приехали сюда по просьбе Маршимуна, дабы оказать противодействие пропаганде католиков.

---

¹ Ашут - небольшой городок на берегу Большого Заба, к северу от Имадии. - Cuiner, t. II, p. 751.

² Американские протестанты финансировались деловыми кругами. В Турции они обосновались в Ване, Битлисе, Эрзеруме, Мардине; в Иранском Курдистане американский миссионерский центр был расположен в районе оз. Урмия (*Колобакин А.М.* Материалы для военно-статистического обозрения Азиатской Турции. Ч. 1. Тифлис, 1888. С. 169).

Маршимун – большой враг последних. Я думаю, что инициатива в этом деле принадлежала англиканским миссионерам, которые всегда пользовались и пользуются американцами в своих целях.

Так как сам Мак-Дауэл не был в Ашуте, а разъезжал в Бохтане¹, то мне пришлось беседовать лишь с его супругой, женщиной энергичной и свободно говорящей по-несториански². Она сказала мне, что она с мужем приехала в Ашуту год тому назад и что они надеются построить здесь свой дом и школу, если только найдут, что деятельность может быть продуктивной.

Католических миссионеров³ (Доминиканцы) здесь двое. Они появились здесь 5–6 лет тому назад. Ранее работал здесь энергичный доминиканец О. Жак. Этот миссионер, раньше живший в Ване, основал здесь миссию. Он отлично говорит на местном языке и известен своим умом и интригами.

Католики основались здесь довольно прочно. Купили за 200 лир дом у старшины Лазаря и денежными подачками заманили последнего в свои сети. Они также поддерживают связи с окрестными курдскими аширетами и стараются отвлекать, иногда с помощью денег, а иногда умелым лицемерием, от нападения на Ашуту и соседние селения. А это случалось не раз.

Особенно много вреда причиняют жителям Ашуты курды аширета Жирки, живущие в Бейтул-Шебабе. Подробные сведения о них помещены в отделе статистики. Года два тому назад они напали на это селение, убили несколько несториан и

---

¹ Бохтан в Средние века представлял собой эмират, расположенный западнее Бахдинана и Хошаба. Центром эмирата был г. Джебзире (Курдское движение в новое и новейшее время. М., 1989. С. 7).

² Здесь, по-видимому, имеется ввиду западный диалект сирийского языка, широко распространенный в Сирии, и всех, кто принимал христианство называли сирийцами, т.е. христианами, сторонниками сирийцев (*Мамбев К., Сазонов А. Земля Древнего Двуречья. С. 149*).

³ Католики из Франции обосновались в Мосуле, Эрзеруме, Диарбекире, Харпуге, Сиирте и других местах. Центром католической пропаганды стал Мосул (*Лазарев М.С. Курдистан и курдская проблема. С. 42*).

угнали несколько тысяч баранов, из которых только треть удалось вернуть несторианам. Для этого потребовалось целая экспедиция в Бейтуль-Шебаб, которая, как и экспедиция этого года, окончилась неудачно для турок.

Католики имеют здесь школу и учителей из туземцев. Переходящим в католичество они платят по 4–5 пиастров в день.

Их влияние проникает уже до Нижнего Тиари, где мелик Берхо получает с них деньги и считается ими за католика.

Я полагаю, что католики устроятся здесь гораздо прочнее, чем американцы. Они это сами сознают прекрасно. Их пугает лишь вера несториан в Россию и возможность перехода последних в Православие. А потому они – наши злейшие враги, распространяющие среди курдов и несториан самые нелепые и вредные слухи о России и русских.

Мой приезд им был не по сердцу, ибо они на деле увидели, куда клонятся симпатии близких нам по вере несториан.

Считаясь с злостной пропагандой католиков, я сделал все от меня зависящее, чтобы напомнить несторианам Ашуты о России и привлечь их симпатии на нашу сторону. Я вместе с сельчанами присутствовал на богослужении в церкви, сделал пожертвование на таковую и обошел всех несторианских священников, один из которых порядочно говорит по-русски. Я чувствовал, что мои разговоры с священниками и сельчанами принесли не малую пользу для нашего дела среди несториан. Даже старшина Лазарь пришел ко мне и секретно сообщил, что он решил покинуть католиков, «которые постоянно бранят нашу старую веру».

Успехи католиков были бы здесь еще более осязательными, если бы только некоторые из здешних священников – несториан (их 15) не отличались силой воли и преданностью своей вере. Эти так озлоблены на католиков, что готовы выгнать их силой из Ашуты. Лишь близость Мосула, где проживает французский Вице-Консул, их сдерживает. Католиков пока здесь немного. Не более 10 человек.

Интересно отметить то, что эти самые упорные священники в разговоре со мной прямо заявили, «их вера и русская одно и то же, что и только по недоразумению их называют несторианами, так как они приняли и приютили у себя Нестория, и что они готовы всегда русскими по вере».

Большая часть утвари в церкви – русской работы и привезена из Тифлиса.

Я обменялся визитами с Доминиканцами, которые меня пригласили на обед. Многие из несториан просили меня не ходить на этот обед, но я любезно объяснил им, что мне неудобно это сделать, так [как] доминиканцы, хотя и католики, но французы-союзники России.

Перы¹ по отношению ко мне были лицемерно любезны. Они сильно жаловались на Маршимуна, который-де непрерывно враждует с ними и даже подговаривает население покнчить с ними. Пер Жак, будто бы доведенный интригами Маршимуна до отчаяния, сильно заболел и должен был уехать на отдых в Мосул. Они рассказали мне также о безнравственных поступках Маршимуна, который, по их словам, не брезгает вступать в интимные связи с деревенскими девицами в Кучанисе. Я выразил сомнение в этом и нарочно подчеркнул доминиканцам, что я ничего дурного не слышал от Маршимуна касательно католических миссионеров.

Ашута находится в 4 днях езды от Мосула, с которым здешние миссионеры поддерживают постоянные сношения. Этим летом французский Вице-Консул в Ване и глава духовной миссии в Мосуле пер Берро посетили Ашуту и пробыли здесь несколько дней. Я знаю, что г. Зарзеки особенно рекомендует своему правительству увеличить денежные субсидии, выдаваемые католическим миссиям как в Мосуле, так и в Ване. Мне это известно из верных источников.

О деятельности католических миссионеров среди несториан я буду говорить особо, а пока скажу только, что последние

---

¹ Т.е. «отцы». От французского père.

очень умело выбрали Ашуту своей резиденцией. Их деятельность здесь будет гораздо продуктивнее, чем работа англичан в Амадии.

Прощаясь с старшиной Осанной, я подарил ему на память револьвер и патроны к нему.

26 Сентября.

Сел. Ашута тянется по долине по уклону. Чтобы пройти от одного конца до другого, надо не менее 1 ½ час. ходьбы. Правительство признает старшиной селения вышеназванного Лазаря. Это устроили католики, при содействии своих консулов в Ване и Мосуле. Маршимун не признает этого старшину, но он ничего не может поделать, так как власти вообще мало считаются с его требованиями, тем более в Ашуте, лежащей поблизости от Мосула. Это селение, хотя и причисляется к Н. Тиари, но, по существу, совершенно независимо от тамошних меликов и живет своей самостоятельной жизнью. Вражда отдельных партий и лиц в этом селении нередко кончается убийством. Это обстоятельство обыкновенно тщательно скрывается от властей и наказуется самосудом или уплатой пени родственникам убитого. Среди такой обстановки, католики, с помощью денег и интриг, скупают участки, ловят в свои сети недовольных и упрочивают свое положение. Деятельность католиков в Ашута напомнила мне их успехи в таком же большом селении вблизи Дильмана в Персии, а именно в Хосрове. Тамашние несториане не только сказались католиками, но и земли их в один прекрасный день оказались во владении Лазаристов. Лишь в последнее время часть Хосровинцев перешла в Православие. По этому поводу, как известно, католики подняли такой шум, что французскому консулу в Тавризе и нашему Вице-Консулу в Хое пришлось ехать в Хосрову для успокоения фанатиков – перов.

Описание пути: Выехали из Ашуты в 7 1/4 ч. утра. Сперва довольно крутой спуск к р. Рауля. Затем идем ущельем этой реки на В. Остановка 15 минут. В 9 ч. 10 м. показалось с правой стороны от нас сел. Завита (50 дом., церковь). В 9 ч. 40 м. были вблизи сел. Каша Георгис (3 дома). Дорога – очень плохая. Не-

много далее долина как-бы расширяется. Мы идем в сел Миньяньш (здесь 4 церкви). Идет спуск к селу. На горах много мелкого дуба. В 9 ч. 50 м. вошли в Миньяньш. Барометр = 9900 м. Здесь 50 домов нест. Здесь я посетил церковь. Один сельчанин не хотел верить, что я – русский консул. «Все, что к нам приезжают, – сказал он, – обманывают нас, говоря, что она – русские, чтобы мы лучше принимали их». Оказывается, католические миссионеры появляются тут под именем русских, так как боятся, что народ не пропустит их, что бывало не раз.

Сейчас же за Миньяньшем следует селение Мерги (100 домов). Очень хорошая местность. Много дубовых и ореховых деревьев. Мы следуем вдоль оросительной канавы, все время спускаясь небольшим уклоном к Забу. Мерги сливается под одно с селением Лизан (150 домов). В дом старшины Лизана мы пришли в 11 ½ час. Барометр = 780 м.

27 Сентября.

Лизан – большое село. Если в Ашуте чувствуется влияние католиков, то в Лизане их заменили американцы из Урмии. В настоящее время их здесь нет, но значение их остается значительным. Сам старшина селения Мелик Хошаба учился в школе американцев сперва в Урмии, а потом в Ване. Его жена из селения Арзандуза в Базе. Ее два брата обучаются в Америке, а сестра Анна, порядочно говорящая по-английски, пропагандирует протестантизм в Базе. О ней будет сказано ниже. Самого Хошаба я не застал дома. Говорят, что это – очень хороший человек. Меня встретила его жена, женщина гостеприимная и умная. У нее двое мальчиков и две девочки. Дом мелика Хошаба построен недавно. Помещение – солидное и чистое, что большая редкость в здешних местах. Хошаба отправился на несколько дней охотиться на коне в горы, и никто не знал, где он находится в данную минуту.

Лизанцы много страдают от нападений курдов Бервари, которые живут в 5 часах ходьбы от Лизана в сторону Ю. Глава этих курдов находится в постоянной вражде с здешними несторианами. Этот Решид-бек захватил до 20 полей, принадлежа-

---

щих мелику Хошабу и его родственникам в селениях: Терваньш, Дуви, Дешдан, Достиган. Эти деревни находятся в Бервари. Вражда между лизанцами и Решид-беком началась из-за следующего:

Решид-бек убил когда-то отца Мелик Хошабы. Его звали Мелик Осеп. Это случилось 11 лет тому назад. Мелик Хошаба отомстил своему кровному врагу убийством его брата. Пять лет тому назад Решид-бек собрал окрестных курдов до 7 000 человек. Некоторые пришли к нему на подмогу даже из Бохтана. С этим полчищем он напал на Лизан и селения. Он учинил здесь полный разгром, предав огню дома, оставленные бежавшими в горы жителями. Им было убито более 20 жителей. Можно сказать, что он почти совсем уничтожил селения: Завита, Миньяньш, Мерги и Лизан. Правительство в начале приняло кое-какие меры, даже прислало солдат, но потом, по обычаю турецких властей, предало забвению жалобы пострадавших христиан. Это случилось в летнее время. Только на следующую осень жители, мало-помалу, вернулись в свои селения и занялись постройкой жилищ. Американские и англиканские миссионеры пришли на помощь населению и выдали беднейшим 300 тур. лир.

О курдах Бервари и соседних с ними курдских аширетах мною будет сказано в отделе статистики. Пока я ограничусь указанием на то, что Решид-бек поддерживает близкие связи с доминиканцами из Мосула. Они даже возили тамошнего французского консула к своему приятелю, которого время от времени награждают подарками. Надо вообще заметить, что католики стараются быть в приятельских отношениях с курдами. С их помощью они могут, в случае надобности, организовать нападения на те несторианские селения, которые им мало угодны, а также не допускать грабежей там, где это им не выгодно. Трудно представить себе всю мерзость поступков католиков. Они положительно не гнушаются никакими средствами, чтобы достигнуть своих целей.

В Лизане и окрестных селениях меня поразили особо устроенные для спанья вышки. В летнее время здесь немислимо спать в домах, вследствие обилия мушкары и комаров.

Эта местность относится к Н. Тиари. Здесь много тут, но шелководство плохо развито. В год собирают не более 200 батманов. Батман=24 фунтам¹. Цена за батман = 150 гурушам (около 12 рублей). Скупает коконы купец из Мосула, который постоянно живет в Лизане. Сельчане жалуются на недостаток гремы². Климатические условия вполне отвечают культуре шелковичного червя. К сожалению, это дело в забросе. От Лизана до границы Мосульского вилаета считается 3 часа езды. Границу между Н. Тиари и Бервари можно определить так: К Ю.-З. от Лизана возвышается вершина горы Улия. От нее спускается хребет к Забу. В начале, горы, составляющие этот хребет, носят название Баб Хасан. Его продолжение называется Шендери, а далее в сторону В. Кала-Зерри. Затем следует гора Гересор и далее Берра. От этой последней до Заба часа 2 ходьбы, а от горы Улия до Заба приблизительно 6 часов ходьбы. По ту сторону этого хребта начинается область Бервари. В зоне же, лежащей между Лизаном и Бервари, где среди вышеназванных гор есть хорошие долины, никто не живет из опасения набегов с обеих сторон. Лишь имеются два селения неподалеку от Заба: Дештан (70 дом. курдов) и Зарни (40 дом. нестор.)

В самом Лизане имеется 1 церковь и 2 священника.

Описание пути:

Вышли из дома мелика Хошаба в 6 ч. 40 м. Через 15 минут спустились к Забу. Здесь надо было перейти мост (на двух устоях. 80 шагов в длину). Мост этот требует основательного ремонта. Я говорил с 2 мастерами, пришедшими сюда из Заба для осмотра моста по приглашению мелика Хошаба; они требуют за починку моста 300 лир. Население колеблется взять на себя та-

---

¹ Батман - мера веса, в различных районах разного наполнения, равен около 3 кг. (Современный Иран. М., 1975. С. 549-550).

² Грена (грема) - яйцо шелкопряда, из которого появляется гусеница.

кой большой расход, хотя в конце концов согласится, из опасения, что по весне мост будет снесен водой, если его не отремонтируют. А без этого моста жить населению будет трудно.

Мы переходим мост, а вьючные животные были отправлены к С. искать брода через Заб. Это задержало нас на 1 ч. 20 м. Мы движемся восточным берегом, несколько удаляясь от Заба. В минутах 10 от моста в гору лежит курдское селение Гоман (25 домов). На горах много лесу. В 8 ч. 20 м. мы начинаем более заметно уклоняться от Заба к Ю-В. Остановка 15 минут. Барометр = 790 м при 25%.

В 9 ч. 10 м. поднялись на вершину подъема. Барометр = 960 м. при 26%. В 9 ½ ч. были на втором подъеме. Бар. = 1000 м. при 27%. Отсюда, с площадки, отчетливо видны хребты, протянувшиеся от горы Улия, что, как выше было сказано, составляют границу между Н. Тиари и Бервари, т.е. между Ванским и Мосульским вилаетами. К Ю-В. открывается живописный вид на долину, в которой лежит Чал, а к В. тянется долина к местности, носящей название Мелик Берхо, по имени тамошних наследственных меликов. Здесь остановка 15 минут. В 9 ч. 50 м. после небольшого спуска подошли к сел. Шюрт (9 дом. нестор.). Барометр = 930 м. В 10 ч. 15 м. после небольшой остановки в этом селении, вышли из последнего и стали спускаться по направлению к В. В 10 ч. 40 м. спустились на дно ущелья без воды. Весной здесь много воды. Это русло реки Салелебан, которая течет со стороны Тхума к База. На дне ущелья баром. = 730 м. Идем по крайне трудной тропе по дну ущелья. Чем далее, тем чаще появляются в русле реки площадки с стоячей водой. Ущелье – узкое. В 11 ч. оно несколько расширилось. По руслу уже бежит вода. Видны посеы баджика. В 11 ½ ч. были вблизи сел. Чамба Бисусина (15 дом.) Выше него к С.-З. лежит сел. Бирауля (50 дом.). Остановка 1 ч. 5 м. Чамба Бисусина тянется по ущелью на большом протяжении. Продолжаем следовать все тем же ущельем. В 12 ч. 45 м. это ущелье становится несколько шире. Здесь оно называется Мелик Берхо. Здесь сел. Тахыт Исара (15 дом.). В 12 ч. 5 м. сел. Меринэ (3 дом.) В 1 ч. 20 м. подъеха-

ли к сел. Салебекан. Тут 200 дом. нестор., 1 церковь и 2 священника. Мы остановились в доме мелика Гяжа.

28 Сентября.

Салебекан - главный пункт Нижнего Тиари. Здесь живут 3 мелика: Гяжа, Берхо и Дынха. Официально меликом считается Гяжа, ставленник Маршимуна, но население признает главным меликом - мелика Берхо. Маршимун не в ладах с последним. Берхо, выгоды личной ради, передался на сторону католиков. Он даже объявил было себя католиком, за что получил не мало денег, на которые построил отличный дом. Маршимун, недовольный этим, назначил Гяжу меликом Н. Тиари. Там не менее население почитает Берхо меликом по [неразб.], т.к. отцы и деда его были здесь со старины наследственными меликами. Да и долина сама носит название долины Мелик Берхо. Надо сознаться, что самый симпатичный из трех Меликов - мелик Берхо, а самый глупый мелик Дынха. Все они люди - не особенно богатые. Доходы Берхо - до 100 лир в год, Гяжи - до 70, а Дынхи до 60.

Долина, в которой лежит сел. Салебекан - не широка. Дома идут по обоим взгорьям, разместившись друг над другом.

Как только я приехал в дом Гяжи, ко мне тотчас с поклоном явился Мелик Берхо. Приложившись, по обычаю здешних мест, к моей руке, он на турецком языке старался уверить меня в любви всех Несториан к России. Я осторожно дал ему совет: быть в дружбе с Маршимуном и поближе к своим. А так как Берхо - человек умный, то он тотчас же понял на что я намекаю, и по секрету сообщил мне, что отныне он будет на стороне Маршимуна и что католиком он был «только из-за подарков». Берхо очень просил меня заехать по дороге в его дом, что я и сделал, подарив ему на память револьвер с патронами. Другие мелики получили от меня также по револьверу.

Несториане сильно жаловались на курдов Чала, которые не оставляют их в покое. Недавно курды под предводительством Мелика Берхо, имели стычку с курдами из Чала и остались победителями. Это в порядке вещей. Чалцы захватили

много полей, купленных когда-то у них несторианами. О курдах Чала сведения даны в отделе статистики.

Описание пути:

В 8 ч. утра мы вышли из дома мелика Гяжи, а в 8 1/2 ч. были в доме Мелика Берхо. В 9 ч. утра простились с ним. Баром. = 920 м. Продолжаем идти все тем же уклоном. В 9 1/2 ч. пришли в круглую долинку. Это – граница Тхума и Н. Тиари. На С. от этой долинки идет дорога в Тхум, на Ю.-В. в Пынъяныш. Именно в этом месте река Пынъяныш впадает в речку Салебекан. Ущелье этой последней круто повернуло здесь на С.-З. Тут есть источник по имени Айна Срита. До Пынъяныша отсюда считается 1 час ходьбы. Воды ни в той, ни в другой речке нет. За лето вся пересохла. За то весной здесь обилие воды. Мы движемся по сухому руслу реки Салебекан.

Область Тхума отличается своим плодородием. Здесь много винограда, ореха, тополя, тут и фруктовых деревьев. Река Салебекан носит здесь название Тхум.

В 10 ч. 10 м. мы подошли к сел. Бериджа (дом. нест. Три церкви). Выше него лежит курдское селение Хишад (30 д.) Между обоими селами не более 5 минут ходьбы. С правой (вост.) стороны от Бериджи разместилось по горе и долине селение Гиса (60 дом.). Селение Хишад с С. закрыто полукругом столпившимися около него горами. Здесь ущелье, по которому мы движемся, круто повернуло на В. Издали показались поля сел. Тхум, за которым ущелье как бы пересекается поперечным хребтом гор. Идем по камням сухого русла реки Тхум. Много дуба. В 11 ч. 40 м. начались поля и посевы. Долина реки стала шире. Поражает обилие зелени, а в особенности огромных ореховых деревьев. Селение носит отпечаток довольства, что объясняется отчасти тем, что тхумцы почти не подвергаются нападениям курдов, как курды Тиари и База. Эти последние защищают их от курдов. Народ – все здоровый. Дети – веселые и шумливые – бегают с луками, из которых ловко бьют птиц и сшибают с высоких деревьев орехи. Тхумские женщины меня поразили здесь особенным трудолюбием. Самые трудные поле-

вые работы исполняются ими. Это объясняется тем, что мужское население Тхума ходит на заработки. Женщины – здоровы на вид и хорошо сложены.

В Тхуме растут великолепный «баджик» и «прыги» (особый сорт пшеницы). Да и костюм здесь совсем иной, что в Тиари. Это видно на фотографических карточках, приложенных к этому дневнику.

В Тхуме мы остановились в доме мелика Мерхаиля.

29 Сентября.

В Тхуме нет наследственных меликов. Они обыкновенно избираются каждые два года народом и утверждаются Маршимуном. По старой привычке они обыкновенно выбираются из трех фамилий: Каша Барута, Белави и Гяжа.

Соседняя область Тал относится к Тхуму. Здесь католики работают с меньшим успехом, чем в Ашуте. Американцы и англикане имеют своих сторонников. Местное население не любит католиков и старается не пропускать их к себе. Только денежные подачки заставили многих здешних священников перейти в католичество. За это они получают определенную плату в месяц.

В Ване проживает Халдейский католический епископ Мар Жак. Он родом из Мосула. Человек этот – очень хитрый и сравнительно образованный. Он крепко предан католичеству. Выстроив великолепный дом в Ване, он повел здесь открытую жизнь, и, привлекая на свою сторону местных властей, старается через них оказывать помощь несторианам. Этим способом Мар Жак думает увеличить среди них свое влияние и подорвать значение Маршимуна, с которым он во вражде. Незадолго перед моим приездом в Тхум, он проник было сюда со стороны Урмии, куда ездил с целью пропаганды. Мар Жак пробирался в гости к мелику Берхо, деятельно ведя по дороге пропаганду против Маршимуна и раздавая деньги католическим священникам из Айсоров. Однако, в Тхум его не пропустили. Мелик Мерхаиль выехал с 50 людьми ему на встречу и категорически

заявил, чтобы он не показывался в Тхум, иначе он будет убит. Мар Жак поехал в Тал, а оттуда поспешил в Ван.

Описание пути:

Вышли из дома мелика Мерхаиля в 7 ч утра. Идем среди фруктовых деревьев, полей и домов, раскинутых по долине. Тут здесь много, но шелководства совсем нет. Селения чередуются одно за другим без перерыва. Сперва Тхум, потом Мазра, Гундик и Гизараш. В Гундике я встретил несколько несториан, которые говорят по-русски. В 9 ч. утра мы проехали все эти селения. В реке имеется вода, тогда как ниже не было по той причине, что таковая разбирается там для поливки полей и садов. В 9 ½ ч. ущелье повернуло на С. В 9 ¾ ч. перешли реку через мост, сложенный из камней. Через 5 минут подъехали к трудному обходу скалы. Здесь с С.-З. спускается к реке ущелье. В 10 ч. были у сел. Бипер (курды). Ущелье повернуло на В. Бар. = 1470 м. Название Бипер будто бы указывает на то, что ранее в этом селе жили Езиды. В 10 ч. 15 м. ущелье круто повернуло на С. В 10 ½ ч. плохой мост из камней. (2 арки). Реку перешли в брод. В 11 ч. переходим через мост (2 арки). Далее идем все по ущелью среди голых скал. Воды в реке порядочно. В 11 1/4 ч. подошли к мосту (1 арка). Перешли по нему. Тут увидели посеы ржи. Ущелье повернуло на В. Бар. = 1650 при 25%. Отсюда идет дорога в Тал на С.-З. Отсюда до Тала считается 3 часа ходьбы.

В 11 ½ ч. подъехали к первым постройкам села Хани. Это селение – новое. Жители только начинают обстраиваться. Говорят, что ранее в этом месте жили Езиды; их выгнали отсюда курды - Артоши. Тхумцы выгнали Артошей и заняли эти места, которые долго пустовали, т.к. никто не решался переселяться, опасаясь мести со стороны курдов. Только 2-3 года тому назад тхумцы стали здесь селиться. На зиму они уходят в Тхум, т.к. здесь очень холодно. Почти весь скот тхумцев пасется на окрестных горах. Лесу на горах совсем нет. Место – носит неприветливый характер. Дома пока разбросаны повсюду.

В 11 ч. 36 м. были против места, откуда спускается к реке, носящей здесь имя Хани, ущелье (с южной стороны). Со сторо-

ны Тала также вливается в реку хорошая речка. В 12 ч. мы подошли к последнему дому селения Хани, где живет священник. У него мы остановились на ночлег. Баром. = 1800 м.

30 Сентября.

Между несторианцами и соседними курдами (Артоши) идет вражда из-за пастбищ. Ни те, ни другие не решаются спускаться за хребет, разделяющий их; он лежит к Ю. от Хани.

Артоши богаты винтовками. У них 5 деревень: Адрис, Зива, Бей-Хайдаран, Алик и Махандан. Их глава – Рамазан. Всего до 200 домов. От сел. Хани до земель Артошей считается 3–4 часа ходьбы. Несториане не особенно боятся Артошей, т.к. сами хорошо вооружены. За Артошами, далее к Ю.-В. живут курды Орамара и Рикана.

Вечером, когда мы уже легли спать, раздались в горах выстрелы. Это пастухи дали знать о нападении курдов для угона скота. Несториане побежали на выручку. Мы тоже все взяли винтовки для защиты, в случае нападения курдов. Курды отступили, оставив несторианам 5 быков, которые, надо думать, были угнаны Артошами из соседнего несторианского селения. В таких постоянных стычках приходится жить местному населению. И трудно разобрать, кто иногда виноват: курды или несториане. Около Хани имеются свинцовые рудники.

Описание пути:

Вышли из сел. Хани в 6 ч. 45 м. утра. В 6 ч. 50 м. подошли к месту, куда с С.-З. спускается долина с ручьем в ущелье, по которому мы следуем. В 7 час. подошли как бы к концу ущелья. Но это – обман зрения, так как здесь ущелье круто повернуло на С. С.- В. и с Ю.-В. сбегает в него небольшие ручьи. Кругом – голые¹ скалы. В долинах хорошая трава. Здесь жители с. Хани пасут свои стада. Продолжаем двигаться главным ущельем, все время поднимаясь. В 7 ч. 40 м. ущелье повернуло на С.-В. В 8 ч. были вблизи места, где с З. от очень высоких скал спускается в сторону дороги долина. Мы едем на С. Впереди выдвигаются

---

¹ В машинописи стоит: «сколыя».

высокие кряжи гор. В 8 ½ ч. мы покинули главное ущелье и свернули в другое по направлению к В. В 8 ч. 40 м. мы оставили это ущелье и пошли по сильному подъему в сторону Ю.-В. В 8 ч. 50 м. поднялись на перевал. Бар. = 2390 м. Здесь мы прошли через скалы, через которые как бы нарочно устроен проход. Отсюда открывается великолепный вид на всю долину База и издали представляется почти невозможным спуститься к нему. Вокруг нас по скалам кое-где лежит снег.

С этой высоты, если встать лицом к Базу, размещение гор таково: С С.-В. выдвигаются огромным массивом горы Джалу, среди которых особенно рельефно выделяется среди прочих гора Сыпа Лурик. На В. – видны горы Орамара. На Ю. – горы Бервари.

Здесь водораздел. Остановка – 1/2 часа. Затем стали спускаться в Базу по отчаянной дороге. В 10 1/2 ч. подошли к сжатым полям. Бар. = 1740 м при 24%. Здесь остановка 10 минут. Продолжаем спускаться. В 11 ч. были в сел. Аргяб. Это уже Баз, паства – епископа Мар Саркиса. Слева [от] нас виднеется вблизи сел. Бисин, пониже его по идущей под уклон долине – сел. Мата и Гуджик. Все эти селения размещены, конечно, в одной и той же долине и следуют одно за другим. Народ здесь – здоровый на вид, шумливый, веселый. Живет как будто в довольстве. Местность – очень красивая. Масса фруктовых деревьев. Баз известен своим медом высшего качества.

Продолжаем идти по уклону долины. Я не остановился в главном пункте База – в сел. Мата, где живет Мелик Хамо. По заранее выработанному маршруту мой ночлег должен был быть в сел. Арвандуз.

В 11 1/2 ч. мы были в сел. Шаута. Здесь слухи о курдах Артоши и Бервари, сменились крайне любопытными рассказами о курдах Орамара и их разбойнике-главаре Сюто, который ныне враждует с курдами Рикана. Об этих курдах мною будет сказано ниже.

Шаута – большое, оригинально расположенное по склону горы селение. Тут есть старинная крепостца, которая и теперь

имеет некоторое значение, на случай нападения курдов. За Шаутой опять спуск к урезу Баз-чай, который заключен здесь среди узких теснин. На дне ущелья баром. = 1420 м. Остановка 15 минут. Дорога – чрезвычайно трудная. В 1 ч. дня ущелье несколько раздвинулось.

С Ю.-В. спускается к реке грандиозное ущелье, на фоне которого выделяются дикие горные массивы. По горам видны большие стада баранов. В 1 ч. 10 м. дорога направляется по полувзгорью. Баром. = 1420 м. Ущелье повернуло на В. Вдали показались горы, покрытые лесом. В 1 ч. 20 м. стали спускаться к сел. Арвандуз, где были в 2 часа. Баром. = 1310 м. Остановились в доме бывшего старшины селения Гавриила.

1 Октября.

Сел. Арвандуз расположено в глубокой долине. Здесь 70 домов нестор. Две церкви. Здесь чувствуется влияние не только американских миссионеров, но и католиков. Влияние первых распространяется со стороны Урмии, влияние вторых идет из Вана, благодаря усилиям нашего отчаянного ненавистника Халдейского епископа Мар Жака, о котором мною было сказано выше. Насколько влияние американцев имеет скорее хорошие результаты с гуманной точки зрения, настолько деятельность Мар Жака, направленная против России, отрицательна во всех отношениях. Этим летом он побывал в этих местах, проездом из Урмии в Ван. Он раздавал деньги (по 1 лире) всем кто заявлял себя католиком. А то, что говорилось им о деятельности русских в Персии, не буду передавать, так как все его речи были слишком злостны и лживы.

В доме старшины (бывшего) Гавриила, гостеприимством которого мы пользовались, влияние Американцев особенно заметно. Его сын священник Кена получил образование у Американцев и считается протестантом. Его дочь Истер-ханум, как мы писали выше, замужем за меликом Хошаба из Лизана. Другая Анна получила образование в Урмии и порядочно говорит по-английски. Три остальные дочери Кены: Мери, Алмас и Шушан пока остаются дома, тогда как два его сына постоянно живут в

Америке, откуда присылают радостные письма на родину. В зимнее время Анна преподает в школе, утроенной ею, с помощью американцев. Ей всего 17-18 лет, но это – очень милая и серьезная девушка, по-видимому, вполне отдавшаяся протестантизму.

Обширная семья Гавриила производит самое симпатичное впечатление и, несмотря на то, что они расположены к протестантам, я не мало слышал здесь задушевных слов о России и русских.

В Арвандузе я встретил нескольких сельчан, говоривших порядочно по-русски.

Описание пути:

Выехали из дома Гавриила в 8 ч. утра. Сейчас же за селом повернули ущельем на С. Это ущелье носит название Джеллу-суй. Река бежит на Ю. Окрестности полны зелени. Воды – обилие; местность – весьма живописная. В 8 ч. 20 м. начинается граница области Джеллу. Эта область в административном отношении причисляется к Гявару. Тут несколько заметна власть турецкой администрации. Причины будут указаны ниже.

В 8 ч. 45 м. начались посевы. На вершинах гор женщины рубят редкий лес и сваливают таковой вниз, в ущелье. Впереди нас виднеются высокие, голые скалы хребта Джеллу. В 9 ч. 20 м. ущелье повернуло на В. Здесь впадает в речку Джелле-чай речка Алсан-чай. Эта река идет от высот, разместившихся к С. от сел. Хани, в котором мы ночевали. Она образуется из родников, сбегавших с гор: Дешт-Пырмоз и Дерия. Мы видим отсюда конусообразные высоты этих гор. В долине этой речки лежат селения Аслан и Миди. По ущелью, по которому мы движемся, много винограду. Отличная долина, богатая и живописная. Тропа – хорошая. В 9 ч. 40 м. с левой стороны от нашей дороги показалось сел. Нара. Сельчане имеют очень здоровый вид; и все вооружены винтовками. В сел. Нара 60 дом. нестор., одна церковь и 1 священник. Остановка 10 минут. В 9 ч. 55 м. были около сел Нара. Баром. = 1440 м. Остановка 1 час. Долина здесь сузилась; поля – небольшие, вследствие недостатка удобной

земли. У женщины видны серебр. украшения в носу; их костюм смахивает на курдов. Влияние курдов здесь чувствуется. Это объясняется сравнительной близостью Гявара, главный пункт которого Дизя. Здесь живет каймакам, а нотабли города – курды.

Местность, лежащая на В. от речки Джеллу-чай, называется Малое Джеллу, а на З. – Большое Джеллу. Налево, на взгорье (т.е. на В.) мы видим издали сел. Ури; оно относится к Малому Джеллу. В Нара имеется небольшая крепостца, расположенная на горе. Она построена против набегов курдов.

Чем выше поднимаемся мы крутым берегом долины, тем менее воды в реке. В 11 ½ ч. баром.= 1540 м. при 23%. Мы двигаемся по направлению к Мата, главному селению Б. Джеллу, где живет епископ Мар Саркис. Дорога – очень трудная. В 11 ч. 20 м. дорога стала уклоняться от реки в сторону С.-З. На горах много деревьев. Здесь падает в главное русло С С.-В. глубокое ущелье, по которому каскадами стремится с высоты обильный ручей. Впереди нас, неподалеку, столпились горные кряжи Джеллу, немного ниже которых лежит старинный монастырь, а за ним сел. Мата. От монастыря до усадьбы епископа Мар Саркиса, у которого я остановился, ½ часа ходьбы.

2 Октября 1912.

Область Джеллу меня особенно интересовала. Здешние жители, во главе с епископом Мар Саркисом, первые заявили о своем желании перейти в Православие. К сожалению, на этот вопрос, не было обращено должного внимания с нашей стороны, чем и думают воспользоваться католики.

Мелик Б. Джеллу живет в сел. Зарани (200 дом. нестор. и две церкви).

Церковь, или вернее монастырь, построен в сел. Мата, согласно с сирийскими записями, 1629 лет тому назад. Этот старинный монастырь представляет крайний интерес во всех отношениях. Другой такой церкви я нигде не видел в несторианских горах. Монастырь построен в честь Мар Зайя и пользуется громкой известностью среди сирийцев. Стены церкви скрыты толстой занавеской, образовавшейся от постепенного вешания

на стену жертвуемых одеяний. У несториан существует обычай жертвовать в церкви свои лучшие одежды во время какой-нибудь тяжелой болезни. Эти одежды не берутся священниками в свою пользу и не продаются в пользу храма, а продолжают веками висеть на внутренних стенах церквей, служа как бы украшением последних. В этом отношении особенно богат монастырь в сел. Мата, в котором, между прочим, хранится, как святыня, шелковый платок, пожертвованный якобы этому монастырю Мухаммедом. Я видел этот интересный платок, на котором написано: Ме[к]ка и Медина. Он принес большую пользу здешнему храму, так как последний никогда не подвергался нападению мусульман. Напротив окрестные курды относятся к этой церкви с особым почтением и часто заезжают сюда для поклонения мусульманской святыне. По существующей легенде, платок был дан Мухаммедом именно с той целью, чтобы обезопасить ее [от] разбоев мусульман.

В этом храме хранится также немало старой китайской посуды, старинных лампад и крестов из Иерусалима и России. Храм построен на горе в живописной местности. Я был на богослужении в этом храме и поразился благочинием, царившим в нем. Обыкновенно в несторианских церквях царит гвалт и шум даже во время богослужения. Мною было пожертвовано на этот храм 3 лиры, что, как я заметил, очень пришлось по сердцу здешним сельчанам.

Жители обеих Джеллу сильно отличаются от прочих несториан: они более предприимчивы, восприимчивее и умнее. Да и наружность их несколько отличается в сравнении например с Тиарцами. Жители Джеллу напоминают своей наружностью еврейский тип. Они считают себя самыми древними из несториан и говорят, что именно их предки первыми поселились в этой области. Некоторые из них говорили мне, что они переселились сюда из Египта, а большинство считает своей первой родиной Назарет.

Область Джеллу известна тем, что почти все мужское население на зиму уходит на заработки за границу. Где только

их нет: и в России, и во Франции, и в Австралии, и в Японии и т.д. Я был прямо поражен слышать в этих горах всевозможные языки, начиная русским и кончая испанским и японским. Здешние жители известны здесь как унылые «хачакоки»; под видом монахов, они пробираются в самые отдаленные углы Европы и Америки и собирают пожертвования на храмы. Многие из них возвращаются на родину с хорошими деньгами. Но не все, конечно, занимаются этим промыслом, большинство наживает деньги упорным трудом и торговлей.

Епископ Мар Саркис встретил меня очень любезно. Это – очень симпатичный человек, 25–28 лет. Он более искренен, чем Маршимун и гораздо более расположен к России. Это понятно: его не коснулась деятельность англиканских миссионеров, тогда как Маршимуну с самого детства его не переставали шептать о грубости и жестокости русских. Комнаты, в которых помещается Мар Саркис, украшены портретами НАШЕЙ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ. В разговоре со мной он, как и прочие жители обеих Джеллу, никогда не говорил «РУССКИЙ ЦАРЬ», а всегда «Наш ЦАРЬ». Я встретил здесь особенно много искренности и симпатий по отношению к России. Паства Мар Саркиса весьма обширна: оба Джеллу, Баз, Орамар и Рикан. Ему принадлежит не только духовная, но и светская власть.

Мать и отец Мар Саркиса – живы. У него 4 брата и 3 сестры. Одна была замужем за Меликом Джебраилем, но овдовела, другая, девочка 10 лет, выдана замуж за двоюродного брата Мар Саркиса, которому всего 12 лет. Этих женатых детей мне пришлось видеть в то время, как они оба с прочими деревенскими ребятами занимались постройкой игрушечных мельниц на ручейке.

Мар Саркис действует во всем самостоятельно и мало считается с желаниями Маршимуна. Он все-таки не особенно доволен своей паствой. Ранее сельчане шли за советами и судом исключительно к своему епископу, а в крайних случаях к Маршимуну. И тот, и другой извлекали из этого хорошие доходы. Ныне обстановка несколько изменилась. Многие из несториан

начали было обращаться к турецким властям в Гяваре, к которому причислены оба Джеллу. Это началось с момента объявления конституции¹, когда турецкие власти прекратили было брать взятки. Но это было только временно. Те, которые пошли за судом к туркам, в конце концов сильно пострадали в денежном отношении, так как власти не переставали требовать от них взятки. Вот пример: жители сел. Нара с давних пор враждуют из-за пастбищ с сельчанами селения Зирины (Зарани. Здесь живет мелик). Между ними нередко происходят вооруженные столкновения. Так было и этим летом. Мар Саркис был на стороне сельчан Зирины: его сестра была замужем за меликом Джебраилем. Этот последний, собираясь со своими людьми воевать с сельчанами с. Нара, нечаянно ранил из ружья в пах². В результате он умер. Маршимун, как и Мар Саркис, взял сторону зиринцев. Их противники обратились к каймакаму Гявара. Потянулась тяжба. Обе стороны уплатили местным властям до 500 лир. Однако без результата. Турки старались затянуть выгодное для них дело. Тогда несториане опять обратились к Маршимуну, но тот отказался от вмешательства в это дело, которое до сего времени остается все в том же положении: сельчане обеих деревень живут в постоянной тревоге, в ожидании нападений с той или другой стороны.

В настоящее время меликом считается брат умершего Джебраиля, по имени Халиль.

Близость властей чувствуется здесь и потому, что население выплачивает налоги непосредственно туркам, а не через Маршимуна, как в прочих округах. Оба Джеллу платят налоги до 1500 лир, тогда как Баз – 60 лир, а весь Тиари – до 400 лир.

Жители обеих Джеллу сильно жалуются на курдов Орамара, в особенности на известного в этих местах разбойника Сюто. О нем будет сказано ниже.

---

¹ 24 июля 1908 г. был опубликован султанский указ о восстановлении действия конституции 1876 г. (*Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А.* Очерки истории Турции. М., 1983. С. 149).

² Вероятно, опечатка. По логике, Джебраиль не ранил, а был ранен.

Описание пути:

Из дома Мар Саркиса мы вышли в 7 ½ час. утра. Сделав заворот от усадьбы епископа, тропинка идет сперва в Ю., а потом на В. В 7 ч. 50 м. подошли к сел. Умуд (40 дом.). По дороге встречаем вьючных животных, которые везут товары и пшеницу в сел. Мата из Гявара. Мы идем по подъему, по направлению к С.-В. по каменистому руслу ручьев, составляющих начало речки Джеллу-чай. Попадающие нам навстречу сельчане вооружены ружьями, т.к. места эти очень опасные. Постоянно можно напасть на курдских разбойников. Впереди нас громоздятся пикообразные вершины гор Джеллу. Мы должны перевалить эти горы. Кругом видим водопады. Немного повыше лежит снег. В 8 1/4 час. Спустились на самое дно ущелья. Бар. = 1750. Идем на В. Среди скал, где родятся родники. Дорога была бы невозможной, если бы матинцы не выстроили устроили¹ тропу, на которую затратили 60 лир. Тропа - очень трудная, особенно вблизи вершины протянувшегося кряжа. Тропинка очень умело проложена по страшной крутизне. В 10 ч. 35 м. были у моста (несколько не доходя до перевала), откуда открывается с громадной высоты [вид] на Орамар. Баром. = 2650 м. Внизу под нами на страшной глубине, лежит сел. Зери (М. Джеллу). Прямо на В. лежит среди гор долина Орамара. Кругом и вдали Орамара столпились горные хребты; только за Орамаром, в сторону Персии, они становятся полегче, мягче. Вот как представляется Орамар с занятой нами позиции².

В 11 час. мы были на перевале, следуя по тропинке, которая повернула по направлению к С. Баром. = 2810 м. при 9%. Здесь водораздел. По ту сторону гор, вдоль тропы, по которой мы начинаем спускаться, лежит много снега. Идем на В. В 11 ½ час. подошли к снегу, по которому проложена тропинка. Баром. =

---

¹ Так в тексте.

² В оригинале в машинописной странице стоит пробел, вероятно, для фотографии или рисунка, однако ни того, ни другого нет.

2650 м. при 11%. Идем диким и узким ущельем, иногда по снегу, иногда по грудам камней, все время пешком. В 1 ч. 20 м. ущелье, по которому мы двигаемся, уперлось в другое ущелье, идущее с С. Поток течет здесь в сторону Ю.-З. Воды много. Баром. = 1690 при 18%. Остановка 1 час. Дорога – хуже представить трудно. В 2 1/2 ч. поток повернул на В. Дорога – крайне опасная. Наконец мы подошли к грандиозному леднику. Поток прорвал через него путь. Получилось что-то похожее на громадный грот; узкое ущелье завалено льдом и снегом, под которым мчитя поток. Дороги совсем нет. Обойти ледник нет никакой возможности, т.к. по обеим сторонам ущелья столпились голые скалы. Здесь мы потеряли 1 ч. 10 м., пока решились, безусловно с опасностью для жизни, вступить на льдины и идти по ним по уклону вниз. Здесь мы потеряли одного мула, оступившегося и скатившегося по льду на скалы. Он конечно совершенно разбился и превратился в безобразную массу.

Покинули мы этот опасный ледник только в 4 часа. Затем перешли реку и пошли по ее с. берегу по очень трудной тропе. В 4 ч. 10 м. вышли из этого ужасного ущелья на хорошую дорогу, спускающуюся к потоку с С.-В. В 4 ч 20 м. мы были в сел. Серпель, где остановились на ночлег. Здесь 80 дом. нестор. и 3 церкви. Остановились в доме священника Хошабы. С Ю., С.-З. и З. столпились вокруг этого селения серые скалы. С С., С.-В. селение окружено также горами, но они не так высоки. На Ю.-В. видны издали горные кряжи. Бар. = 1510 м. По горам имеется редкий снег.

3 Октября.

В Серпеле много сельчан, говорящих по-русски. По зимам многие идут на заработки на Кавказ, а некоторые даже в Петербург и Москву. Это селение относится к М. Джеллу. Сельчане сильно жалуются на разбои местных курдов, особенно из Оромара. О последнем мы имеем очень мало точных сведений, а потому я постарался собрать таковые от местных несториан. Власть турок почти не заметна в Оромаре. Даже Оромарский

мудир¹ опасается жить в своей нахии², относящейся к Гявару. Он живет в нестор. сел. Бубова, которое лежит поблизости от Серпеля. В настоящее время мудира там нет, а обязанности последнего исполняют 4 жандарма – курда, которые творят всякие насилия и поборы. Я сам был свидетелем их озорства: почти на моих глазах они избили нескольких сельчан до полусмерти. Я призвал их к себе, выругал и сказал, что сообщу обо всем мною виденном каймакаму в Гяваре. Это на них повлияло и они просили меня, чтобы я простил их. Я довел потом до сведения властей безобразия этих жандармов. В с. Бубова был отправлен жандармский офицер для расследования дела.

Оромар лежит к Ю.-В. от Серпеля, в расстоянии 3 час. от последнего. Почти все население Оромара – курды. Особенной известностью пользуется там прославленный разбойник Сюто, глава аширета Достеган. Не мало горя причинил он окрестным сельчанам. В настоящее время его разбои утихли, т.к. он сам оказался в трудном положении. Он ведет ныне отчаянную борьбу с курдами из Рикана, который находится по соседству от Оромара. Дело произошло так. Лет 10 тому назад курдский бек Тато из Рикана убил брата Сюто. Этот последний изыскивал всякие способы, чтобы отомстить убийце, но ничего не мог поделать, так как Риканцы принимали все меры предосторожности. Сюто, сделав вид, что забыл давно нанесенную его семье обиду, выдал свою дочь за Тато, убийцу своего брата. Месяца полтора после свадьбы, он пригласил к себе Тато и его брата в гости. Ночью, когда гости спокойно спали, Сюто убил обоих братьев. Такой коварный поступок возмутил даже курдов. Брат Тато, по имени Баваддин, начал войну с курдами Оромара, заручившись поддержкой влиятельного шейха Берзана³. Говорят, что положение Сюто тяжелое, т.к. он расстрелял почти все свои

---

¹ Мудир – осм. «начальник».

² Нахия – осм. «область, округа».

³ Речь, по-видимому, идет о Мухаммеде Барзани, влиятельном шейхе, отце Мустафы Барзани.

патроны. Будто бы он даже просил турецких властей помочь ему, обещая последним крупные взятки. Свою семью, осторожности ради, он отправил в Гявар к своим знакомым курдам.

С Юга и Запада Орамар омывается речкой Рубарешин, которая течет со стороны Рикана. Восточнее Оромара живут курды аширета Достеган, главное селение которого – Нерва. В нем живет Сюто. Курды Достегана и Оромара живут в полной дружбе и как бы составляют один аширет. За Достеганом лежит Рикан. При этом следует отметить, что Нерва относится местной администрацией к Ванскому вилаету, а Рикан к Мосульскому. Статистические сведения об Оромаре будут приведены особо.

К В. и С.-В. от сел. Серпеля лежат владения курдов Достеги, в двух часах ходьбы. Эти тоже не оставляют в покое несториан, угоняя то и дело их скот.

Вообще, как я заметил, положение несториан Малого Джелу очень тяжелое; отделенные высокими хребтами от остальных аширетных несториан и окруженные со всех сторон разбойными курдскими аширетами, несториане Малого Джелу не могут даже рассчитывать на помощь соседних христиан из Б. Джеллу.

В М. Джеллу 2 мелика: Мелик Хормуз считается старшиной селения Зерри, а Мелик Осеп ведает селениями: Ури, Бубова, Серпель, Шемсики, Мятория, Муспиран, Бибахши. В сел. Талана и в Нерике имеются свои сельские старосты. В сел. Бубова проживает некто мелик Мирза. Он – плохой человек. Ранее он считался меликом, но Маршимун был принужден назначить другого. Недавно один из людей ранил кинжалом племянника Серпельского священника, в доме которого я остановился. Преступника схватили, но Мирза дал 10 лир жандармам, которые помогли преступнику скрыться в горы.

Мелик Хормуз посетил меня. Это – довольно симпатичный, но совсем необразованный человек. Он, как и все здешние несториане, горько жаловались на свою судьбу и выражали особые симпатии по адресу России, на которую они исключительно

но возлагают все свои упования и чаяния в будущем. Статист. сведения о М. Джеллу будут помещены особо.

Описание пути:

Вышли из Серпеля в 6 1/2 час. утра. Отсюда до Оромара считается 3 часа ходьбы. Сперва идем на Ю.-З. Здесь уже нет «баджика». Все больше кукуруза. Пшеницу подвозят сюда из Гявара, а мануфактуру со стороны Мосула. Несколько мосульских купцов всегда живут в Дизя (в Гяваре).

Идем от селения полугорьем, спускаясь. Внизу у русла речки Рубарешииш много дуба и ореха. Речка бежит на Ю., огибает гору Джено и тесным ущельем прорывается в Оромар. С В. впадает в эту речку, р. Достеги-чай. В долине этой последней много зелени. В ней разместились нестор. селения: Бубова (здесь живет мудир), Шемсики, Мятория, Муспиран, Бибахши (курды). На Ю. ущельем идет тропа в Оромар, на Ю.-В. лежит дорога в Сат (1 день ходьбы от Серпеля). В сел. Бубова остановились на 35 минут. Отсюда идем долиной Достеги-чай на С.-В., по левому берегу реки. В 8 ч. 40 м. с С. Впадает в Достеги-чай обильный поток. Мы двигаемся по этому потоку на С. по значительному подъему. Понедалеку¹ от этого места кончается М. Джеллу и начинаются владения курдов аширета Достеги. Перешли ручей по хорошему мосту и продолжаем подниматься в сторону С.

Дорога – очень трудная. По дороге встречаем курдов Оромара, возивших виноград в Дизя. Оромар славится своим виноградом. Постепенно поднимаемся к перевалу. Здесь зарождаются ключи. Много ореха. С 10 час. подъем становится легче, пологее; тропинка мягкая, камней почти нет. Тут два курдских селения (аширета Достеги): Айри (17 д.) и Сермерга (7 д.). Продолжаем идти на С., поднимаясь среди холмов по хорошей тропе. На В. в ущельи видно курдское селение Баш-тазе (20 д.). Оно принадлежит курдам Достеги. От сел. Серпеля по направлению к Дизя есть еще другая дорога, кроме той, по которой мы

---

¹ Так машинописи !

следуем. Она гораздо короче последней (говорят, только 3 часа от Серпеля до Дизя), но много труднее, да и опаснее из-за разбоев курдов-Достеги. В 12 час. мы были на перевале. Здесь остановка 20 минут. Баром. = 2440м. при 10%. Если смотреть с этого перевала на Ю., то отчетливо видим горы Оромара, на Ю.-В. лежит – Сат, а на Ю.-З. выступают грандиозные хребты гор Джеллу. На перевале виднеется несколько оригинальных могил курдов: выложенные из камней надгробные памятники украшены рогами диких коз и баранов, которых, как говорят, здесь водится в изобилии. Водораздел.

Стали спускаться. Небольшая котловина с небольшим озерцом. В сторону Джеллу видно на горах много снега. Это – летние стоянки несториан из Серпеля, а за ними ближе к Дизя лежат летние кочевья курдов из Оромара; они захватили их силой у несториан.

В 12 ½ час. перед нами открылась обширная, совершенно ровная равнина, в которой расположена Дизя, главный пункт Гявари, и несколько деревень. В 12 ч. 45 м. одна дорога повернула направо в резиденцию главы аширета Достеги Тахир-аги. Это селение называется Баприжан.

В 1 ч. 20 м. мы спустились на дно ущелья, по склону которого мы все время спускались. Речка называется Джамини. Воды порядочно. Родники, образующие ее, зарождаются поблизости. Около речки баром. = 1810 м при 18%. Остановка 15 минут.

В 2 часа спустились в равнину к курдск. сел Алекан (40 дом.). Эта равнина, удобная для земледелия, дает много пшеницы. В 3 ч. 10 м. приехали в сел. Гягевран, которое принадлежит Маршимуну. Здесь 30 дом. нестор. 1 церковь и 1 священник.

4 Октября.

Сел. Гягевран принадлежит Маршимуну, который дает сельчанам семена и берет половину урожая, приблизительно до 200 выюков пшеницы в год. Один выюк пшеницы ныне стоит 2 лиры. Маршимун имеет здесь своего управляющего, в доме которого мы остановились. Ранее в Гягевране всегда жил несто-

рианский епископ, но в настоящее время такового нет. Здешние несториане меня приняли крайне радушно. Они горько жаловались на притеснения окрестных курдов, с которыми местные власти стараются жить в дружбе и закрывают глаза на насилия, чинимые курдами крестьянскому населению.

Описание пути:

В 8 ½ ч. утра мы выехали из Гягеврана по главной и удобной дороге. В 9 ч. ¼ мы были в Дизя, главном пункте Гявара, где живет каймакам. Остановились в доме армянина Петроса. Погода сильно изменилась: дождь шел без перерыва, на вершинах гор, окружающих Гяварскую долину со всех сторон, показался снег. Пришлось заночевать в Дизя.

5 Октября.

В Дизя 560 домов, из них 80 д. армян, 25 – евреев, 7 несториан, а остальные – курды. Я обменялся визитами с каймаком, который сообщил мне о начале враждебных действий между Черногорией и Турцией¹. В Дизя имеются обширные казармы, которые ныне требуют серьезного ремонта. Сейчас здесь 2 батальона аскеров (400 чел.) и 50 жандармов. 3 октября сюда прибыл караван из Вана с военными припасами. Курды, живущие в Гяваре, принадлежат к аширетама: Достеги, Дерро, Достеган, Оромар, Пынъяныш и Артоши. Статистич. сведения о них будут приложены особо.

Описание пути: Выехали из Дизя поздно из-за дождя. В начале едем на С. по равнине, среди холмов, за которыми следуют горы. Дорога – хорошая. Едем вдоль реки, вода которой бежит на Ю. По мере приближения нашего к горам, равнина становится уже и мы следуем по руслу речки, окруженной с обеих сторон не особенно высокими горами. В 12 ч. 45 м. мы подъехали к 2 мельницам, построенным на этой речке. В 12 ч. 55 м.

---

¹ Имеется в виду первая Балканская война между Османской империей, с одной стороны, и коалицией балканских государств – Болгарии, Греции, Сербии и Черногории – с другой. Поводом к этой войне послужил отказ султанского правительства предоставить автономию Македонии и Фракии. – Гасратян М.А. и др. Очерки... С. 155.

были около сел. Кала (курды). Около этого села спускается к речке с В. долина с ручьем. Местность – холмистая. С обеих сторон речки то и дело спускаются к ее руслу овраги, пологие и неглубокие.

В 1 ч. 20 м. подъехали к месту, где с В. спускается к речке долина с ручьем, в конце которой виднеется издали сел. Курапин. В 1 ч. 40 м. такая же долина с водой спускается с В. к речке. В 2 ч. перешли речку вброд, и продолжаем идти берегом речки. На пути попадает много вьюков с пшеницей, которую везут из Барадоста в Дизя. В 2 ч. 5 м. подъехали к мельнице. В 2 ч. 15 м. открылась с С.-З. большая долина с водой. В 2 ч. 20 м. такая же долина спускается с С.-В. Продолжаем ехать берегом все той же речки, которая называется здесь Делазин. В 2.55 м. с С.-З. опять спускается долина с водой. В 3 ч. с С.-З. показалась ровная возвышенная долина, идущая от соседних гор. В этой, очевидно, плодородной долине лежит курдское селение Делазин. Река, по которой мы следовали, идет от этих гор. Мы же начинаем подниматься вдоль ручья, который составляет приток этой речки. Воды тут немного. Ущелье сделалось узким и постепенно сводится на нет. Дорога – плохая: много камня. Мы поднимаемся. В 3 1/4 ч. мы выезжаем на широкую дорогу, которая ведет из Делазина, и едем по равнине, идущей от этого селения на С.-В., раскинувшись у подножия гор, что протянулись с З. и С. В 3 ч. 20 м. были на перевале. Водораздел. Стали спускаться в долину речки Бырдык. Эта речка бежит уже на В. Переезжаем эту речку вброд. Имеющийся мост – неудобен. Поднимаемся берегом речки. В 3 ч 35 м. стали уклоняться от берега к С.-В. В 3 ч. 45 м. свернули с дороги и поехали к С.-В. в сел. Сурия, где решили заночевать. В 4 1/4 ч. были в селении.

6 Октября.

В сел. Сурия живут исключительно курды. Есть два-три хороших дома.

(От Дизя до Мазены считается 12 час. езды. Дорога – порядочная.)

Хозяину дома, в котором мы остановились, дал 1 лиру и 1 меджид бедному сельскому мулле. Баром. = 1950 м.

Описание пути:

Из сел. Сурия вышли в 6 час. утра. Сделали значительный спуск к ручью, перейдя который, через пять минут спустились к речке и вернулись на нашу вчерашнюю дорогу. Баром. = 1870 м. Идем С. берегом речки, следуя на В. С обеих сторон речки тянутся высокие, пологие холмы. В 8 ½ ч. ущелье сильно раздвинулось. В 8 ч. 40 м. с С. открылась спускающаяся к речке долина с водой. В 8 ч. 45 м. были вблизи сел. Бламасан (15 дом.). В 8 ч. 55 м. перешли ручей, спускающийся по долине с С. Все время спуски подъемы, но дорога – порядочная (вьючная, конечно) даже после дождя. В 9 ч. 10 м. подъехали к долине с водой, спускающейся с С. В 9 ч. 15 м. сел. Басан (10 дом. курд.) на Ю. берегу речки. В 10 ч. 5 м. показалась на С. берегу речки курдская деревня Авия (6 дом.) Дорога – хорошая. Идет над берегом речки. Баром. = 1690 м. В 10 1/2 ч. долина сильно сузилась. Вдоль речки много кустарника. Местность изобилует кабанами, причиняющими большой вред посевам. В 11 1/2 ч. долина стала шире. С правой стороны от нас виднеется сел. Кулядар. Через 10 м. мы подъехали к сел. Бажирга. Здесь речка как бы раздваивается и село стоит на холме, омываемом водой с обеих сторон. Ранее здесь была турецкая таможня, здание которой и ныне красуется по близости от селения. Не доезжая до Бажиргы, мы спускаемся к оросительной канаве, переходим таковую, а немного ниже реку, и следуем далее ее берегом. Кругом видно много сена. В 12 ½ ч. перешли речку вброд и идем Ю. берегом последней. С С. стороны, где долина этой речки выходит в обширную равнину Барадоста, очень напоминающую равнину Гявара, лежит сел. Серу, от которого тянется равнина Барадоста.

Эта равнина тянется с С.-З. на Ю.-В. В 1 ч. 10 м. были неподалеку от сел. Бинк. Едем на Ю.-В. краем равнины. В 1 ч. 55 м. были в сел. Хавсар. В 2 1/2 ч. подъехали к сел. Мелуны. Здесь проживают ныне 7 жандармов. Причиной к тому послужила вражда между сельчанами Хавсара и Мелуны. С месяц тому

назад, между сельчанами произошло вооруженное столкновение; в результате один оказался убитым, другой – раненым.

В 3 ч. мы проехали ровную низину равнины и вступили в холмистую местность. С левой стороны от нас видно русло реки Барадост-чай, которая бежит из равнины с В. к Урмии.

В 3 ч. 20 м. мы были в сел. Нейчалан, где заночевали в доме курдского шейха. Нейчалан лежит как раз около гор, за которыми простирается Урмийская долина, в самом начале равнины Барадоста. Баром.= 1440. Здесь 40 дом. курд.

7 Октября.

Нейчаланский шейх Джангир (имя его покойного отца Мухаммед Садык) – юноша лет 18-ти. Он производит впечатление глуповатого человека. Всеми делами заведует его мать. Женат Джангир на дочери Тимур-аги (аширета Абдои), который находится в родстве с Симко¹ из Котура². У шейха – три малолетних брата. Джангир все время не отходил от меня и старался быть любезным; однако, из-за своей глупости, он тип – малоинтересный. Между прочим он сказал мне, что прежде он был персидский подданный, а ныне, с приходом турок в Барадост, он согласен и им подчиниться, только-бы с него, как с шейха, не требовали налогов и податей. Прощаясь с ним, я подарил ему револьвер, что произвело на Джангира огромное впечатление, а его, как говорят, очень дельная мать пришла поблагодарить меня за любезность, оказанную ее «глупому сыну».

Местные курды говорили мне, что во всем Барадосте имеется до ста сел, в четырех из них живут несториане, а именно: Генгячин (всего 100 дом. Из них несториан – 70 д.), Манферан (20 дом. Из них 6 нест.), Курана (10 д. курд. и 10 нест.) и Авсар (30 дом. нестор. и 20 курд.).

---

¹ Исмаил-хан Симко Авдои – предводитель курдов-шеккаков (*Лазарев М.С. Империализм и курдский вопрос (1917–1923). М., 1989. С. 17.*)

² Котур – округ шахристана Хой в Иранском Азербайджане, населенный курдами. Котурский перевал являлся стратегическим пунктом исключительной важности, ибо это единственная дорога из Средней Азии в Малую, доступная во все времена года. – Шараф-хан Бидлиси... С. 531.

Описание пути: Из Нейчалана вышли в 7 час. утра. За селением перешли реку вброд. У реки баром. = 1370 м. Затем следуем долиной к хребту сравнительно невысоких гор, лежащих на В. от селения. В 7 1/2 мы повернули на С.-В. Река же пошла же на Ю.-В. Поднимаемся по неглубокому оврагу. Остановка 20 минут. Потом следуем хорошей дорогой по холмистой местности. Баром.= 1450 м. В 8 ч. 20 м. начался пологий спуск в долину. В 8 ч. 25 м. переехали неглубокую речку, которая течет с С.-З. на В. Баром. = 1420 м. Приехали в сел. Куранова в 8 1/2 ч. Продолжаем двигаться на С.-В. по долине, речка которой бежит на Ю. В 8 ч. 55м. мы переехали эту речку. Здесь река образуется из двух притоков; следуем тем, который восточнее. В 9 1/2 ч. показалось за речкой сел. Исси-су. В него мы не заезжали. Издали видны казармы с поднятым над ними турецким флагом. К С. от нас вдали лежит сел. Каниспи. В 2 1/2 ч. дорога стала заворачивать на В. В 10 ч. были на перевале. Подъем незначительный; дорога – отличная. Баром. = 1640 м при 21%. От перевала идет ровная местность, которая стелется вдоль хребта. Кругом отличные пастбища, на которых пасутся большие стада. Дорога – прекрасная. В 10 ч. 20 м. идет незначительный спуск в обход горы. Тут 3 турецких аскера, которые остановили меня и допрашивали: кто мы и куда едем? Дело обошлось без инцидентов. Затем перерезали хребты вполне удобной дорогой. В 10 ч. 40 м. были на перевале. Баром. = 1560 м. Отличный вид на Урмийскую равнину. В 11 1/2 ч. были в сел. Кала Хисар, откуда через 4 часа добрались через сел. Нази до Урмии.

В Нази живут айсоры, принявшие Православие. Я воспользовался случаем посетить храм. Церковь – небогатая, но содержится в полном порядке. Пожертвовал на храм 1 лиру. Местный священник и сельчане приняли меня, как родного, и со слезами на глазах, без всякого лицемерия, возносили свои молитвы за Русского ЦАРЯ, спасшего их от разбоев и насилий со стороны мусульман. Много хорошего также слышал я от них по адресу нашего Консула в Урмии и Начальника нашей ду-

---

ховной миссии в этом городе¹, которые не дают их в обиду. Боятся ухода русских войск из Персии. «Если это случится, – сказали мне сельчане, – то мы уйдем вместе с войсками в Россию. Другого выхода нам нет».

УРМИЯ.

Мои разговоры с Маршимуном, несторианскими епископами и населением, изложенные в секретной части доклада, понудили меня заехать в Урмию, так как пожелания турецких несториан о присоединении их к Православию были переданы первоначальному Начальнику² нашей духовной Миссии в Урмии – архимандриту Сергию, у которого в силу этого завязалась интересная переписка с Маршимуном.

Кроме того, мне хотелось собрать более подробные сведения о несторианах, обитающих Урмийский район и ознакомиться с деятельностью тамошних миссионеров, а вместе с тем выяснить некоторые подробности пребывания турок в спорной территории.

Я остановился в нашем Вице-консульстве, где встретил широкое гостеприимство и всякое содействие со стороны Надв. С. Голубинова³, человека редко энергичного и с таким успехом работавшего на пользу русского дела в Азербайджане.

Надв. Сов. Голубинов предоставил в мое распоряжение собранные им материалы о несторианах и тем дал мне возможность проверить полученные мною материалы.

Со стороны Начальника нашей духовной Миссии Архимандрита Сергия мне было оказано также самое широкое со-

---

¹ Православная миссия начала свою работу в Урмии в 1891 г. под руководством о. Сергия. В ее задачу входило приобщение ассирийцев к православию. Она имела большое здание, используемое под училище. При миссии работала довольно богатая библиотека, доступная для новой паствы. Православная духовная миссия издавала журнал «Православная Урмия» (*Жигалина О.И.* Миссионерство и веротерпимость в Иране // Ислам и политика. М., 2001. С. 297).

² Так в тексте.

³ Сергей Петрович Голубинов был русским консулом в Исфахане.

действие и, в продолжительных беседах с ним, я выяснил многие вопросы, связанные с задуманным несторианами делом.

В русской прессе мне приходилось иногда читать не особенно лестное мнение о деятельности нашей духовной Миссии в Урмии. Я убедился на месте, что это была пристрастная критика тех, для которых, по привычке, все хорошо, что у европейцев, и все плохо, что у русских. За короткое время своего существования, наша Миссия достигла таких успехов, о которых ни католики, ни протестанты, основавшиеся здесь с 30 годов прошлого столетия, не могут и мечтать. Дело православных миссионеров в Урмии – новое и, как таковое, не может обойтись без некоторых ошибок и колебаний.

Наши миссионеры за короткий промежуток времени создали здесь искренних сторонников России, развили школьное дело и отодвинули на задний план католических и протестантских миссионеров.

«Все же, – говорили мне многие, – наша Миссия сделала сравнительно мало».

С этим я никак не могу согласиться. Наша Миссия сделала здесь очень много. Чтобы сделать большее, надо иметь в распоряжение не только время, но и деньги. В последних ощущается особая нужда. Мне известно от Н.С. Голубинова, что О. Архимандрит Сергей, весь поглощенный своей миссией, отдает свое личное жалование на нужды нашей духовной Миссии.

Тогда как католики, немцы, американцы и англикане получают получают¹ подачки со всех сторон мира, имея незначительное число адептов, наша Миссия живет исключительно за счет субсидии, выдаваемой от Святейшего Синода. Наши богатые монастыри, имеющие в банках миллионные вклады, казалось бы могли пойти на выручку Православия в соседней нам стране и тем помочь нашей духовной Миссии в Урмии довести до благополучного конца удачно начатое дело, с которым связана возможность перехода в Православие почти 100-тысячного

---

¹ Так в тексте.

населения. Создать из несториан нужный для нас элемент в Курдистане важно с политической точки зрения. Недаром англичане работают в этом отношении целые десятилетия. Мы же, для которых этот вопрос более важен, чем для англичан, старательно избегаем всяких затруднений, связанных с упрочением нашего влияния среди несториан. Придет день, и мы горько раскаемся в нашем небрежении.

Более подробные сведения о деятельности нашей духовной Миссии помещены в Приложении.

Наш военный агент в Урмии Полковник Генер. штаба Д.М. Андриевский, крайне симпатичный человек и прекрасный работник, оказал мне важное содействие, составив карту моего маршрута. К сожалению, мне пришлось перечертить ее, так как я вернулся в Ван не по предполагаемой дороге через Башкала, а через Котур.

В то время, как я был в Урмии, все наши русские работали в полном единении и умело выполняли трудное дело размещения военных постов по соседству с турками, которые об этом узнали только в последнюю минуту, когда наши отряды появились рядом с ними.

Что производит гнетущее впечатление в Урмии, так это наш военный госпиталь. Принимая во внимание тяжелые климатические условия, следовало бы отнестись с особым вниманием к улучшению медицинского и санитарного дела в наших отрядах, размещенных в Урмийском районе.

К этому я могу добавить еще то, что положительно все офицеры, с которыми мне приходилось говорить, горько жаловались на интенданство; со стороны последнего не видно должной заботливости и энергии помочь нашим отрядам, живущим, конечно, среди чрезвычайно тяжелых условий.

18 Сентября¹.

Выехал из Урмии 18 Октября. Доехал до Керим Абада, находящегося в 28 верстах от Урмии. Здесь пришлось заноче-

---

¹ Ошибочно написано «Сентября», надо октябрь.

вать в караван-сараяе, в котором разместились 1 рота Ширванского ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка и взвод казаков при 1 офицере. Все время не переставая лил дождь.

Ротный командир Серебряков оказал мне радушное гостеприимство. Солдаты размещены в обширном караван-сараяе довольно удобно.

Я не буду делать подробного описания пути, так как вся эта местность в сторону Котура и Хоя была недавно обследована самым тщательным образом нашими военными топографами.

19 Октября.

От Керим Абада до Гявлана 18 верст хорошей дороги. Я остановился в Гявлане на ночевку. Гявлан – большое айсорское селение (100 дом.); за исключением 10 домов католиков, все остальные сельчане приняли православие. Здесь размещена 1 рота Ширванского полка. В 10 мин. ходьбы от этого селения лежит селение Джемалова (10 дом. айсоров – правосл. и 10 арм. и 80 мусул.) Неподалеку от Гявлана лежит большое селение Кулуиджи (500 дом. мусульман, из которых только 60 – шииты, остальные – сунниты). Курды этого селения всегда считались особенными сторонниками турок. В этом селении находилось во время моего проезда через него 27 жандармов, а в Джемалове 50 аскеров с юз-башием Халил-эфенди во главе.

В 3 1/2 час. от Гявляна лежит сел. Зеидешт, где произошло столкновение наших с курдами, заставив последних отступить к турецкой границе с большими потерями. Ширванцы потеряли 2 убитыми; один солдат был ранен.

20 Октября.

От Гявлана до Кущи я доехал в 1/2 часа. Здесь расположился лагерем Ширванский ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полк. Я виделся с командиром полка полковником Веселовзоровым, который просил меня передать экстренное письмо генералу Воропанову через нашего мосульского агента в Дильмане (что мною было выполнено в тот же день).

От сел. Кущи до перевала считается семь верст. На перевале размещен наш военный пост. Спуск с перевала в сторону

сел. Хан Тахты очень неудобен. Дорогу не трудно привести в порядок, что положительно необходимо сделать для облегчения сношений между нашими отрядами и более легкого снабжения им провиантом и нужными материалами.

От перевала Хан-Тахты считается 11 верст. От Хан-Тахты до Дильмана – 14 верст. После Кущинского перевала дорога до самого Дильмана идет ровной местностью.

В Дильмане я передал пакет полковника Веселовзорова нашему Агенту, с приказанием немедленно отправить в Хой по принадлежности.

Из Дильмана я проехал в Хосровы. Всего 3 1/2 версты. Здесь я остановился в доме, занимаемом О. Григорием. Этот последний, сириец по происхождению, был послан в Хосрову О. Архимандритом Сергием, которому выпала на долю трудная задача, связанная с переходом многих жителей Хосровы в Православие. Задача эта была трудна особенно потому, что наши миссионеры встретили на своей дороге отчаянное сопротивление со стороны католиков, захвативших в свои скверные руки все население Хосровы. Последнее страдало и страдает от этой опеки не менее, чем от мусульман. В Хосрове 500 домов айсоров, из которых ныне 50 – перешло в Православие. Наша Духовная Миссия в Урмии после долгих хлопот купила здесь участок, на котором возводятся ныне необходимые постройки.

Православный храм временно помещается в особо нанятом помещении. Богослужение частью совершается на русском, частью на сирийском языках. Певчие – наши стрелки, стоящие в Хосрове. Я был поражен видеть в нашем храме во время литургии мусульманина-муллу из соседнего селения, заявившего свое желание сделаться христианином. Впрочем, в Урмии я познакомился с персом, дающим уроки в русской школе. До этого он тоже был муллой.

О. Иеромонах Григорий, свободно говорящий по-русски, – энергичный и умный. Я полагаю, что с его помощью в скором времени вся Хосрова сделается православной. Он пользуется не только здесь, но и в Дильмане значительным влиянием и я лично видел как персы из соседних селений и Дильмана идут к

нему за советом. О. Григорий кончил свое образование в Урмии в нашей миссии, а затем некоторое время был в Тифлисе. Он искреннее предан России и делу Православия в Персии. Кроме него, в Хосрове проживает православный священник О. Иона (из айсоров), который ведаёт постройками, и учитель Бенъямин. В школе имеется до 40 учеников.

Данные о католических миссионерах в Хосрове мною приложены в приложении.

Сердаре Хумаюн, губернатор Дильмана, первым приехал ко мне с визитом и долго беседовал со мною о своих симпатиях к России и русским. На другой день я вместе с О. Григорием отдал ему визит.

Прощаясь с О. Григорием и его сотрудниками, я передал ему – на украшение русского храма в Хосрове.

22 Октября.

Выехал из Хосрова в 9 ч. 30 м. Все время поднимались ущельем «Доммени дерреси». В 3 ч. 40 м. были на перевале. Баром. = 2120 м. Затем спуск к сел. Ханик, куда приехали в 4 часа вечера. Баром. = 1900 м. Остановились у старшины селения. Сельчане – курды относятся к аширету Мерзики. Их глава Шерреф-бей живет по соседству в сел. Карачан, в 3 часах ходьбы от Ханика. Аширет Мерзики выставляют 1 хамидийский полк. Вечером ко мне зашел турецкий таможенный чиновник, жалкий и забитый человек. Он горько жаловался на свою судьбу, на ничтожное жалование и на то, что с ним никто не считается. Хозяин дома, не стесняясь присутствием этого турка, свободно говорил о том, что курдам пора взяться за ум и выгнать турок из Курдистана. Собравшиеся в хату курды охотно поддакивали хозяину дома и сильно бранили турецких властей.

23 Октября.

В 7 ч. утра мы вышли из Ханики. В 8 ч. 40 м. были на перевале. Водораздел. Баром. = 2060 м. В 9 ч. 10 м. спустились в долину. Баром. = 1800 м. В 12 час. были в Котуре. Я заехал к Симко, который вместе со своими людьми выехал мне навстречу. Я поразился молодцеватым видом его всадников. Оказанный мне в Котуре прием носил самый сердечный характер. Я долго

беседовал с находившимся здесь молодым Шемдинанским шейхом Сеид Тахиром (Сеид Таха). Он сильно возмущен турками и намерен отдаться под покровительство России. Все присутствующие высказали горячие пожелания о том, чтобы Русский ЦАРЬ помог курдам сбросить турецкое иго и образовать «курманджи бейлик» (курдское княжество) под протекторатом России. Очевидно эти идеи родились под влиянием пропаганды Абдур-Резака, который сейчас находится в Хое.

В 12 ½ ч. я выехал из Котура и в 1 час. был в турецком селении Рази, где имеется таможня и 40 аскеров при 1 офицере. От Ризы мы свернули на С. по направлению к сел. Шараб-хане. В 2 ½ час. были на незначительном перевале. Тропа - хорошая. Баром. = 1870 м. От перевала до самого Сарая¹ прекрасная дорога, по которой свободно могут ходить экипажи и автомобили. В 3 ч. 55 м. с правой стороны от нас, приблизительно в 200 саженях от дороги, показалось сел. Шараб-хане. Здесь имеется 25 солдат при 1 офицере. В 6 час. вечера были в Сарае. Здесь расположено 800 аскеров. Местные власти сделали мне визит все разом. Я остановился в доме старшины сарайских несториан.

24 Октября.

Из Сарая я выехал с одним кавасом и жандармом в 6 часов утра, оставив мой караван, вследствие утомления вьючных животных, на один лишний день в Сарае.

Через 8 часов езды по отличной конной дороге (колесной) я был в Арчаке, где остановился на 1 час для кормежки лошадей. Арчакский мудар, которого я знал ранее, явился ко мне с приветствиями. В Арчаке имеется 30 аскеров при 1 офицере и 15 жандармов.

Через 3 часа по хорошей дороге я благополучно доехал от Арчака до Вана.

Вице-Консул:

---

¹ Сарай находится в Восточной Турции, на границе с Ираном, напротив иранского округа Котур. - Шараф-хан Бидлиси... С. 531.

С. В Е Г И Н

В В Е Р Х О В Ь Я Х
Т И Г Р А

Обложка — гравюра на дереве
худ. Н. П. ДМИТРЕВСКОГО

М О Л О Д А Я   Г В А Р Д И Я
1   7
9   9

В. 26.
Экспедиции—
Краеведение

Обложка — гравюра на дереве
худ. Н.П. ДМИТРЕВСКОГО

Главлит № А 34136. Молодая Гвардия. Зак. № 3141.
Тираж 4.000 экз.
Отпечатано в 14-й тип. «Мосполиграф»,
Варгунихина гора, д. № 8.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Б.В. Миллер)	105
Набег курдов	106
В приюте американских миссионеров	108
Армяне 3000 лет тому назад	113
В поисках сестры	120
Темного истории и этнографии	123
Миссис Кэт Браун	130
Под черными шатрами	134
Курды	140
Завтрак у Омар-бея	147
Кое-что о «поклонниках дьявола»	150
Жены Омар-бея	153
Охота на диких баранов	156
Горы ночью	159
Встреча	164
Курдская свадьба	167
Шобет	171
Под выстрелами	173
Роман айсорского патриарха	175
Область «независимых айсоров»	178
Курдские планы	183
В покоях патриарха	187
В гареме муллы	191
Рассказ Ашхэн	193
Любовь Маршимуна	199

По притокам Тигра	207
В гостях у Мелика	208
Смерть Нигер	213
Айсоры	218
В глубь гор	219
Кровавая месть	228
Вести о войне	230
На родине Зороастра	233
Мечты пьяного принца	237
Думы мистера Брауна	242
Евангелие не помогло	244
Около революционеров	248
Смерть Омар-бея	249
Письмо с позиции	251
Словарь	253

ПРЕДИСЛОВИЕ

В советской литературе, изображающей в популярной форме жизнь и быт народов Востока, имеется очень мало произведений, которые давали бы о них сколько-нибудь правильные и ценные сведения. Авторы таких произведений большей частью с Востоком знакомы лишь очень поверхностно, знания языков и вся сложная жизнь, быт и психология этих древних исторических народов являются для них, в сущности, закрытой книгой.

Произведение С.И. Вегина представляет весьма редкое исключение. Автор несомненно имеет серьезное востоковедное образование, знает главные языки мусульманского Востока, долго жил в описываемых им местах и отличается большой наблюдательностью. Наряду с богатыми и разнообразными впечатлениями, вынесенными им из его собственного путешествия по Курдистану, он использовал и значительную народную литературу, которая позволила ему дать полезные исторические очерки описываемых им народов. Главная же ценность его работы, конечно, заключается во множестве этнографических подробностей и правдивом описании быта айсоров, курдов, иезидов и армян. Отметим, что посещенная им «страна независимых айсоров» была весьма малодоступна для европейцев, и потому описание ее представляет интерес не только для рядового советского читателя, но и для тех, кто более специально интересуется этнографией айсоров.

В.В. Миллер

НАБЕГ КУРДОВ

Геворг Врамьян родился там, где бирюзовое небо Армении разметалось над широким, как море, Ванским озером, вздымающим свои волны на крутые утесы седого Тафра.

Высоко над озером стоят суровые снежные хребты. Ниже пестреют острые, голые скалы, по которым мечутся каменные бараны, и прыгают, заливаясь металлической трелью, сизые горные индейки. А еще ниже, поближе к людям, зеленеют веселые предгорья, осовело пасутся гучнозадые овцы, скачут по кремнистым кручам пушистые козы. Пшеничные поля не подступают к селенью Карадашт. И не манит оно темными абрикосовыми садами. Выложенные из серого гладкого камня дома схоронились в глубокой лощине и уныло выглядывают оттуда, — нелепые и мрачные.

Здесь, среди татучих веков рождались, жили и умирали Врамьяны. Отец и мать Геворга преждевременно состарились в своей лощине от беспросветного труда и страха перед курдами, которые рыскали по соседним горам, выслеживая своими ястребиными глазами верную добычу. Только зимняя стужа сгоняла курдов с гор в обледенелые долины, где стыли они в своих дымных полужемлянках от непогоды и голода. С первыми лучами весеннего солнца курды выкарабкивались из них, и с радостными песнями, свободные, как ветер, и буйные, как звери, неслись обратно в горы.

Одиннадцать лет минуло Геворгу. Он и его восьмилетняя сестренка Ашхэн с синими глазами росли лицом к лицу со скалами и утесами. Жизнь казалась им веселой и забавной сказкой. Но внезапно детство оборвалось. Каменистая улица Карадашта заалела горячей кровью.

Стоял на исходе беспасмурный, открывающий прозрачные дали сентябрь. Сумерки сгущались. Раскаленное солнце сползло за Нимруд-даг, и багровые лучи раскинулись по быстро тускневшему небу. Уже стогнался с соседних холмов наевшийся досыта скот. Смуглые женщины с отвислыми грудями хрипло перебранивались, готовясь к удою, и степенно возвращались с работ усталые, черные от загара сельчане. Неожиданно со стороны ближних гор вклубилось от земли пыльное облако и, как черный ураган, прорвалась сквозь него толпа вооруженных курдов. Они неслись на Карадашт и, разбившись на партии, охватили селение стальным кольцом винтовок. Часть курдов бросилась к возвращавшимся стадам, стараясь направить их обратно в горы, а остальные, не слезая с коней, стали беспорядочно обстреливать селение.

Взвивался от выстрелов молочный дым, визгливо ныли пули, неслись по лощине вопли женщин и нудно скулили собаки. Несколько сельчан, у которых нашлись винтовки, залегли за камнями и отстреливались от курдов.

Улица захлебывалась от криков. Женщины с безумными от страха глазами то выбегали с тяжелыми узлами из домов, то, повинуясь окрикам своих мужей, тащили пожитки обратно. Перед лицом смерти люди ощущали только тупой, леденящий кровь ужас. Девушки бросались на землю, беспомощно плакали дети, оставленные без призора. Геворг не понимал опасности. Он дерзко выбегал за дома, всматривался издали в хмурые лица курдов и метал с разбегу в их сторону попадавшиеся ему под руку пыльные камни. Он долго упрямился, когда мать хотела отвести его домой. И странное дело: на улице, среди бесцельно толкавшихся людей и трескотни выстрелов, Геворг совсем не испытывал страха, но когда мать оставила его одного в доме, на мальчика напал такой ужас, что он забился в ознобе, и уполз в темный угол, где были свалены узлы с войлоками и подушками. Геворг зарылся в них с головой, долго плакал и, согрешившись, уснул крепким сном ребенка.

Когда утренние лучи солнца ударили Геворгу в глаза, он вскочил на ноги и припомнил все, что было. Зловещая тишина

страшно встревожила его. Он не услышал ни знакомой хлопотливой беготни матери, ни звонкого, как горный ручей, смеха сестренки, ни шума улицы. Из растворенной настежь двери врвался в комнату свежий утренний воздух и приносил тяжелый запах крови. Крадучись, выглянул Геворг за дверь и остолбенел. Посреди двора, закинув одну руку за голову, валялась в крови его мать, скомканная и обезображенная. Платье было сорвано с нее. Вспоротый живот чернел в кровавых сгустках.

Отчаянным прыжком бросился ребенок на холодную грудь, толкал мать трясующимися ручонками и, плача, кричал ей на ухо бессвязные слова. На его слезы ответил лишь ветер, трепавший черные косы убитой. Геворг в ужасе бросил мать и выбежал на улицу. Здесь было поле мертвых: всюду валялись изуродованные трупы, в одном из них он распознал своего отца. Убитый лежал на животе, широко раскинув руки. Голова на перерубленной шее неестественно пригнулась к спине, а потускневшие, стеклянные глаза смотрели с укором на небо. Детские мысли Геворга спутались. Перед глазами поплыли зеленые круги, и он потерял сознание...

В ПРИЮТЕ АМЕРИКАНСКИХ МИССИОНЕРОВ

Поздняя осень срывала с деревьев последние листья и гнала их по грязным дорогам. Хмурилось небо, и свинцовые тучи застилали снежные вершины гор. По утрам стояли над долинами тяжелые туманы, а с севера летели вереницы птиц, оглашавшие воздух тоскливой переключкой.

Геворг — худой, без кровинки в лице, пришел в себя и осознал окружающее. Прежде всего он увидел в окне, перед которым мотались обнаженные платаны, кусочек серого неба и зеленые крыши каких-то зданий. Он лежал в большой светлой комнате, на белой кровати. По соседству стонали чужие люди, прикрытые темно-серыми с белой каймой одеялами; суетились высокие, худые женщины в белых халатах. Рядом с Геворгом лежал черный кудрявый мальчик и ласково мигал ему глазами.

— Да, это Арташес, сын Мартироса! — догадался Геворг. — Как он сюда попал, и почему я в этой светлой комнате?..

Арташес, глотая слова, рассказал ему:

— Это Ван. Тут живут американцы, миссионеры. Пастух Саркис пробрался в ту ночь в город за помощью. Турецкий паша посмеялся над ним и сказал, что давно следовало перерезать всех армян. Потом приехали в Карадашт американцы, похоронили убитых, подобрали больных и привезли нас всех прямо в свой лазарет. За главного здесь доктор Рейнольдс. Заходит иногда. У него большая седая борода. Такой ты еще никогда не видел...

Женщина в белом халате подошла к Арташесу и запретила ему разговаривать. Геворг опять впал в забытие. Ему снились тяжелые сны, и он с криком просыпался от них. Это было возвращение к жизни после опасной и упорной болезни.

К маленькому Геворгу пришла новая жизнь, совсем не похожая на ту, которая проходила среди диких ущелий, когда он смело взбирался на кручи по опасным тропинкам и барахтался в соленых волнах озера. Из лазарета его перевели в приют, в просторный каменный дом, где галдели такие же, как он, черноволосые ребятишки.

— Как тебя зовут мальчик? — спросил его участливо плотный человек в очках, тяжело похлопав по плечу.

— Геворгом.

— Так вот, Геворг, случилось большое-большое несчастье. Ты остался сиротой. Все твои родные убиты курдами, кроме сестры, которую они увезли с собою в горы. Не горюй и не плачь, а молись, всегда молись богу и слушайся старших...

Сердце Геворга сжалось от боли. Он отошел к окну, перед которым синело сливаясь с горизонтом Ванское озеро, и заплакал.

Потянулись для Геворга скучные, как тоскливое осеннее небо, дни. От молитвы — к книге, от книги — к молитве. В длинные темные ночи, когда на дворе бушевал ветер, шумели за окнами обледенелые платаны и хлестал по стеклам холодный дождь, Геворг засыпал с тяжелыми, как свинец, мыслями. В приюте он

не встретил теплой душевной ласки, а лишь холодное участие самодовольных американцев. С своими сверстниками, которых сиротство и нужда загнали в приют, он быстро сошелся. Горе, бездомность и тоска по воле крепко сдружили ребят.

Учение легко давалось Геворгу. Через два года он свободно говорил и писал по-английски.

Миссионеры упорно старались пристрастить детей к религии. Их заставляли постоянно читать евангелие и библию, петь нудные псалмы и пичкали вздохов скучными проповедями о христианских добродетелях. Не любил Геворг этих молитвенных часов, так как был по природе своей, как и большинство армян, мало склонен к религиозным настроениям.

Так текли дни и годы безрадостной приютской жизни. Геворг крепко усвоил, что в будущем ему придется рассчитывать только на себя и что, трудясь, он завоюет свое счастье. Когда образование в миссионерской школе было закончено, Геворгу, как лучшему из учеников, было предложено поехать в Америку за счет миссии для поступления в университет.

— Дорогой Врамьян, — с торжественным видом обратился к нему доктор Рейнольдс. — Вы кончили первым. У вас прекрасные способности и добрый нрав, и я надеюсь, вы горячо любите бога. Ваши успехи в науках и ваша скромность дали основание миссии предложить вам поехать в Америку для завершения образования. Какую профессию вы хотели бы избрать для себя?

— Я всегда мечтал, доктор Рейнольдс, побывать в Америке и поступить в один из американских университетов на медицинский факультет, — ответил Геворг.

— Bravo, молодой человек, bravo! Вы избираете прекрасную дорогу. Вы будете другом страждущих и обремененных болезнями. На этом пути вы найдете поддержку в своих печалях и горестях, как и я когда-то нашел, отказавшись от суеты веселящегося общества, — вздохнул Рейнольдс.

Доктор Рейнольдс — тощий, высокий старик с длинной, седой бородой и серыми глазами, был интересным человеком.

Сорок лет тому назад приехал он из Америки в Ван и более не возвращался на родину, отдавшись своей миссионерской работе. В вопросах веры он был тупым фанатиком, сохранившим до старости лихорадочную трудоспособность. О годах своей юности он не любил вспоминать, но другие американцы рассказывали, что Рейнольде покинул Америку после разрыва с девушкой, которая бросила его, сойдясь с богатым коммерсантом.

Американские миссионеры появились на берегах Ванского озера в начале девятнадцатого столетия. Откупив в Ване обширный участок земли, они соорудили на нем много зданий под школы, больницы, приюты и молитвенные дома. Отделения их миссии появились в Эрзеруме, Витлисе, Харпуте, Мардине и в 110 других пунктах Турецкой Армении и Курдистана.

По соседству, в Персидской Урмии, американцы основались несколько раньше и работали здесь главным образом среди айсоров. Рейнольде развил миссионерское дело с помощью своей врачебной практики и золота, на которое не скупились американские колонизаторы и ханжи.

Он добросовестно появлялся всюду, где свирепствовали эпидемии, для оказания людям бесплатной врачебной помощи. Но если его работа имела некоторый успех среди айсоров, то армянское население упорно отклоняло всякие попытки привлечь армян на сторону протестантского бога.

Но старик Рейнольде не унывал. Он упорно верил, что ему удастся в конце концов создать кадр миссионеров из местных армян и с их помощью сломить отвращение народа к пропаганде миссионеров.

Жизнь Рейнольдеа проходила в постоянных разъездах. Не раз подвергался он опасностям, скитаясь по дёбрям Курдистана, но никакие трудности не смущали его, и он восторженно и нудно славословил своего бога по армянским и айсорским селениям.

Однажды он пробирался с другим миссионером в одну айсорскую деревню, расположенную на берегу Большого Заба, притока Тигра. Чтобы сократить дорогу, Рейнольде избрал кратчайший

путь через могучие горные хребты, по которым шныряли курды. В одном диком ущелье, заросшем клещевинной, разбойники напали на миссионеров, ограбили их до последней рубашки, изранили кинжалами и кинули в заросли кустарника. Придя в себя и обливаясь кровью, миссионеры добрались с трудом до ближайшего селения, где Рейнольдс не только сам перевязал себе раны, но даже с помощью простой иглы подправил свой нос, кончик которого, отсеченный ударом кинжала, болтался на кусочке кожи.

Это событие в свое время наделало много шума, и американский посол потребовал от Порты наказания виновных и уплаты Рейнольдсу 2.000 золотых турецких лир за увечье.

Виновных, конечно не нашли, но деньги были уплачены полностью.

Рейнольдс, с изуродованным на всю жизнь носом, построил в Ване на часть полученных денег обширную церковь, которую местные армяне так и называли «храмом носа».

Туземное население, если ценило Рейнольдса как доктора, то вполне равнодушно относилось к его проповедям о делах загробной жизни. Да и вообще восточные христиане — эти вечно трудящиеся подневольные люди — более думали о куске хлеба, чем о праздных религиозных вопросах.

Поездка Врамьяна в Америку наладилась быстро.

В океане он с интересом наблюдал жизнь огромного парохода, похожего на дорогой отель, где столовые и бальные залы гудели говором нарядной толпы и благоухали свежими цветами.

Врамьян, прекрасно говоривший по-английски, легко освоился в Америке. Поступив в университет на медицинский факультет, он обзавелся новыми знакомыми и подыскал себе вечерние занятия в редакции одной газеты. Это давало ему хороший заработок и помогло мало-помалу освободиться от денежной опеки своих покровителей.

Из Врамьяна вышел красивый, ладно скроенный, молодой человек — серьезный и вздумчивый. Если некоторые люди рождены для разговоров, а на других, равновесия ради, возложено бремя

молчания, то Врамьян конечно принадлежал к последним. Но его замкнутость не была для него бременем: он умел слушать других.

Окончив университет, Врамьян занялся врачебной практикой, скопил за два года некоторую сумму денег и решил побывать на родине.

Это сильно тяготило одиночество. К тому же надежда разыскать сестру Ашхэн и стремление принести пользу своему народу укрепили его в намерении уехать и заставили быстро собраться к отъезду.

Это было в апреле 1914 года, как раз накануне мировой войны. Когда уже всем стало ясно, что Европа находится перед грозной катастрофой, в которую неминуемо будет втянута и Турция.

С Америкой он расстался без сожаления. Всесокрушающая власть капитала, звериный эгоизм американцев, их лицемерие, их отношение к неграм опротивели Врамьяну раз навсегда.

Сборы длились не долго, лишние вещи были распроданы, и Врамьян отчалил с легкой душой от берегов Америки.

АРМЯНЕ 3000 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

Он выбрал дорогу на Владивосток, через Сибирь.

С упорством, присущим армянину, Врамьян успел изучить русский язык и говорил на нем более или менее свободно.

Армяне вообще очень легко усваивают иностранные языки, что объясняется отчасти тем, что каждый из них, благодаря чисто географическим причинам, уже с детства говорит на нескольких языках Востока. Армяне Турции и Персии великолепно владеют турецким, персидским и курдским языками. Армяне Кавказа говорят на русском, татарском, грузинском так же свободно, как на армянском.

Итак, поезд мчал Врамьяна по обширной Сибири. В окнах вагона мелькали необозримые дали, могучие разливы рек и беспредельные леса, залитые на сотни верст вешними водами. Особенно

поразили его сибирские многоводные реки, не знающие, куда девать свои нетронутые силы. Он наблюдал величие богатой природы и мечтал о той прекрасной и смелой жизни, которая неизбежно развернется со временем в этой стране, богатой всем, что потребуется для приложения энергии человека. А тайга!.. Правда, он много читал о ней, но не имел настоящего представления об этом океане пустующих земель.

Долгий путь через Сибирь оборвался красивыми видами Урала с его могучими заводами и быстро растущими городами. Нарядная и ясная красавица Волга особенно приглянулась Врамьяну. Она встретила его ласковым запахом березы и белой черемухи.

Тут он пересел с поезда на пароход. По широкой реке шныряли бесчисленные пароходы, тащились огромные беляны и неслись с берега разухабистые песни под гармонию. В лиловых далах тонули города и села, белели златоглавые церкви и курчавились сады.

Промелькнула пропитанная запахом рыбы одноэтажная Астрахань, прочернели нефтяные вышки Баку, остался позади веселый Тифлис и уже утомленно тащился поезд по знойной долине Эривани. Вагоны были набиты битком. Шапки, башлыки, картузы и шляпы мешались в шумной толпе. Осторожно пробирались по вагонам красивые женщины, и неподвижно сидели закутанные в чадры грустные обитательницы гаремов.

Жадно вслушивался Врамьян в беседы армян. Война казалась им неизбежной и всех их томил страх за судьбу армян в Турции...

Эти разговоры разбудили в нем беспокойство за сестру Ашхэн; он решил спешно покинуть Эривань и выехал в большое армянское селение Игдырь, откуда шел путь к берегам Ванского озера.

Здесь он нашел попутчиков из местных купцов, имевших торговлю с Ваном, но обычно ездивших туда большими партиями из-за опасности встреч с курдами. Среди попутчиков Врамьяна оказался армянский ученый Малаян, который не мало поработал в

Турецкой Армении над изучением памятников старины и писал в русских и армянских журналах интересные этнографические этюды о населении Ванского округа. Этот ученый этнограф отличался редким добродушием, большой эрудицией и умением живо заинтересовать собеседников.

С первыми лучами солнца караван тронулся из Игдыря. Часа два ехали болотистой низиной, над которой носились стаи диких уток, и танулись к реке горластые гуси. Было душно, как в теплице. Из низины караван поднялся в предгорье Арарата, чье снежное седло, залитое лучами солнца, гордо подпирало безоблачную, голубую высь. Справа вдоль турецкой границы лежали под лиловой дымкой непрерывные горные кражи, покрытые вечными снегами.

Первая остановка была в русской таможне при урочище Оргов, расположенном в гористой местности. Таможенные формальности не особенно долго задержали караван. Из Оргова двинулись дальше на юг, по крутой горной тропинке к трудному перевалу, с которого открывалась широкая и ровная, как степь, Ваязетская долина. Вдали вырисовывались старинная крепость и стройные минареты Ваязета. Как орлиное гнездо, он приткнулся к горам, замыкающим долину с южной стороны.

Ватрепетало сердце Врамьяна. Вспомнились давно минувшие дни и милые лица, с которыми смерть разлучила его навсегда.

Трое суток медленно двигался караван среди безлесных гор, то поднимаясь на кручи, то спускаясь в долины. Дорога шла по дикой местности, населенной курдами, которые уже покинули свои зимовники и ушли со своими стадами под снежные вершины гор.

Как только караван останавливался на ночлег у источника, сбегавшего серебряной струей с соседней скалы, — попугачики, перекусив чем попало, обыкновенно устраивались как-нибудь в каменном затишьи, разводили костер и, окружив Малааяна, слушали его рассказы, полные любви к своему угнетенному народу. Шочи стояли теплые, тихие. Легкий ветер доносил с гор острый аромат цветов и трав. Кругом была тишина, отдаленность от мира. В уще-

льях по ночам неистово выли шакалы и мятко резали воздух большие летучие мыши.

Однажды расположились на дне глубокого ущелья, по которому горный поток с шумом тащил тяжелые черные камни. На самой вершине соседней скалы виднелась прекрасно сохранившаяся клинообразная надпись, не менее трех саженей в квадрате.

Старик Мартирос, пожилой игдырский купец, долго на закате солнца, рассматривал в бинокль эту надпись и решил в душе, что здесь дело не обошлось без шайтана. «Человеку неведомо, — думал он, — взбираться на такую отвесную кручу и писать на скале такие странные буквы, которых не найдешь ни в одной азбуке». Свое предположение он скрывал от спутников, так как боялся обычных насмешек, и решил узнать, при первом удобном случае, мнение Лалаяна по этому вопросу.

— Вы бы рассказали нам, профессор, что за люди жили здесь в старину, зачем они взбирались на скалы и чертили на них свои заклинания, — хитро спросил Мартирос Лалаяна, когда все расселись по обычаю вокруг костра, кидавшего красные полотна света на мрачные глыбы ущелья.

— Вот в том-то и беда, — ответил Лалаян, — что мы, армяне, вообще очень мало интересуемся историей и прошлым этих мест. Англичане, французы и русские ученые много поработали над изучением памятников старины этого края. Исследования неугомимого англичанина Сэйса привели к тому, что клинообразные надписи, подобные вот этой, были прочитаны. Гений человека заставил говорить скалы, которые сохранили миру ценные исторические сведения о народах, живущих вблизи Арарата.

Все принялись просить Лалаяна поделиться с ними сведениями о клинообразных надписях и о появлении армян в этих местах. Лалаян, как всегда, охотно согласился и начал свой рассказ.

— Вот вы видите скалу, на которой много веков тому назад была сделана великолепная надпись. Ее не смывает дождь, не заносит пески, не портят гнилые туманы. Какой же народ оставил потомству этот древний памятник?..

Главным-давно, приблизительно лет за три тысячи до нас, в верховьях Тигра и Евфрата, около озер Ванского, Урмийского и Токчи, жил многочисленный народ, который не имел никакого родства с соседними семитическими племенами Месопотамии и Сирии. В современной науке этот народ известен по большей части под именем халдов.

Ассирийцы называли этот народ «Урарту», а в библии местность, населенная им, известна под общим именем Арарат. Ясно, что оба эти названия тождественны. Ассирия вела бесконечные войны с царями Урарту. Эти цари были слабее ассирийских завоевателей, но, тем не менее, по временам наносили жестокие удары Ассирии. От этих-то царей Урарту и дошли до нас эти надписи. Когда они были прочитаны, оказалось, что эта страна на своем языке называлась не Урарту, а Биайна, — название, сохранившееся до нашего времени в исковерканном слове Ван. Этот город был столицей Биайны, иначе Урарту. О чем же писали урартийские цари на скалах?

На знаменитой Ванской скале имеется величественная надпись в целых 300 строк, в которых царь Урарту по имени Аргишт I рассказывает потомству о своих громких победах над ассирийцами и над другими своими врагами. Эта надпись не что иное, как анналы победоносных войн. Они поднимают занавес над прошлым человечества.

Религия урартийцев, имея общие черты с верованиями ассирийцев, все же стояла особняком. Их главное божество был Халд, по имени которого многие ученые и называют урартийцев «халдами». В честь этого бога воздвигались величественные храмы, высеченные в скалах. Некоторые из них сохранились до наших дней. Многие из вас видели конечно около Вана скалу «Топ-рак-Кала»: внутри ее пробурявлены огромные залы, одна выше другой, соединенные между собою широкими лестницами, ступеньки которых высечены с необыкновенной тщательностью. Эти лестницы ведут к самой вершине скалы и освещаются солнечными лучами,

проникающими через круглые отверстия, пробитые сквозь всю толщину скалы.

По соседству с урартийцами кочевали кардухи — теперешние курды, а с севера напирала на них скифы. Набег скифов подточил силы Урарту, которые и без того были ослаблены бесконечными войнами с Ассирией. Песня Урарту была спета. Это царство погибло навсегда. Люди прочно забыли о нем. Построенные урартийцами города и оросительные каналы, некоторыми из которых и поныне пользуется население, — были отнесены потомством к постройкам легендарной Семирамиды, являющейся скорее достоянием сказки, чем истории.

Раздробленные остатки урартийцев влились в состав зародившегося на араратском плоскогорье нового царства, а именно армянского.

— Из вашего рассказа, Малаян, мне не вполне ясно появление армян на араратском плоскогорье, — перебил его Врамьян.

— А как раз подхожу к этому вопросу, который пока находится в области предположений и догадок. Достоверно известно, что арийские племена двигались из недр средней Азии в беспредельные русские равнины. Если средняя Азия — колыбель человеческого рода, то русские равнины могут назваться колыбелью нынешней Европы, ибо между населяющими ее народами едва ли есть один, чьи предки не блуждали бы по какой-нибудь части теперешней России. Когда-то плодородные южнорусские степи были населены киммерийцами, которые были вынуждены покинуть облюбованные места под напором нагрянувших из-за Урала иранских кочевников, названных греками скифами. Они заставили киммерийцев перейти Дунай и спуститься на Балканский полуостров в горную страну, называвшуюся в древности Фракией, а ныне Болгарией и Румынией. Здесь киммерийцы, приблизительно 3000 лет тому назад, встретили свирепых и воинственных фригийцев и отгеснили их через Босфор в Малую Азию. Медленно двигались фригийцы от Босфора к долинам Эфрата. Современные

ученые полагают, что армяне принадлежали к этой могучей фригийской ветви арийцев.

Когда за две с половиной тысячи лет до нашей эры соединенные силы Мидии и Вавилона сокрушили Великую Ассирию, армяне, воспользовавшись этим обстоятельством, перешли на восточные берега Эфрата, слились с остатками урартийцев и сделались здесь господствующим народом под именем Армаи, а страна получила название Армении и Эрмен. Господство мидян не позволяло армянам образовать самостоятельное государство наподобие Урарту, и они вошли в состав Персидской монархии. Только когда Александру Македонскому удалось сокрушить персов, армяне образовали самостоятельное царство, превратившееся в Курдо-Армению наших дней. — Вот вам краткая история этих мест. Она дышит седой стариной и пропитана кровью бесчисленных поколений, которые вели непрерывные войны, побеждали и терпели поражения.

Кончив свой рассказ, Лалаян глубоко задумался.

Тихо догорал костер. С горизонта подымалась над горами блестящая Венера и кротко мигали звезды Большой Медведицы.

Укрывшись бурками, попутчики разлеглись тут же у костра с мыслями о далеком прошлом Армении и надеждами на ее лучшее будущее.

На следующий день после утомительной дороги открылась наконец синяя даль Ванского озера, и в воздухе почувствовался острый запах соли. Любо было смотреть на мелкую зыбь сиреневого простора, на раковины облачков, таявших над озером в бездонном небе, на темные сады, в которых утопал далекий Ван. Город протянулся длинной лентой от скалы «Топрак-Кала» до самого озера, из которого выпятился огромный утес-крепость со своей знаменитой надписью царя Аргишта.

Кругом расстилались дали, блестящие, как стекло, с едва заметными оазисами селений; в полях копошились темные фигуры трудолюбивых армян, и неуклюжие быки тащили по знойной земле допотопные повозки.

— Как древен этот смуглый народ, орошающий свои поля, едущий на ослах и отдыхающий с быками под тенью высоких чинар, — думал Врамьян, наслаждаясь прелестью сапфирового озера, к которому любовно прижался Ван, полный легенд о садах Семи-раמידы.

В ПОИСКАХ СЕСТРЫ

Сгущались сумерки, когда караван добрался до Вана. Усталые лошади понуро двигались по длинной, прямой улице, обсаженной с обеих сторон высокими платанами, под которыми шумели холодные горные ручьи. Около них шумели краснощекие девушки с полотенцами в руках и весело улыбались прохожим.

Улица с неуклюжими домами, из-за которых выглядывали абрикосовые сады, замыкалась в перспективе горой Барак; по ее склону раскинулся древний монастырь, уцелевший от первых веков христианства.

Из турецкой части города, расположенной вблизи самого озера, доносился протяжный, надрывный голос муэдзина, призывавшего правоверных к молитве и сну.

Скромная гостиница, к которой подъехал Врамьян, выпятились на улицу своим покосившимся крыльцом. Навстречу выскочил хозяин гостиницы, юркий старый армянин Саак и рассыпался перед Врамьяном в добрых приветствиях и почтительных поклонах.

Кто только не знал в Вана старика Саака? И ему зато были известны все намерения турецких властей, все их настроения, спрос на все товары и самые последние приказы, полученные из Порты. В Вана все пользовались добрыми услугами Саака, а приезжающие охотно заворачивали в его гостиницу, где за стаканом красного вина сводились нужные знакомства и заключались торговые сделки.

Врамьян немедленно получил от Саака все сведения о родном Карадаште, жители которого, как оказалось, были вынуждены

покинуть селение из-за разбоев курдов и либо переселиться поближе к Вану, либо уехать на Кавказ. О своей сестре он узнал, что курды упорно скрывают её в горах, и что все попытки армян выкупить девушку остались безрезультатными. Посились темные слухи, что ее хотели заставить силой принять ислам, но что Ашхэн отказалась сделаться мусульманкой. Это обстоятельство заставило многих предполагать, что курды покончили с девушкой или, по крайней мере, продали ее в гарем какого-нибудь богатого насильника. Разговоры с другими армянами подтвердили эти слухи, но точных сведений Врамьян ни от кого не мог получить. Влуждая по тихим улицам и окрестностям Вана, он заводил знакомства и сулил армянам и курдам крупные деньги, если они помогут ему узнать местопребывание сестры.

Врамьян очень любил прогулки по берегам Ванского озера. И правда, тот, кого захватила однажды красота его синих вод, будет помнить его очарование всю жизнь. Вознесенное на высоту почти 2 тыс. м. над уровнем моря, это озеро, площадь которого равняется 2 тыс. кв. км, а длина более 100 километров, замыкается с юга снежными хребтами Тавра. С этим озером связаны отдаленнейшие армянские предания и легенды: на его берегах мифический родоначальник армян Хайк дал сражение преследовавшему его Валу Вавилонскому (Шемвроду), а легендарная Семирамида вела за обладание озером упорные войны.

Врамьян обыкновенно проводил ночи в армянских селениях, раскинутых по берегам обрывистых, горных речек, питающих озеро своими водами. Он с интересом приглядывался к жизни сельчан, безвозмездно лечил больных и снабжал их лекарствами.

К нему приходили иногда с гор больные курды за врачебной помощью. Многие из них обещали ему, в виде благодарности, раздобыть сведения об Ашхэн, но дело это далее обещаний не шло, и его надежды бледнели с каждым днем.

Врамьяну врезался в память разговор, который он имел с одним курдом Али-агой, болевшим глазами и приходившим к нему лечиться.

— Али, где живет твое племя? — однажды спросил его Вр-
мьян.

— Под черными шатрами... Мы из племени Хеккари. Кочу-
ем в горах Джуламерка.

— Чем вы обычно занимаетесь?

— Грабим все, что нам попадается под руку, — спокойно от-
ветил курд.

— При ограблении вы убиваете людей?

— Если мы встречаем человека слабее нас, мы его убиваем,
если он сильнее — он нас убивает.

— Зачем вы грабите бедные армянские селения?

— Армяне все же богаче нас. Они умеют пахать землю и
имеют запасы пшеницы.

— Ваши грабежи, Али-ага, неважное ремесло! Надо бы пе-
ременить образ жизни. Отчего вы не займетесь настоящим делом?

— Каким? — недоуменно спросил курд. — У нас нет ни по-
лей, ни плугов, чтобы возделывать землю! Наше ремесло — грабеж.

— Требуйте от турецкого правительства пахотных земель.

— Долга песня, почтенный доктор!.. Да если бы нас и наде-
лили удобной землей, ее надо оросить и удобрить. А мы к этому
не привычны. Во время же грабежа селений мы в одну ночь запа-
саемся хлебом и одеждой на всю зиму.

— Но ведь и вас могут перебить во время перестрелки...

— Лучше умереть от пули, чем на своей постели, — с уве-
ренностью ответил Али-ага. — Мы обыкновенно нападаем на селе-
ния ночью и увозим добычу, не дав сельчанам опомниться от сна
и от страха. Если нас преследуют турецкие аскеры, мы снимаем
свои шатры и забираемся в такие горы, куда не залетают даже и
птицы.

— Мне хотелось бы, Али-ага, посетить твое племя и посмотре-
ть на вашу жизнь в горах. Не опасно ли это?..

— Клянусь моими детьми, что тебя примут, как родного!

Но ведь ты только что сказал, что все вы разбойники и лю-
бите поживиться чужим добром!..

Нет, нет... приезжай к нам в горы. У нас много больных. Ты будешь нашим гостем и в полной безопасности. Тот, кто приходит к нам с добрым участием и помощью, покидает наши кочевья радостным и здоровым.

Когда Врамьян передал эту беседу своему приятелю из ванских армян, тот подтвердил, что курды действительно не считают человеком того, кто не украд барана, быка или лошадь, и напомнил ему курдскую поговорку: «Воруйте имущество неверных, это не грешно. Шять раз в день молитесь Аллаху, ешьте мясо украденных баранов и знайте, что после смерти пойдете в рай».

НЕМНОГО ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

Ванское озеро со всех сторон окружено горами. С севера тянется хребет Алла-дага, темнеют массивы Клыч-Гедука и гордо вздымается к небу вечно снежная вершина Сипан-дага (Тордая гора). С востока спускаются к озеру зеленые скаты горы Варак, а на горизонте толпятся пологие отроги пограничного с Персией хребта. С юга озеро окаймлено могучими утесами Тавра, а с запада высятся Шимруд-даг, Тригуар-даг и цепь скалистых холмов. Более 40 горных речек несут свои воды в озеро. У армян сохранилось предание, что в древности озеро имело с южной стороны подземный исток в реку Тигр. Но когда в исходе XII века сельджуки изгнали отсюда византийцев, последние, желая затопить страну, забили подземный проход воды тюками шерсти, песка и камня. С тех пор, говорит предание, уровень моря стал подыматься. Местные жители уверяют, что вода в озере прибывает каждые 7 лет, а в следующие 7 лет убывает, причем прибывь воды всегда превышает ее убыль. Так или иначе, неоспоримо лишь то, что Арчишская крепость, когда-то построенная на северном берегу, очутилась на значительном расстоянии от суши и стены ее постепенно погружаются в воду.

Вода в озере горько-соленая. В летнее время жители Вана роют около берега небольшие бассейны и наполняют их озерной во-

дой. Вода быстро испаряется, а на дне осаждается слой натра. Он вывозится в Персию и охотно покупается даже курдами.

Зимой озера почти никогда не замерзают, но заливы часто покрываются льдом. В озере водится только один вид рыбы «тарех» из породы мелких сельдей. Во время весеннего разлива тарех выходит из озера и подымается в реки. Тарех ловят с помощью простых плетеных корзин в таком количестве, что им снабжается на год не только местное население, но и вся восточная часть Малой Азии. На Ванском озере имеется 6 островов: два малых и четыре больших — Мим, Ктуц, Ахтамар и Аргер.

Эти острова представляли собой когда-то цветущие обители, так как правящие классы Армении насадили в свое время по всей стране огромное количество церквей и монастырей, которые в конце концов за ненадобностью вовсе опустели. Незадолго до войны 1914 года жизнь монастырей в Турецкой Армении замерла навсегда. Когда военные события заставили армян покинуть родные места, монастыри были разграблены и уничтожены курдами.

На юго-восточном берегу озера лежит город Ван. Его основание теряется в глубокой древности. Армянский историк Моисей Хоренский пишет, что Ван был построен Семирамидой. После блестящей победы над Арою Прекрасным, родоначальником армян, ассирийская царица, — рассказывает он, — отправилась на юг от горы Арарат искать место для своей летней ставки. Вй полюбили окрестности Вана, и она построила здесь город и крепость. Этому не приходится верить, так как не подлежит сомнению, что Великая Семирамида (по-армянски Шамирам) и все рассказы о ней относятся к области самых старых легенд человечества. Впоследствии имя Шамирам было пристегнуто к богине Астарте, известной в Армении под именем Анахит. Этой богине посвящались все высоты гор и холмов; ее именем назывались тенистые рощи. Сначала ей не ставили статуй. Жертвоприношения совершались на высоких, неприступных местах, в тех крепких замках, которые назывались именем Семирамиды. Надо думать, что первоначальная религия армян пошла от культа солнца. Со временем же она

видоизменилась под влиянием астрального культа звезд, широко распространенного тогда в долинах Тигра и Евфрата. И особенным почитанием пользовалась у мидян и армян богиня Анахит — владычица любви и битв. Она олицетворялась луной. Каждый шесть месяцев устраивались в ее честь буйные празднества. Золотые статуи богини развозились по всей стране при ликовании населения, предававшегося оргиям и безумству. Не обходилось дело и без человеческих жертв. В этом отношении пользовался громкой славой культ бога Михры (по-персидски Митра). Митраизм, как известно, был распространен по всей Малой Азии, Сирии и даже в Риме Клавдия и Нерона. Рядом с Ваном лежит на холме деревушка Акрби; вблизи нее на скале, имеющей форму двери, высечена клинопись, вышиною в 3 метров и шириною в 2 метра. Надпись состоит из 95 строк. По народному поверью за этой надписью находится вход в казнохранилище Михры.

Азычество армян возникло на почве религиозных идей семитов Месопотамии, сформировалось под влиянием греческой культуры и впитало в себя кое-что из религии урартийцев, ко временам которых относится постройка Ванской крепости с ее знаменитыми клинописями.

В XI веке нашей эры древний Ван был разорен арабами, а на исходе XIV века взят Тимур-Ленгом (Тимуром).

В XV веке Ван уже принадлежал Персии, а в XVI его отняли у персов турки. При турках Ван несколько раз переходил в руки курдов. В тридцатых годах XIX столетия его ограбил курдский шейх Хан Махмуд, а в 1876 году курды город сожгли.

Ван с северной стороны опирается на высокий скалистый холм, который отвестно стоит посередине равнины. Эта скала-крепость, знаменитая своими клинописями, называется курдами Кураб, а турками — Ванкалеси. Дорога в крепость ведет по крутому подъему. Выдолбленные в скале залы квадратной и кубической формы не имеют орнаментов, но стены их прекрасно отполированы. Вдоль стен выдолблены ниши квадратной формы. Из зала Ч

хода ведут в боковые пещеры. В залу ведет лестница, поражающая своими размерами. Над входом в эти залы-пещеры скала покрыта клинописями. Южная сторона скалы, обращенная к городу, совершенно отвесна, но однако и в ней люди ухитрились выдолбить гигантскую лестницу, взобраться по которой почти невозможно. Впервые ванские надписи были списаны Шульцем в 1827 году, а обнаружены в 1840 г. В самом Ване, столько раз подвергавшемся разрушению, совсем не осталось древних построек.

Ван с его армянским предместьем «Айтестан» (сады) насчитывал в 1914 году до 60 000 жителей, из которых две трети, а пожалуй и больше, были армяне. Турецкое население жило ближе к крепости, в самом городе. Торговля находилась в руках армян, а товары подвозились из России через Игдырь, из Константинополя через Трапезунд и из Персии через Урмию и Хой. Во время последней войны Ван был захвачен русскими войсками, и к северному побережью озера была проложена со стороны Эривани через Маку и Ваязет железная дорога. С открытием военных действий все армянское и айсорское население покинуло Ванский округ. Во время этого исхода погибло не менее 50% населения. Город был предоставлен на разграбление курдов, сожжен и разгромлен. Большинство ванских армян перекочевало в Эриванскую область и в Персию.

Ванские армяне — роста среднего, черноволосы, краснощеки. Движения их неловки, походка медленна, с наклоненной всегда головой и сторбленными плечами. Они смышлены, трудолюбивы, но особой энергией не отличаются. Живя в течение многих веков под переменным чужеземным игом, ванские армяне выработали в себе, в качестве предохранительной меры, черты самого грубого лицемерия и приучились к нищенскому образу жизни. Жены и дочери богатых армян часто ходят босыми и в рваном платье. Ванцы склонны к отхожим промыслам и покидают иногда семью на долгие годы для скитаний по Кавказу, Турции и Европе; заглядывают они порой и в Америку.

Армянские дома не только в деревнях, но и в городах мало привлекательны. Дороговизна топлива заставила армян строить низкие дома, уходящие наполовину в землю.

Дома армян в деревнях выкладываются из необтесанных камней, промазанных глиной. Окон нет, вместо них отверстия в крыше, сделанной из самана и глины. Дом обычно состоит из сеней, жилой комнаты, кладовой, хлева и саманника. Жилое помещение представляет из себя одну четырехугольную комнату, потолок которой с отверстием посередине покоится на четырех столбах. Под этим отверстием вырыта в земле глубокая, круглая яма, обложенная внутри камнями. Это — «тонир» или очаг в земле, где обыкновенно пекут хлеб. Армянки ловко бросают тонко раскатанное тесто на раскаленные камни и скоро снимают большие листы душистого пшеничного хлеба. В комнате находится и другой «тонир», поменьше, для варки повседневной пищи.

Хлев, по-армянски «пайх», имеется при каждом доме; в богатых же домах хлев состоит из нескольких помещений, соединенных между собой одним ходом. Животные ставятся в два ряда, причем их головы обращены в разные стороны. Кладовая всегда находится рядом с жилой комнатой и соединяется с ней единственной дверью. Тут хранятся все продукты: масло, сыр, вино, фрукты. Около домов вырыты ямы для хранения зернового хлеба; они покрываются обычно каменной плитой. Наполнив яму зерном, хозяин плотно урывает его сеном и саманом и только затем накладывает каменную плиту, которая заваливается землей. Эта маскировка настолько удачна, что даже курды при своих набегах на армянские селения редко находят подземные амбары.

В городе дома богатых армян обыкновенно в два этажа; нижний этаж той же конструкции, что и деревенские дома. Верхний этаж имеет балкон и две-четыре больших комнаты. Владельцы виноградников строят «ширахана», т.е. особые помещения с большим бассейном, в котором виноград дают ногами. Вино хранится в огромных глиняных кувшинах, зарытых в землю. В садах растут абрикосы, груши, персики, айва, сливы, гранаты и яблоки.

Многие городские жители одеваются в европейские костюмы, но сельчане продолжают носить свою национальную одежду, очень схожую с курдской.

Мужчины надевают рубаху из полотна с длинными рукавами и воротом, застегнутым сбоку на одну пуговицу. Грудь и рукава рубахи вышиты разноцветными нитками. На ногах очень широкие полотняные кальсоны «тумбан»; сверху тумбана — шаровары из домотканой шерсти. Шаровары эти настолько широки, что производят впечатление юбки.

На рубаху надевают ишлик из материи, известной под названием «манус». Ишлик похож на жилетку с длинными рукавами и затягивается на груди разноцветными шнурами. Вместо пояса — шаль в 2–3 метра. На ишлик надевают кызакхик, сотканый из козьей шерсти. Края кызакхика окаймлены зеленой тесьмой и шнурами. Обуваются армяне в цветные шерстяные носки и кожаные туфли «чарух».

Головными уборами служат: «арахчи» (шапка цилиндрической формы, расшитая шерстяными нитками), конусообразный «колоз» из белого войлока, обмотанный цветным платком, или феека, которая служит головным убором и для горожан. Женщины носят рубахи чуть ли не до пят. Рукава длинные, пояс доходит до бедер и застегивается на одну пуговицу. Подол рубахи обшит зелеными и красными шнурами. Кальсоны шьются из цветной шерстяной или полотняной материи. Поверх рубахи «збун» из ситца или шелка. Грудь збуна не застегивается, а края збуна лишь легко стягиваются спереди шнурами. Надевают збуны по 2–3 штуки зараз, а в праздники по 4–5, но таким образом, чтобы каждый верхний збун был бы короче нижнего и концы их были бы видны. На збун надевается «кочик», поверх всего еще «мезар» — передник, пережваченный на поясе. Невесты и богатые старухи носят не кочик, а «далиму» из красного сукна, похожую на рясу священника и расшитую шнурами. На ногах узорчатые шерстяные носки и кожаные туфли.

Женщины заплетают волосы в небольшие косички (от 13 до 25), к которым прикрепляют серебряные цепочки с серебряными шариками. Девушки носят на голове красные фески с длинной черной кистью, украшенные серебряными монетами, спускающимися на лоб. В ушах серьги, на руках серебряные браслеты или поручи, вышитые бисером. Женщины носят более сложный головной убор, поверх которого накидывают «лалик», тонкий белый платок, которым закутывают голову и часть лица, так что видны только глаза и нос.

В глухих армянских селениях попадаются еще женщины, носящие кольца в ноздрах.

Мужчины вступают в брак 18–25 лет, девушки — 13–18 лет. Жених всегда старше невесты. Браки с чужестранцами очень редки. Горожане избегают вступать в брак с сельчанами, и наоборот. Обручение детей «в люльке» часто практикуется между семьями, находящимися в дружественных отношениях и желающими объединить земли и имущества. В случае смерти обрученного, обыкновенно женится на невесте его брат. Накануне дня венчанья из дома жениха посылается невесте «тапах» — большое деревянное блюдо со сладостями и фруктами, а к жениху собираются его товарищи и устраивают «торг», на котором с аукциона продается тростниковая «палка начальника свадебной церемонии»; она обвешана жестяными украшениями и к концу ее прикреплен большой подвесчик. В день свадьбы, когда все гости собрались возле жениха, приглашается парикмахер для церемонии бритья. Эта церемония происходит под звуки зурны. Сильно намылив лицо жениха, парикмахер торжественно говорит: «Да будет благословен сей день! Пожелаем жениху, чтобы он дожил до глубокой старости, когда его борода делается такой же белой, как сейчас!» Присутствующие отвечают: «Аминь, аминь!» и посаженный отец преподносит жениху яблоко на красном шелковом платке.

Семейная жизнь ванских армян проходит так: рано утром, до рассвета, первой встает младшая невестка и помогает своей свекрови одеваться. Немного позднее встают остальные невестки. Све-

кровь принимается готовить еду, а невестки растапливают тонир и идут за водой. Затем встают мужчины. Младшая невестка подает свекру и деверям платье и воду для умыванья. Затем убирает постели и подметает пол. Все это делается молча, так как невестки не смеют вообще разговаривать со старшими членами семьи. Мужчины садятся за завтрак без женщин и часов в 7 утра уходят в город по своим делам. После их ухода завтракают женщины и приступают к домашним делам. Свекровь кружит веретено, невестки шьют, а младшие стирают белье. В полдень полагается легкая закуска, причем мужчины закусывают в городских харчевнях. Приблизительно с 3 часов дня начинают готовить ужин из двух-трех блюд. В 7 часов мужчины возвращаются домой и ужинают. В 9-10 часов вечера все укладываются спать.

Так жили до 1914 года ванские армяне. С разложением русского фронта и уходом русских войск из пределов Турецкой Армении потянулись голодные толпы армянских беженцев в стороны Эривани и Мерси. Трудно представить себе, сколько их погибло на этом пути от голода и эпидемий, сколько их было перерезано курдами и турками. К несчастью беженцев пожар перекинулся в Закавказье, где началось неслыханное истребление армян татарами и татар армянами. Вспыхнула во всем своем ужасе старая национальная вражда, подогреваемая младотурками и дашнакцаканами.

Только с приходом советской власти наступили лучшие времена для турецких армян и, поселившиеся в пределах ССР Армении, они наконец вздохнули свободно.

МИССИС КЭТ БРАУН

Американская духовная миссия в Ване оставалась все такой же, какой Врамьян знал ее раньше. Только старик Рейнольдс умер, да приехало из Америки несколько новых миссионеров с женами. Рейнольдса заменил мистер Браун, грузный пожилой человек, сумрачный и необщительный. Он не обладал активностью сво-

его предшественника, не любил разъездов, жил почти безвыездно в Ване и имел склонность произносить при всяком удобном случае скучнейшие проповеди.

По существу это был пустой, упрямый и вздорный фанатик.

Врамьян иногда навещал миссионеров и получал через них журналы и газеты из Америки.

Браун относился к нему довольно дружелюбно, мало спрашивал его об Америке, а больше толковал о том, что Врамьяну, получившему воспитание в миссионерской школе, следовало бы самому сделаться миссионером и распространителем протестантизма.

Дико было слушать эти речи Врамьяну, который вообще никогда не интересовался религиозными вопросами, а считал работу миссионеров сплошным лицемерием.

Не для нудных бесед с Брауном навещал Врамьян американскую миссию. Миссис Кэт Браун, жена миссионера, понравилась ему с первой встречи. Она была по крайней мере, лет на двадцать моложе своего мужа и хороша собой. У нее были большие карие глаза, розовое лицо и прекрасные волосы. Она хотя и занималась миссионерской деятельностью, но в то же время любила спорт, недурно ездила верхом и даже разъезжала с поручениями миссии по Курдистану. Поговаривали, что она вышла замуж за Брауна лишь по настоянию своей полупомешанной матери, небогатой вдовы, которая, сделавшись миссионеркой, увезла с собой в Ван единственную дочь. Чувствовалось, что Кэт Браун в миссии не на месте; ей трудно было сломить свой живой характер, и мысль её была неспокойна. Муж отлично учитывал это и всячески старался направить избыток жизненных сил Кэт в сторону религии.

Кэт всегда молчаливо присутствовала при разговорах мужа с Врамьяном. По временам она находилась в каком-то нервном возбуждении, а в глазах ее, устремленных куда-то вдаль, сквозили грустная покорность и странная тревога. Впрочем малейшая шутка вызывала в ней громкий задорный смех. Спохватившись, она обыкновенно испуганно замолкала и уходила в свою комнату.

Кэт хорошо говорила по-армянски, немного понимала по-турецки и могла более или менее свободно разговаривать с айсорами.

Как-то она поделилась с Врамьяном своей радостью по поводу предстоящей поездки в область так называемых «независимых айсоров», которые обитают в самых неприступных горах Курдистана, там, где отроги Тавра, как гигантские лапы, охватывают бассейн Тигра и Большого Заба... Дела американцев шли там из рук вон плохо. Со стороны Багдада и Моссула давили на несториан католики, основавшиеся в бассейне Эфрата и Тигра еще в XVI веке, а со стороны Персии, из Урмии — русские миссионеры.

Католики и протестанты, враждуя между собой, делали отчаянные попытки отвлечь айсоров от православия, к которому этот народ явно тяготел из-за чисто политических соображений. Это обстоятельство заставило американцев усилить свою работу среди айсоров и направить в горную страну миссис Браун, как физически самую выносливую из местных миссионеров.

Когда миссис Браун рассказала все это, Врамьян внутренне усмехнулся. Он ни минуты не сомневался в том, что бедная молодая женщина просто-напросто счастлива вырваться хоть на время на вольный воздух из этого болота лицемерия. «Шленница» — прозвал он про себя Кэт. И действительно она во всем вела себя, как настоящая пленница из зловещего старинного романа. Он так давно размышлял на эту тему, что ему самому захотелось принять участие в поездке в страну айсоров, повидать новый край, о котором он слышал столько диковинных рассказов, может быть напасть на след сестры и наконец разгадать унылую тайну миссис Браун, — все это представлялось ему настолько заманчивым, что при первой встрече с Брауном он предложил ему сопровождать его жену в качестве врача.

Угрюмый миссионер сразу учел ту пользу, которую может принести американской пропаганде работа медика, вполне одобрил его намерение и пошел переговорить об этом с женой.

На следующий день в назначенное время Врамьян, несколько смущенный, пришел к Браунам. Кэт встретила его очень ласково, усадила около себя на диван и прямо спросила: Приняли ли вы во внимание, что наше путешествие продлится не менее двух-трех месяцев и будет сопряжено со всякими опасностями?

Тем лучше для меня. Я предпочитаю опасности безделью и духоте Вана, тем более, что мне бы была досадна мысль о неприятностях, которым вы можете подвергнуться, — ответил с полной искренностью Врамьян.

В таком случае имейте в виду, что я выезжаю через два дня. Нам во что бы то ни стало необходимо добраться до Кудчаниса, резиденции Маршимуна, патриарха айсоров. Путь до Кудчаниса довольно опасен, так как придется проезжать через горы, где кочуют курды. Из Кудчаниса мы двинемся берегами Большого Заба через всю область «независимых айсоров», выберемся в сторону Орамара, а оттуда спустимся в Урмию. Затем через Котур вернемся в Ван. Как видите путь будет не легкий, и мы побываем в таких местах, где было очень мало европейцев. Вам придется запастись двумя мулами, так как горы, через которые мы поедем, непроходимы для лошадей. Один мул повезет вас, а другой будет нагружен вашими вещами.

Будьте уверены, миссис Браун, что все ваши советы будут исполнены, и через два дня я явлюсь с двумя мулами в указанное место, — весело сказал Врамьян, прощаясь с миссионеркой.

Было раннее утро, ласково горело солнце и с озера тянуло соленой прохладой. Американцы собрались в саду миссии проводить Кэт Браун и Врамьяна. Под ветвями тенистой черешни, около круглого стола, на котором лежали в красных кожаных переплетах евангелие и библия, сидел, углубившись в книги, мистер Браун. Его жена сидела рядом с ним. Сперва Браун предложил присутствующим пропеть несколько псалмов. Шели одностонно и нудно. Затем читались избранные места из евангелия и библии. Церемония закончилась проповедью Брауна на тему о трудностях предстоящего путешествия, предпринятого ради спасения айсоров,

гибнущих в ереси Нестория и не видящих опасностей со стороны папистов и православных.

После проповеди Браун торжественно благословил свою жену, и спросил у Врамьяна, подготовил ли тот себя духовно к опасному пути и не забыл ли захватить евангелие. Врамьян, которому сильно наскучила вся эта церемония, отделался от назойливого миссионера тем, что пожелал доброго здоровья всем присутствующим.

У ворот сада смиренно стояли крепконогие мулы с навьюченными на них палатками и вещами. Около мулов суетились армянин Саркис и айсор Абрам, нанятые для сопровождения каравана. Оба они прекрасно говорили по-курдски, великолепно знали дороги, имели давнишние связи с местным населением.

Врамьян свободно вздохнул полной грудью, когда караван тронулся в путь. Закурил и полюбовался искоса четким профилем миссионерши.

Караван потянулся к югу среди сплошных виноградников. Вдали румянились снежные хребты Тавра и плыли по небу белые шелковистые облака.

ПОД ЧЕРНЫМИ ШАТРАМИ

Крутые склоны Тавра. В зеленой ложбине, где срывался с утеса пенистый водопад, чернели шатры кочевников курдов из племен Хеккяри. Солнце только что выглянуло из-за высоких гор и позолотило угрюмые скалы. Лошади стояли на привязи около шатров, а огромные стада овец лениво взбирались после удоя по взгорьям. Васили свирепые овчарки, и далеко разносились по горам гортанные окрики пастухов, одетых в тяжелые бурнусы без рукавов. Эти пастухи с их длинными посохами казались взятыми со старинных, библейских картин. Неугомонно бегали по кочевью крепкие сухие женщины, и неистово плакали черномазые ребята.

Омар-бей, глава племени Хекьяри, задумчиво сидел в своем шатре после утреннего намаза¹. Он мало верил в силу молитвы, положенный обряд исполнял скорее из уважения к своему собственному достоинству, чем в угоду Аллаху, который вообще представлялся ему стариком ненадежным, особенно после неудавшегося набега на соседних айсоров, которые отогнали курдов Омар-бея и захватили часть его баранты.

Шатер Омар-бея был сделан из плотной черной материи, сотканной из козьей шерсти. На полу были разостланы войлоки, покрытые пестрыми персидскими коврами. Омар-бей, подложив под руку шелковые подушки, полулежал на ковре, а на душе у Омар-бея было невесело. К вечеру он поджидал приезда невесты своего старшего сына, шестнадцатилетнего красавца Ибрагима. Свадьба была назначена через два дня. Отец невесты был известный Исмаил-ага, глава племени Шеккак из Котура, с турецко-персидской границы.

Не так уже знатен по своему происхождению этот Исмаил-ага, по прозвищу Симко, но зато храбр, умен, сильно беспокоит турок своими набегами, и получает деньги и винтовки от русских.

Омар-бей презирал турок, признавая законные права на халифатство не за династией Османа, а за потомками Аббасидов. Он смотрел на турецкого султана как на узурпатора, а свои пятничные намазы творил во имя потомков Аббасидов, скрывшихся в неприступных горах Вохтана, там же, где хранится черное знамя династии.

Омар-бей мечтал хорошо вооружить с помощью Симко своих всадников и рассчитаться с турецкими пашами за все оскорбления и издевательства. Он сам ездил в Котур сватать дочь Исмаила-аги, и строго приказал всем молчать об этом, так как знал, что ванский вали (генерал-губернатор) не потерпит его близких сношений с персидскими курдами, смело врывавшимися в пределы Турции. И без того Омар-бея подозревали в сношениях с приез-

---

¹ Молитва.

жавшим в Котур из Тифлиса Абдур-Резаком, племянником знаменитого Эзданшера, поднявшего восстание еще в Крымскую войну и захватившего всю область от Вана до Багдада. Правда он виделся с Абдур-Резаком в Котуре; они поклялись на коране в вечной дружбе, вождь вдохнул в Омар-бея надежду, что скоро удастся объединить всех курдов и выгнать турок из Курдистана.

— Задумывает Абдур-Резак большое дело, что то из этого выйдет? Только не пронюхали бы турки об этом преждевременно. Тогда и мне будет плохо... в крайнем случае откуплюсь от этих собак золотом, — подумал он, взглянув с презрительной улыбкой в угол палатки на «курджимы»¹, полные золотыми турецкими лирами.

— Али! — громко крикнул он.

В палатку вбежал ближайший слуга и любимец Омар-бея.

— Что прикажешь благородный ага², — спросил Али, отвесив почтительный селям³.

— Все ли приготовлено для встречи невесты? Прибыли ли подарки из Вана? Хорошо ли накормили гостей?

— Будь спокоен, ага! Караван с подарками ночью прибыл из Вана. Все вещи сложены в палатке ханумы⁴.

— Нет ли писем от ванского вали? Шоди справься у кятиба⁵.

В палатку боязливо с опущенными глазами, вошел кятиб Джемаль, турок по происхождению, и подобострастно замер перед Омар-беем в почтительной позе.

Джемаль был пожилой, небольшого роста человек, до смерти боявшийся курдов, тем более что он, по приказанию ванского вали, был подослан к Омар-бею в качестве тайного агента.

---

¹ Мешки.

² Господин.

³ Поклон.

⁴ Госпожи.

⁵ Писарь.

— Да будет милость Аллаха над тобой, могущественный ага, — сказал он и подал Омар-бею запечатанный конверт от ванского вали.

— Вскрой и читай, — приказал Омар-бей, не дотронувшись до пакета. Наступила небольшая пауза. Джемаль уселся на корточки перед Омар-беем, церемонно вскрыл пакет, откашлянулся в сторону и начал читать.

«Благородному Омар-бею, главе племени Хеккяри из Джуламерка. Да сохранит тебя аллах и не оставит своими милостями. Осведомился я из верных источников, что надумал ты женить сына своего Ибрагим-бея на дочери Симко из Котура, продавшегося гаурам и находящегося в дружбе с изменником Абдур-Резаком. Как решился ты связать себя родством с котурским курдом, человеком простого происхождения, брат которого был поворно повешен персами в Тавризе? Достойно ли это твоего высокого рода? Подумал ли о том, что скажут об этом в Стамбуле, и в какое положение ты поставишь этим меня, твоего друга, хлопотавшего о награждении тебя высоким чином? Прошу тебя изменить твое намерение и приехать ко мне в Ван для переговоров. Знай я, что твой сын женится на дочери именитого Султан-бея, который кста-ти сказать очень хочет породниться с тобой, я прислал бы жениху и невесте такие драгоценные подарки, которых...»

— Брось, кятиб, читать эту чепуху! — гневно сказал Омар-бей, выхватив из-за пояса плетку с серебряной рукояткой, нервно стегнул ею по воздуху.

— Какой-то Бекир-Сами-бей, беглый черкес с Кавказа, сын русского генерала Муса Кундухова, смеет писать такие письма мне, предки которого искони владели Курдистаном!.. А ваших пашей, трусливых взяточников, знать не хочу! — крикнул он, подойдя вплотную к побелевшему от страха кятибу.

— Садись, осёл, и пиши все, что я тебе продиктую, да немедленно нарочным отправить письмо в Ван!

«Ванскому вали Бекир-Сами-бею, черкесу, выходящу с Кавказа, да будет благословение пророка над Курдистаном. Мой сын Ибрагим-бей действительно женится на дочери благородного главы

племени Шеккак Исмаил-аги из Котура, храбрейшего из храбрых, брата знаменитого своей удалью Джаффар-аги, предательски убитого губернатором Тавриза, да будет проклято его имя. У Исмаил-аги столько храбрых всадников, сколько ты не имеешь овец в подаренном твоему отцу зимовнике в Сивасе. Твой отец был генералом у гауров, жил на их средства и бежал с Кавказа, как изменник: удостоверь, что это неправда. Тебе посчастливилось управлять Курдистаном, этой священной для нас землей, так не управляй же руками, от которых пахнет золотыми лирами. Твое письмо я читал, но не дочитал, потому что не собирався на свадьбу твоего сына и тебя не приглашал на свадьбу моего. Мы подчиняемся султану, халифу правоверных, оберегаем границу его державы и хорошо взвешиваем всякое умное слово его правителей. А что касается до глупостей, то ветер наших гор спасает от них наши уши. Слава аллаху и его пророку. Если пожелаешь, сообщи содержание моего письма в Стамбул и жди оттуда твоего увольнения».

Омар-бей не умел читать и писать по-турецки. Это был большой козырь в руках кятиба, который умело смягчил все выражения, добавил кое-что от себя, но, благодаря долтому навыку и хорошей памяти, перечел Омар-бею письмо без заминки так, как оно было продиктовано.

Омар-бей достал сердоликовую печать в золотой оправе и с довольным лицом приложил ее к письму. Гнев бея прошел.

Это был человек лет под сорок, с красивыми, резкими чертами лица, высокий и быстрый в движениях. Он слыл за человека гордого и вспыльчивого, но, как и все курды, был весел, остро наблюдателен, любил шутки и похвалы своей свободе. Этот истый горец пользовался большой симпатией среди курдов за свою удалю и широкое гостеприимство.

Омар-бей, отпустив кятиба, вышел из палатки. Приехавшие на свадьбу гости подошли к нему с приветом. Все они были вооружены винтовками и обвешаны патронташами. Держали они себя независимо и гордо, без всякой тени подобострастия.

Подбежавший к Омар-бею юноша схватил его руку, приложил к своему лбу и поцеловал. Это был его сын Ибрагим.

— Послал ли ты за дурнем муллой для совершения «кебина»¹?

— Да, мой отец, он будет здесь завтра вечером.

— Что слышно о гостях из Котура?

— Аделе-ханум с дочерью должны прибыть сегодня перед закатом солнца, — ответил Ибрагим, стыдливо опустив глаза.

— Не забудь выслать навстречу всадников и подарки.

— Все будет исполнено, как ты приказал.

Омар-бей круто повернулся и направился в палатку жен, смежную с его шатром.

Обе его жены сидели на мягких подушках, занятые пражей шерсти. Одна была уже немолода, не в меру полна, но казалась очень добродушной. Другой было на вид не более двадцати лет. У ней были тонкие черты лица, узкие черные глаза и красные, как спелая черешня, губы.

Немного поодаль от них сидела на ковре и вязала чулки молодая девушка, одетая в простое ситцевое платье без всяких украшений. Сумрачные синие глаза смотрели угрюмо из-под длинных ресниц.

Жены Омар-бея были одеты в шелковые красные рубашки с просторными рукавами и кафтаны, перехваченные в талии шалью. На кафтаны были наброшены «дальмы» из красного сукна. Головной убор состоял из фески, в которую был вдет деревянный обруч таким способом, что верхняя часть ее представляла собой круглую площадку для высоких булавок, украшенных бусами. Фески были обмотаны пурпуровыми и желтыми шелковыми платками. Поверх этого головного убора, называемого «кофи», струилась белая легкая материя. Волосы женщин были заплетены в множество косичек, которые спускались на плечи.

---

¹ Брачный обряд.

При входе Омар-бея в палатку обе жены приветали и ответили ему низкий селам. Девушка в ситцевом платье не двинулась с места и продолжала вязать свой чулок.

— Аделе-ханум с дочерью придет сегодня к вечеру, — обратился он к старшей жене, — смотри, не ударь лицом В грязь, прими гостей, как подобает. Завтра придет мулла для совершения кебина. Кстати пусть этот дурень поговорит и с ней, — добавил он, указывая на девушку, — пора ей принять ислам.

— Омар-бей-джан, повелитель мой, она просит повременить с этим делом. Оставь ее в покое. Она и так плачет все дни...

— Замолчи, старая ослица! Слушай, что тебе говорят, если не хочешь получить развода, — гневно сказал муж и спешно вышел из палатки.

Не успел Омар-бей выйти, как обе жены подскочили к девушке и стали ее ласкать.

Не отстает он от тебя, глаз не спускает... Задумал взять тебя в жены. Если ты согласишься быть мусульманкой, он непременно женится на тебе, — сказала не без нотки ревности младшая жена.

— Этого никогда не будет, — твердо ответила девушка, — пусть меня бьют, пусть зарежут, но женой вашего господина я никогда не буду.

— Не соглашайся, милая, не соглашайся... Мы тебя очень любим и иншалла¹ поможет тебе вернуться к своим.

КУРДЫ

Курды живут широкой полосой вдоль турецко-персидской границы от Багдада до Арарата, заходя на севере в наше Закавказье. Их насчитывают в Турции, Персии и России около трех миллионов человек.

Откуда появились курды — это спорный вопрос. Европейские ученые потратили много времени, чтобы вытянуть историческую правду происхождения курдов из легенд и преданий Переднего

---

¹ Бог даст.

Востока. Но все версии сходятся на том, что по национальности, курды несомненные иранцы.

Может быть, когда соединенные силы Мидии и Вавилона сокрушили Ассирию, большая часть курдов продвинулась из Персии к Ванскому озеру. Их ближайшие соседи армяне около того же времени явились из Фригии и, заняв царство Урарту, поселились на Араратском плоскогорьи. Таким образом, если корни армян на северо-западе, а корни курдов на востоке, то это как бы две противоположных волны, разбившиеся у горных твердынь Тавра.

Курдский язык близко родственен персидскому. По религии курды — мусульмане-сунниты. К немусульманским культам у курдов относятся религия иезидов (так называемых «дьяволопоклонников») и али-аллахитов. Последние, хотя и вышли из мусульманства, но по существу не являются мусульманами. По их верованию, божество постоянно находится на земле и воплощается в ком-нибудь из людей. Таким человекобогом для них является Али (зять пророка Мухамеда), а сам Мухамед, по их убеждению, достиг некоторого успеха лишь с помощью Али. По существу курды вообще плохие мусульмане. Их муллы и шейхи знают лишь несколько молитв и с трудом читают коран, не понимая его содержания.

Муллы находятся в полном подчинении у начальников племен и являются удобным орудием в их руках, хотя главари племен в свою очередь прикрываются авторитетом духовенства. Каждое племя имеет своих сеидов и шейхов. Сеиды это якобы потомки самого пророка, а шейхи (старцы) — хранители религиозного предания отдельных школ, которых насчитывается среди курдов очень много.

Фантазия курдов заселила всю природу злыми духами «джиннами», которые всегда рады помучить человека и которых все же можно перехитрить.

Курды распадаются на племена «аширеты». Во главе каждого племени стоит родоначальник из знатной фамилии, или же человек, заслуживший, благодаря своему богатству и удали, ува-

жение единоплеменников. Многочисленные курдские племена разделяются на небольшие общества, из которых каждое имеет своего старшину «руспи» (в переводе — «белолицый», старик). Старшина собирает подати и решает дела с помощью других стариков. «Оба» — временная община, состоящая из нескольких семейств (от восьми до двадцати). Она составляется каждый год перед перекочевкою и существует до поздней осени, когда курды возвращаются с гор в зимовники. Глава обы нанимает пастухов и содержит их на свой счет. Другие члены обы присоединяют своих баранов и коз к его стаду, за что отдают от 7 до 3 баранов со ста голов скота. Оба представляет собой первобытную демократическую общину: все члены ее, богатые и бедные, пользуются одинаковыми правами. Глава же обы только первый между равными.

Частное владение землей курдам неизвестно, так как курды еще окончательно не перешли к оседлому образу жизни, и земли их остаются под лугами и пастбищами.

Одеваются курды очень своеобразно. Рубашки носят из бязи. На рубашку надевают хавтан с широкими рукавами и разрезами на бедрах. Опоясываются шалью или ремнем. Верхнюю одежду составляет «чух», украшенный по краям цветными шнурами. Богатые носят чухи из красного сукна. Шаровары шьются из грубой шерстяной материи своего производства. На голове войлочная шапка, обвитая разноцветными платками.

Женщины носят рубашки из ситца с просторными рукавами. Женский хавтан мало чем отличается от мужского. Опоясываются шалью. В праздники курдинки носят поверх хавтана широкую, с разрезом на груди, дальму из красного сукна, обшитую шнурами, и длинные передники с шерстяными «пешбендами» (широкая тесьма). Шаровары шьются из ситца и похожи на мужские. На голове особый сложный убор, называемый кофи. Женщины часто вдевают в ноздри золотые кольца или украшения из бирюзы.

Во главе курдской семьи стоит отец, полный властелин и неограниченный собственник. Ему подчиняются беспрекословно все

члены семьи. Жена не имеет права делать что-либо без разрешения мужа. В случае измены, народный обычай позволяет мужу отрезать у жены нос и уши. Власть отца над детьми безгранична. Но отец-детоубийца и сын-отцеубийца одинаково презираемы. Такого человека все избегают, и он изгоняется из племени. Обычай, предоставляющий отцу неограниченную власть над членами семьи, в то же время налагает на него обязанности относительно их. Он является защитником интересов и чести детей. Похищает ли сын девушку — отец своим имуществом отвечает за него; совершает ли сын убийство или воровство — отец обязан удовлетворить обиженных. На отце лежит также обязанность женить сына, дать выкуп за его невесту и выдать замуж дочь, снабдив ее приданым. Сын имеет преимущество перед дочерью, старший же сын — перед остальными братьями.

Очаг в семейном быту курдов играет большую роль. Он выкладывается посередине палатки и состоит из трех камней, расположенных в форме равностороннего треугольника. На очаг нельзя плевать, бросать грязь, чтобы не осквернить огонь — священную, по верованию курдов, стихию. В важных случаях курд клянется очагом. Сын, отделившись от отца, заводит свой очаг, и зажигает его в первый раз огнем, взятым от родительского очага. Когда родится ребенок, его обносят вокруг очага. Дочь, выходя замуж и оставляя отчий дом, тоже обходит вокруг очага, как бы прощаясь с ним.

Совокупность семейств, ведущих свое происхождение от общего предка, называется у курдов родом. Пока живо воспоминание об общности происхождения, родичи сохраняют крепкую родственную связь. Но родовой быт в полном смысле этого слова, у курдов не сохранился.

Религия разрешает мусульманам многоженство. Однако курды скорее склонны к моногамии. Только главы племен или богатые курды имеют по две или по три жены.

Большинство курдов уже перешло к полуседлому образу жизни. Зимой они живут в долинах, в глинобитных землянках, которые скорее похожи на норы, чем на человеческие жилища.

Только верхушки их торчат над землей, в виде небольших пригорков. Эти землянки разбросаны в полном беспорядке. Улиц разумеется нет.

Жизнь курда зимою однообразна и проходит в бесконечных беседах мужчин о набегах и грабежах. Женщины занимаются хозяйством, тканьем грубых материй и прядением шерсти. Все ожидают с нетерпением приближения весны. С первыми весенними лучами курды со своими стадами уходят в горы и поднимаются все выше и выше, забираясь иногда под вечные снега. Переселение курдов на кочевья носит стихийный характер. Курды движутся всем племенем, останавливаются в точно определенных местах и занимают горные «айлаки»¹ которые закреплены за племенем вековой давностью. Курдские племена «аширеты» делятся на два сословия: 1) «агаларов», к которым относятся начальники племен и их всадники, и 2) прочих курдов, «райет», занимающих полукрепостное положение и находящиеся в полной зависимости от своих «агаларов».

Курды и горы неразлучны. Там, где начинаются равнины, курды утрачивают свой облик и превращаются в плохих земледельцев.

На кочевьях курды живут в шатрах черного цвета, предпочитая северные склоны гор, где трава не так скоро желтеет.

Жизнь курдов в горах течет беззаботно и весело. Надо самому побывать среди них, чтобы понять, как эти дети гор наслаждаются своей вольностью на высоких горных пастбищах. С утра до вечера звучат песни, раздаются оглушительный смех. В лунные ночи молодежь устраивает хороводы и пляшет до утра под звуки зурны. Насколько курд угрюм зимой, настолько он бодр и радостен на кочевке. Пастушество считается здесь почетным занятием. В бедных семьях сыновья с малолетства поступают в пастухи. Сперва мальчик пасет маленькое стадо, получая за это 10 барашков в год, а когда подрастет, ему дают за труд от 20 до 30 барашков в

---

¹ Летнее кочевье.

лето. Те, кто пошуетрее, обзаводятся к 20 годам своим стадом, женятся и отделяются от семьи. Сыновья зажиточных курдов пасут стада своих родителей.

Курдам чужда роскошь. Они безусловно не пьют вина и, кроме табака, не употребляют никаких наркотиков. Зато курят все поголовно. Их пища преимущественно состоит из кислого молока, сыра и овощей. Мясо едят редко, так как жалеют резать свой скот, а предпочитают есть украденный. От родового быта у курдов сохранился обычай кровавой мести. Если человек не мог лично отомстить своему врагу, право мести переходит к ближайшим родственникам. Личная месть переходит в родовую, а вражда двух курдов из разных племен — в междоусобную войну. Живя среди вороватых удальцов, умеющих красно рассказывать о своих подвигах, юноши-курды стараются подражать старшим, и сами становятся смелыми разбойниками.

Курды любят песни и охоту, не брезгают удалой потехой на большой дороге и всегда готовы громить неверных, не упуская впрочем случая пограбить и мусульман. Условия жизни сделали курдов подозрительными, смелыми и чрезвычайно наблюдательными. Среди мусульманских народов женщина не пользуется нигде такой свободой, как у курдов. Их жены и дочери ходят с открытыми лицами, и ни о каком затворничестве нет и речи.

Многообразна была судьба курдского народа! Какое количество завоевателей прошло через Курдистан и кому только не были подчинены курды! В XVI веке явились с Запада османские турки, и с 1514 года судьба Курдистана была связана с Турцией. К концу XVI века относится знаменитая курдская летопись «Шерефнаме», в которой проходит пестрый kaleidoscope курдских княжеств, находившихся в вассальном подчинении у турецких султанов. В этой летописи между прочим говорится: «Величайшие султаны никогда не посягали на Курдистан, ограничиваясь получением подарков и довольствуясь сознанием, что курдами можно пользоваться в качестве вспомогательных войск». В XIX веке такому положению вещей пришел конец. Султан Махмуд II в

1834 году заново покорил весь Курдистан, и с этого времени курды сделались более или менее турецкими подданными. Но уже в 1843 — 46 гг. курды восстали под главенством Бадер-хана, который в конце концов был разбит и сослан на Крит. Во время Крымской войны Каданшер, племянник Бадер-хана, поднял восстание в Хекьяри и Бохтале. Он захватил Битлис, Мосул и все земли от Вана до Багдада. Им были разбиты турецкие войска у Сездра. Но Каданшер был предан англичанами, схвачен и увезен в Константинополь, после чего движение само собою прекратилось.

В 1877—78 г. сыновья Бадер-хана снова восстали против власти султана и добились с оружием в руках независимости Курдистана. Вначале успех был на стороне курдов, но затем восстание было подавлено турками. В 1880 году курдский шейх Обейдулла, объединив персидских курдов, задумал добиться независимости Курдистана, но и он потерпел неудачу. Он был сослан в Мекку, оттуда после турецкой революции возвратился лишь его младший сын — Шейх-Абдул-Кадыр.

Слабость национально-освободительного движения курдов заключается в том, что оно никогда не проникало в толщу масс, а лишь будировалось вождями, к тому же курды по существу еще ни разу в истории не были, в полном смысле слова, угнетенной национальностью или данниками колонизаторов. И в то же время у курдов нет земли, как нет и национального имущества. Курдские «айлаги» и кочевки — переменны. Другой причиной полной неорганизованности общественного сознания у курдов является географическая раздробленность и разобщенность отдельных курдских племен. Однако русская революция заставила курдов задуматься о своей независимости.

Но идея курдского национализма и сепаратизма, искусно подогреваемая английской дипломатией, явилась для англичан тем орудием, которое должно было нанести удар турецкой политике в Месопотамии. Турецкий Курдистан становится главным узлом в борьбе новой Турции с английским империализмом, стремящимся

создать новое буферное государство на подступах к нефтяным полям Мосула.

ЗАВТРАК У ОМАР-БЕЯ

Раздраженный беседой с женами и недовольный дерзостью армянской девушки, которая при его входе в палатку не только не встала, но даже и не взглянула на него, повелителя, Омар-бей направился к скале «Атеш», из-под которой бил искристым фонтаном горячий серный источник. Вода стекала в небольшой бассейн из обтесанных камней и хрустальными струями скатывалась по его стенкам, над которыми шуршали своими тяжелыми ветвями ореховые деревья и платаны. У курдов этот источник считался целебным и священным, и больные ревматизмом и кожными болезнями, действительно находили здесь полное выздоровление.

Омар-бей еще с вечера распорядился устроить в этом месте завтрак для своих гостей. Топили костры, над которыми были подвешены большие котлы для варки риса и жарились на железных прутьях сочные шашлыки.

Под деревьями пестрели ковры, на которых степенно сидели, поджав под себя ноги, горбоносые курды. При приближении Омар-бея все приветали и обменялись с ним взаимными приветствиями.

— Рад видеть тебя, Джангир-ага, — обратился Омар-бей к высокому человеку, одетому по-курдски.

Это был глава местных иезидов или, как здесь их еще называют, дьяволопоклонников.

— Спасибо тебе, ага, за дружбу и приглашение на свадьбу... Когда поджидаешь невесту сына? — спросил с достоинством иезид.

— Иншалла¹ сегодня к закату солнца Аделе-ханум придет с дочерью, а послезавтра справим свадьбу... Шедурно бы нам завтра с утра поохотиться на диких баранов. Шастухи говорили мне, что на горе Шир-Решид они разгуливают целыми стадами... Что думают на этот счет мои именитые гости?..

---

¹ Бог даст.

Курды, для которых охота — одно из главных удовольствий, с восторгом приняли предложение хозяина. Каждый спешил поделиться имеющимися у него сведениями о лучших местах охоты. В конце концов, было решено собраться на следующий день до восхода солнца у подошвы Шир-Решида.

Омар-бей подал знак, и появились слуги с огромными круглыми подносами из красной меди, на которых белели груды плова, обложенные по краям зажаренными целиком куропатками.

Пододаль стояли слуги с кувшинами воды и полотенцами. Гости, освежив лица и тщательно вымыв руки, расселись на коврах вокруг подносов, и с жадностью принялись за еду. Эли по местному обычаю — руками, запивая жирный плов кислым молоком.

Мустафа-бей, известный своей ненавистью к туркам, рассказывал, как он поссорился на этих днях с турецким «каймакамом»¹, требовавшим от него уплаты подати, и как публично послал его к шайтану. Все курды одобрительно захохотали, а иезид Джангир-ага, воспользовавшись минутой общего смеха, встал, отошел за скалу и обратился лицом к солнцу. Губы его иступленно шептали какую-то молитву, в глазах блуждало отчаяние, и весь он, худой и высокий, окаменело стоял, как бы боясь двинуться с места.

— Напрасно, Мустафа-бей, про шайтана ты упомянул... Кому-кому, а тебе стыдно не знать, что иезиды никогда не произносят этого слова и бегут от того места, где оно было сказано. Ручаясь головой, что Джангир-ага пошел делать намаз, чтобы задобрить шайтана.

— Ты прав, Омар-бей... Позабыл я совсем, что с нами сидит окаянный дьяволопоклонник. Диковинное дело: язык у иезидов наш, они живут такой же жизнью, как и мы, по внешности ничем не отличишь их от курдов, — а почему-то пророка нашего не почитают и поклоняются шайтану по имени «Мелек-Таус»².

---

¹ Уездный начальник.

² В переводе — ангел-павлин.

— Я этого Мелек-Гауса сам видел, — отозвался один из курдов. — Не то павлин, не то большой петух, сделанный из меди. Особые люди — «кавалы», которые никогда не бредутся, одетые во все черное, с зурною и дудками в руках, везли эту куклу из Малиша около Мосула, где находится могила их святого Шейх-Адэ — в Эривань. Ведь на Кавказе тоже имеются иезидские селения. Посмотрел я и на монастырь их в Малише. Лежит в глубоком ущельи среди гор. Склоны покрыты густым лесом. Из ущелья только один выход. Иезиды рассказывали мне, что аллах все разъезжал в самом начале по морям на корабле, остановился в Малише и возложил на него свою руку. Потому-то и место они считают святым...

— А в самом-то монастыре был? — спросил Омар-бей рассказчика.

— Раза три побывал... Внутри, как у нас в мечетях, нет никаких украшений. Стены чисто-начисто выбелены. Окон совсем мало. В храме тесновато, сыро... В углублении имеется закрытое помещение, куда они помещают своих медных петухов. Говорят, что их там семь штук, по числу ангелов. Храм состоит из трех частей. Главная часть — большое строение с колоннами и арками. Здесь течет из скалы источник «земзем», и вода его считается святой. В двух помещениях, что поменьше, находятся могилы Шейх-Адэ и других святых...

— Кой чорт носил тебя в иезидскую Мекку? Добыча что ли была? — усмехнувшись, сказал Омар-бей.

— Хорошая добыча была, ага! Прикинулись мы иезидами, высмотрели в монастыре все толком и поехали вместе с «кавалами» по иезидским селениям. Они захватили с собой медных петухов и святой земли в мешочках от могилы Шейх-Адэ.

Все иезиды выходили к ним навстречу в праздничных нарядах и с радостными лицами. Кавалы на дудках играли, а народ плясал, приговаривая: «Ириди, и мы станем петь тебе хвалу и плясать». Потом кавалы роздали иезидам мешочки со святой землей, за что получали от них деньги и разные подарки. Как увидели мы, что денег они набрали много, мы дорогой у них пету-

хов отобрали. Шугать стали, что оскверним петухов, если не получим за них выкупа. Кавалы отдали все, что у них было, получили своих петухов и увезли их обратно в Малиш...

— Слышал и я, — прервал рассказчика Омар-бей, — что иезиды в сентябре собираются в Малиш на праздник Шейх-Адэ, называемый «джамай» (собрание). Он продолжается семь дней. Пищу приносят с собой, так как готовить около храма им строго воспрещено. В последний день жрецы убивают четырех черных баранов, благословляют их, и куски мяса за деньги раздают народу. Кавалы играют на дудках, а главный шейх кричит: «Тлилаон, глилаон!», что значит — откройся нам. Потом они берут медного петуха, моют его в источнике «земзем», надевают на него шелковое облачение и показывают народу. Тут опять пойдет музыка и пляска... А в апреле они справляют Новый год. В полях собирают красные цветы и убирают ими двери домов. Поют, пляшут и веселятся воем. По ночам собираются в глухих ущельях, жгут костры и занимаются блудом с женщинами. Только все это делается в большой тайне от иноверцев, а если такой случайно наткнется на них, то его тут же убивают. Посты соблюдают они два раза в год — перед наступлением зимы и в начале весны...

— Что же это за вера такая?.. Пророка не признают, в чорта веруют! Их бы передушить всех, как собак, — сказал курд, сидевший рядом с Омар-беем.

— А ты думаешь, их мало перебили? Много, ой, как много! Придет время, и остатки вырежем, во славу аллаха, всемогущего и всемилостивого, — сказал Омар-бей и, похлопав в ладоши, крикнул, чтобы принесли кальян.

КОЕ-ЧТО О «ПОКЛОННИКАХ ДЬЯВОЛА»

Курдистан до сих пор хранит следы древнейших языческих религий. К числу таких надо отнести и религию иезидов, этих таинственных «поклонников дьявола». Думают, что название «иезиды» происходит от старого иранского слова *Иезда*, что значит

— бог. Количество их невелико. Они всегда подвергались сильным гонениям со стороны мусульман.

Один английский миссионер Парри нашел арабский текст двух небольших книг, излагающих мировоззрение иезидов. Так как иезиды говорят по-курдски, а у курдов нет своей письменности, то иезидские книги пишутся по-арабски или тайным шрифтом. Арабу Анастаси Мари удалось найти под полом святилища в горах Синджара хранившиеся в особом ящике иезидские рукописи, которые и были переведены Виттнером в Вене в 1913 году.

Иезиды — курды, в полном смысле этого слова. Общность языка, типа и быта указывает на это. Откуда курды, оттуда и иезиды. К несчастью для иезидов, на всем Востоке сложилось убеждение, что они поклоняются дьяволу Мелек-Таусу. Культ иезидов родился из страха перед злыми духами, которыми полно воображение горцев. Чтобы задобрить дьявола, иезиды называют его добрым и лишь отпавшим от бога. Изображение Мелек-Тауса в виде медного павлина развозится по иезидским селениям, и ему поклоняются так же, как поклоняются христиане чудотворным иконам. Иезиды верят в переселение душ, молятся солнцу и видят в нем отражение бога. Когда показываются первые лучи солнца, иезиды обращаются лицом к востоку и, скрестив на груди руки, читают молитвы, обращенные к солнцу. Иезидам строго запрещается есть салат-латук, свинину, бобы и рыбу. Нельзя одеваться в синее, произносить слово «шайтан» и плевать на огонь. Где бы иезиды ни жили, они подчиняются своему главному шейху. Малиш (вблизи Мосула), где похоронен их национальный пророк Шейх-Адъ, представляет собой религиозный и политический центр. Религия регламентирует каждый шаг иезида¹.

---

¹ Иезиды Советской Армении уже отстали от своих старых обычаев и в настоящее время втянуты в новое строительство. Их молодежь получает образование, и недалек тот час, когда у этого полудикого народа подрастет своя советская интеллигенция. Турецкие иезиды сильно пострадали во время последней войны, покинули окрестности Ванского озера и передвинулись в сторону Мосула.

Иезиды, подобно курдам, распадаются на племена, а эти последние, в свою очередь, делятся на общины. В старину у иезидов не было постоянных сельских общин, а были вольные кочевые общины «оба». Впоследствии же, когда иезиды перешли к оседлому образу жизни, они стали организовывать постоянные сельские общины, приходы, во главе которых стояли их духовные лица: шейхи, пиры и факиры. Несмотря на свою разбросанность в Турции, иезиды крепко сплочены между собой, живут обособленной жизнью и упорно отстаивают национальное единство, признавая всюду, где бы они ни жили, над собой власть главного шейха, живущего в Мосульском окр. Самым могущественным орудием в его руках является право отлучения. Личность и дом шейха считаются священными и неприкосновенными. Права и власть шейха переходят к сыновьям. Но если старший сын окажется недостойным этого высокого сана, то шейху наследует тот из его сыновей, который превосходит братьев своими познаниями в делах веры и личными качествами. Первое место после главного шейха принадлежит эмиру (представитель светской власти), также живущему вблизи Мосула. Его первенство и главенство признают главари всех племен. Непризнающих его решения он привлекает к суду главного шейха и «равных», (т.е. суду знати). Власть главы племени переходит от отца к сыну. Он имеет обширную власть, и в его руках сосредоточивается все управление. Он назначает старшин, налагает наказание на виновных, собирает подати и проч. Но право жизни и смерти начальники племен никогда не имели у иезидов, так как смертная казнь запрещена их религией. Смертную казнь заменяло не менее ужасное для иезидов наказание: изгнание из племени.

Почитание родителей и старших требуется народным обычаем. Браки с иноверцами запрещены безусловно. Брачный обряд совершается шейхом. Прочитав обычную молитву, он публично объявляет брачующихся супругами. Свадебные празднества у иезидов проходят почти в той же обстановке, что и у курдов. Жен каждый может иметь не более двух. Развод допускается лишь в том случае, когда один из супругов нарушает супружескую вер-

ность. Если какой-нибудь невид отнимает у другого жену, то он должен выдать за него сестру или свою дочь, или же уплатить известную сумму денег. Наследство делится после отца между сыновьями, на обязанности которых лежит прокормление матери.

ЖЕНЫ ОМАР-БЕЯ

Омар-бей предавался кейфу, глотал дым кальяна и слушал, без особого внимания, рассказы своих гостей о набегах на армянские и айсорские селения. Мысли его были далеко. Мерещились ему прекрасные синие глаза армянки, ее легкая походка и дерзкие ответы. Вспоминались ему также недавние беседы в Котуре о независимом Курдистане и о подготовке восстания в Бохтане и Дерсиме. Сладко замирало его сердце при мысли, что он с своими курдами исполнит заветы Вадер-хана и расправится как следует с турецкими пашами.

К нему подбежал его любимец Али.

— Ага! — сказал он, — по дороге из Вана движется небольшой караван. Наши джигиты хотели было пограбить, да я удержал их, сказав, что пожалуй это ванский вали шлет жениху подарки.

— Не брешь зря, Али! Не таковы у меня отношения с этим черкесом, чтобы обмениваться с ним подарками. Пошли-ка лучше узнать, кто едет, да пусть тащут караван сюда. Посмотрим, что за люди попали в наши горы. Мешков с золотом сюда не повезут — знают наши повадки, — сказал Омар-бей и, оставив гостей, взобрался на ближайший утес, откуда, как на ладони, стеклилась вьючная тропа со стороны Вана, по которой медленно взбирались, голова в голову, несколько мулов.

Омар-бей вынул из кармана и поднес к глазам небольшой бинокль, который подарил ему в Котуре Абдур-Резак. Несколько курдов столпилось около него. Посланные всадники пустились векачь с горы, с винтовками в руках, и быстро отрезали путникам отступление. Караван остановился.

— Что за история? — громко удивился Омар-бей. — Это какие-то ференги¹ забрались в наши края! Между ними молодая ханум... ругается с нашими... молодец, право молодец. Ну-ка, подайте мне коня! — поеду сам посмотреть на эту забаву.

Мигом векочил он на подведенную лошадь и галопом стал спускаться вниз.

При приближении бей курды почтительно расступились, а он, изобразив на лице приятную улыбку, подъехал к незнакомке:

— Благородная ханум, — с изысканной любезностью проговорил он, взглянув быстро и пристально на женщину, в глазах которой искрилось волнение, — прошу вас не сердиться на моих всадников. Вы едете по моим владениям, и долг гостеприимства пригласить вас отдохнуть под нашими бедными шатрами! Здравствуй, Саркис, здравствуй, Абрам... все старые знакомцы! Скажите хануме, что она вполне может доверять моим словам...

— Как ваше мнение, мистер Врэмьян? — неуверенно спросила Кэт Браун.

— Я думаю, что следовало бы поблагодарить агу за любезное приглашение и воспользоваться им.

Узнав, что американка пробирается к айсорам, живущим по соседству с ним, Омар-бей удивился.

— Охота вам ехать в такие тущобы! Люди там не лучше медведей и бродят пешком по своим горам. Пожили бы у нас, познакомились бы поближе с нашим житьем-бытьем. Послушали бы наши песни. Послезавтра будет свадьба моего сына, а завтра у нас охота на диких баранов. Я надеюсь, что ханум не откажется посмотреть и то и другое.

— Конечно не откажусь, тем более что я давно мечтала пожить среди курдов, — с нескрываемым интересом воскликнула Кэт.

Омар-бей предоставил в распоряжение Кэт одну из лучших своих палаток, а другую распорядился разбить рядом для сопро-

¹ Европейцы.

вождавших ее мужчин. Курды быстро приволокли большие войлоки и ковры, разложили их в палатках, куда внесли багаж путешественников. Но не успели последние разложить свои вещи, как не досчитались одного чемодана. Саркис побежал с жалобой к Омар-бею. Через несколько минут похищенный чемодан был доставлен обратно, а виновный орал во всю мочь под ударами бейской плетки.

— Суд скорый и правый, — смеясь сказал Врамьян, обращаясь к Кэт. Они сидели на туркменском ковре перед подносом, на котором дымилась сочные куски шашлыка, белел, как снег, великолепный каймак и несло эстрагоном от овечьего сыра.

— Я думала, мистер Врамьян, что мы попали к разбойникам, и вдруг такой джентльмен, такой джентльмен! Ну разве это не милость бога?..

— Гм!.. Скорее естественная удача в дороге...

— Вот вы всегда так! Как будто бог для вас совсем не существует, — не без грусти заметила Кэт.

В это время пришел посланный от жен Омар-бея, которые приглашали гостью в свой шатер.

Умывшись и приведя себя в порядок, она пошла в гости к женам Омар-бея, а Врамьян отправился бродить по кочевью. Саркис и Абрам занялись мулами, которых разместили на привязи около своей палатки, и принялись зорко караулить вещи. На всякий случай они приготовили три маузера и припрятали их так, чтобы всегда иметь под рукой.

Кэт оставалась в гостях довольно долго и вернулась оттуда, нагруженная подарками, из которых лучшими были несколько пар чулок из козьей шерсти тончайшей работы.

— Вы не можете себе представить, как они гостеприимны! — рассказывала она Врамьяну, — жаль только, что говорят исключительно по-курдски. Переводчицей была какая-то девушка, свободно говорившая по-армянски. Младшая жена Омар-бея и эта девушка положительно красивы. Жены повидимому очень боятся своего мужа. До него они очень много болтали со мной, но когда в

палатку вошел Омар-бей, женщины онемели. Омар-бей много расспрашивал меня об Америке, ругал турок, интересовался деятельностью миссионеров и бранил, на чем свет стоит, своих улемов.

— Одним словом, миссис Кэт, вы довольны и конечно не отказались от завтрашней охоты на диких баранов.

— При условии, что мистер Врамьян отправится на охоту вместе со мной, — ответила Кэт и ласково посмотрела на Геворга.

— Право я начинаю себя чувствовать здесь, как в раю Му-хамеда!

ОХОТА НА ДИКИХ БАРАНОВ

Кэт и Врамьян стояли на вершине горы Шир-Решид в том месте, где им было указано незидом Джангир-агой, считавшимся лучшим охотником в округе. Под ними клубились облака, бесследно таявшие в голубом просторе.

Было свежо. Солнечные лучи еще не брызнули из-за вершин и не накалили скал своим горячим дыханием. Дышалось легко и свободно. Кругом столпились угрюмые скалы, а в глубине ущелий белели снега. По склонам гор зеленели тучные травы и пылали прекрасные горные цветы.

— Боже, как прекрасен мир! Какое наслаждение любоваться с этой высоты красотой мироздания. Точно сказка юга простерла над нами свою волшебную мантию, — восторженно сказала Кэт, чуть прислонясь к Врамьяну, руки которого крепко сжимали тяжелую винтовку, предложенную ему для охоты Омар-беем.

— Говорите тише, миссис Кэт, — остановил ее Геворг, — не забывайте, что дикие бараны очень чутки и слышат издали малейший шорох. Джангир-ага поставил нас здесь, за скалой, нарочно, так как полагает, что бараны, поднявшись к восходу солнца с пастбища, выйдут непременно на нас, если только издали не учуют опасности.

Кэт заговорила шепотом:

— Скажите, Врамьян, вы согласились бы жить так, как живут курды, свободные и избавленные от всех условностей?

— Искренне говорю, — нет! Мы — люди культурных долин. Дикие горы притягивают, но не подчиняют себе.

Я никогда не мог бы променять культуру города на этот хаос гор! Кажущееся счастье курдов мне представляется величайшим несчастьем! Дикий ум, дикие сердца...

— А я, наоборот, думаю, что у этих дикарей очень восприимчивый ум и очень большое сердце.

— Ум скорее хитрый, в результате постоянных опасностей, и сердце очень маленькое, знающее только животные инстинкты и грубую чувственность.

— Не помню где, но у кого-то я читала, что без чувственности нет чувствительности, и что чем больше страсть в человеке, тем острее ум...

Женщина не договорила, спохватившись.

Кэт невольно остановила свой взгляд на Врамьяне, который вдруг изменился в лице и весь замер, устремив свои глаза в одну точку. Миссис Браун взглянула в том же направлении, и сердце ее сильно забилося. Вдали, из-за поворота горы вышел огромный баран с великолепными рогами. Он остановился на несколько минут, поводя ноздрями, и затем медленно пошел вперед. Он шел тихо, то вытягивая шею, то оглядываясь по сторонам. Следом за ним появился один, другой, третий и наконец выбежало целое стадо, не менее сотни. Кэт и Врамьян стояли, как зачарованные, не шевелясь и еле переводя дыхание от охватившего их волнения. Стадо двигалось прямо на них. Руки Врамьяна нервно сжимали винтовку, глаза искрились, щеки горели.

Кэт уже ясно различала желтую, с розовым оттенком, окраску баранов, слышала их тихое блеяние и мягкий топот их легких ног.

— Стреляйте, стреляйте! — прошептала она и почувствовала, как мурашки пробежали по ее спине.

Но Врамьян не двигался. Бараны подходили все ближе и ближе. Вдруг вожак остановился, подозрительно повел ноздрами и глухо засопел. Стадо приостановилось и замерло. Геворг поднял винтовку, раздался выстрел, и горы дрогнули от раскатистого эха. После секунды раздумья за первым выстрелом последовал второй... вдруг все стадо круто повернулось и в беспорядке бросилось вниз по кручам, утесам и скалам, разбившись на кучки и спасаясь по разным направлениям. Казалось, что летели по воздуху, над самой землей, какие-то огромные четвероногие птицы. Врамьян выбежал вперед и продолжал стрелять, едва успевая менять обоймы. Бараны мелькали перед ним, то скрываясь в ущельях, то взлетая на скалы. Со всех сторон слышались выстрелы. Курды посылали свои пули вдогонку взбаламученному стаду, которое скоро скрылось в горных далах...

К европейским гостям подкакали на взмыленных лошадях Омар-бей и Джангир-ага. Оба были вне себя от восторга.

— Охота вышла на славу! — кричал Омар-бей. — Подумайте только: четырнадцать убитых баранов и один медведь... Молодец, Джангир-ага, настоящий джигит! Если баранов сумел так захватить, что же он сделает когда-нибудь с турецкими муллами, потонувшими в перинах своих гаремов. Довольна ли моя госпожа охотой? — обратился он к Кэт.

— Чрезвычайно!.. но сейчас уже грустно при мысли, что перебито столько красивых животных.

— Как же иначе? Ша то и охота!.. Аллах создал их для того, чтобы человек питался ими. Чем больше убьешь, тем лучше. Но правде сказать я и людей не жалею убивать...

— Да разве можно убивать людей? — всплеснула руками Кэт.

— А как же!.. Аллах приказал убивать его врагов при всяком удобном случае.

— В этом вопросе вы не стоворитесь с миссис Браун, — прервал его Врамьян, чтобы покончить спор, — у ней слишком доброе сердце...

Все двинулись к привалу, где лежала целая груда убитых баранов с перерезанными по местному обычаю горлами. Тут же валялся небольшой медведь бурой шерсти, и на нем торжественно восседал молодой курд, которому посчастливилось одной пулей в лоб свалить опасного зверя.

Удачная охота сильно взвинтила курдов. Все суетились, кричали и передавали с восторгом подробности охоты. Слышались споры о том, чьей пулей был убит такой-то и такой-то баран, и кто сколько дал промахов. Загорались в споре глаза, и люди хватились за кривые кинжалы.

К закату солнца охотники возвратились на кочевье, где дребезжали бубны и завывала зурна.

ГОРЫ НОЧЬЮ

Вернувшись в свою палатку, Кэт застала у себя жен Омарбея и Аделе-ханум, приехавшую из Котура со своей дочерью-невестой. Курдинки держали себя очень непринужденно, расспрашивали об охоте, много смеялись и много говорили о завтрашней свадьбе. Невесте на вид было не более 17—18 лет. Черты лица ее были несколько грубоваты. Брови дугой красиво лежали над ее черными большими глазами, а щеки алели, как сок граната. Она несколько не стеснялась и повидимому относилась к предстоящей перемене жизни с полным спокойствием и равнодушием, хотя видела своего жениха только мельком, и даже не обменялась с ним ни одним словом.

Кэт угощала курдинок шоколадом, печеньями и наделила их грошовыми безделушками, которых так много в миссионерском запасе «для дикарей».

Ватем все гурьбой отправились к горячему источнику, где, усевшись под ореховыми деревьями, пели курдинские песни, поразившие Кэт своей задушевностью и резкими переходами от тихой грусти к кипучей радости.

Подшли молодые курды с зурною и дудками, быстро вместе с женщинами составили хоровод, и начался танец, называемый у курдов «чопи». Он состоит в том, что заправила, держа в одной руке платок, другой ведет кружок танцоров, сплетшихся руками в одну сплошную стену.

Молодежь танцевала с большим воодушевлением. В движениях не было и следа ленивой похотливости, которую так часто наблюдала Кэт у танцоров Запада.

Омар-бей подошел к хороводу и, обратившись к Кэт, спросил:

— Как вам нравятся наши песни и пляски?

— Конечно очень... у вас в горах хорошо, — с оживлением ответила миссис Браун, но круто замолкла, поймав пристальный взгляд курда на своих губах.

Отвернувшись от Омар-бея, она стала смотреть на танцующих.

Досада выразилась на лице Омар-бея. Не привык он к такому обращению с ним женщин. Рабыни они, а не равные среди равных! Он отошел в сторону, хмурый и задумчивый, и лениво поплелся в свой шатер.

Быстро спускалась ночь. Кэт, сославшись на усталость, ушла к себе. Растянувшись на ковре, она думала о том, что новые страны, точно книги, которые одним говорят очень многое, а для других всегда молчат. Она вспомнила о своих поездках с матерью, которая всегда старательно избегала встреч и знакомств с новыми людьми.

В это время Саркис и Абрам, зная воровские замашки курдов, не отходили от палатки и добросовестно стерегли мулов и вещи.

— Скажи, Абрам, что ты думаешь насчет иезида Джангир-аги. Действительно он дружит с курдами или только прикидывается? — спросил Саркис.

— Что ты, что ты!.. хоть язык у них и один, да вера разная. Не любят иезиды курдов. У Джангир-аги мало всадников, а вин-

товок и того меньше... Куда ему равняться с Омар-беем, в зависимости он от него. А живет по соседству с ним. Вот и дружит...

— Ты его давно знаешь?

— Хм... — усмехнулся Абрам. — Как себя помню, так и его знаю. Хороший иезид. К айсорам и армянам относится, как к своим. Где нужно, всегда охотно поможет.

— То-то... — тихо проговорил Саркис, — а я все откладывал поговорить с ним, хотя он просил меня зайти к нему по секрету. Все остерегался, хотел раньше тебя расспросить.

— Говори с ним без опаски. Если позвал тебя, значит нужно сказать что-нибудь важное. Вряд брехать не станет.

— И правда, пойду поищу его, а ты, Абрам, пока один побудь здесь, — сказал Саркис, надевая на себя черкеску.

Кэт проспала два часа. Проснувшись, накинула на себя шаль и вышла из палатки. Яркое светила луна. Шылали костры, стонала зурна и выли вдали овчарки.

Подошел Врамьян.

— Не хотите ли, миссис Браун, поглядеть на здешние горы при луне?

— Охотно, но по правде сказать боюсь здешних собак. Не загрызут они нас?

— На этот счет будьте покойны. Курдские овчарки удивительно умны. Они без сомнения уже признали нас. Зато волков никогда не подпускают к стаду и бросаются на них с непостижимой смелостью и злобой.

Минуя костры и людей, Врамьян и Кэт тихо удалялись от кочевья.

Остро и влажно пахло цветами, а угловатые скалы, облитые лунным светом, принимали фантастические очертания.

— Я думаю, миссис Кэт, вы уже соскучились по Вану, по миссии, по... мужу. Вы рассказываете, что позволили судьбе занести вас так далеко.

— Напротив, я очень люблю далекие поездки, — глухо ответила Кэт.

— Об Америке вы тоже не скучаете?

— Я уехала оттуда маленькой девочкой и почти совсем не знаю своей родины. Жила я всегда с матерью, которая имела привычку говорить о самых мелких домашних делах тоном израильского пророка. Мое детство и юность прошли удивительно бессмысленно и скучно. Скучные книги, назидания и молитвы... К тому же между матерью и мной всегда бывали разногласия, которые с годами не уменьшались, а увеличивались...

— Что ж, — сказал Врамьян, — это был результат совместной жизни двух разных характеров.

— Конечно. Например у матери религиозность была как бы физиологическим свойством организма. У меня же с детства она отсутствовала. На то были конечно свои причины. Бывало молишь бога о хорошей погоде, как нарочно пойдет дождик, просишь у бога выздоровления любимой куклы, а она, как на зло, умирает...

— Да ведь куклу-то заставляли умирать вы сами! — воскликнул Врамьян, поражаясь уловкам человеческого подсознания.

Кэт смутилась и, не отвечая, продолжала:

— Мать стремилась привить мне известную фамильярность к богу, торговаться с ним: «Если ты окажешь мне такую-то милость... я сделаю для тебя то-то и то-то»... Кроме того она пичкала меня всякими рассказами о рае и аде, которые совсем меня не пугали и отнюдь не радовали...

Врамьян улыбнулся:

— Вы напоминаете мне, дорогая, одну из тех роз, в сердце которой садовник воткнул проволоку, чтобы она держалась прямо. У вас эта железная проволока — религия. Но держались ли бы вы так же прямо без нее? Я думаю, что навряд ли миссионерская деятельность может удовлетворить вас.

— И да, и нет... Лучшей жизни я не знала и не загадывала о ней. Я всегда жила сегодняшним днем.

— Но неужели вы действительно находили смысл в вашей работе? Неужели вы думали, что, оторвав человека от одной лжи

и приобщив его к другой, вы сделаете его счастливым? Пустое, Кэт!.. Работа миссионеров — сплошное лицемерие..

— Работа наших миссионеров состоит в том, чтобы освободить человека от тех суеверий, которыми обросли все восточные церкви.

— Позвольте, позвольте, — с сердцем сказал Врамьян, — а ваша вера в божественность библии разве не грубое суеверие? Разве не пустой вздор ваша вера в библейского бога? Дураков мало, Кэт!

Молодая женщина не рассердилась..

— Я стараюсь не вникать в эти вопросы, Врамьян... Я знаю только, что моя работа кого-то радует и облегчает грустную обстановку моей жизни.

— А мне наоборот хотелось бы видеть вас, сильную и энергичную, на другой работе!

— Но на какой же?

— Отглянитесь на этих несчастных армян и айсоров, забытых, нищих и обездоленных... Сделать их сытыми и здоровыми, культурными — вот работа для вас..

— Наша миссия ведет эту работу. За примером недалеко ходить. Вы — налицо..

— Правда я материально обязан американцам, но никогда не прощу им, что они калечили сознание маленького бездомного сироты, подсовывая ему бога в каждой тарелке супа! — гневно вспыхнул Врамьян. — Утром, днем и вечером нас заставляли повторять заученные молитвы, и мы делали это с глубоким омерзением! Я очень рано понял всю бессмысленность работы миссионеров; и благодарен я им только за одно — за то, что они убили во мне всякую веру!

Он помолчал и продолжал тихо:

— Я был воспитан в бедной армянской деревушке матерью, которая была проста, как природа. Ее беседы были для меня, как сад, в котором растут фрукты и яркие цветы, где можно собирать ягоды и розы, где пахнет жасмином и гвоздикой... Моя мать была неграмотна, но обладала большим здравым смыслом. Ее пословицы

были для меня лакомством. Я не знал никаких молитв, но без всякого бога чувствовал в себе то хорошее, что заставляло меня говорить только правду и делиться куском хлеба с собакой, скулившей от голода. А вашего бога, который лебезит перед протестантами, бичует мусульман и сдирает кожу с язычников, я давно оценил по достоинству.

— Я понимаю вас, Врамьян, но почему-то я никогда не задумывалась над этими вопросами, — перебила Кэт.

— Иначе говоря, вся ваша жизнь — официальное служение богу и угождение старому мужу!

— Пожалуй, что и так...

Они вошли в ущелье, по дну которого стремился горный поток. Уго питал небольшой водопад, падавший с шумом с высокого утеса на каменистые глыбы. Горы заволоклись мягким лунным светом.

— Я чувствую себя так, как будто витаю где-то вне земли, — сказала Кэт, останавливаясь. Голос ее дрожал, а глаза были устремлены на далекие звезды.

Геворг внутренне сжался...

— Миссис Браун! — тихо окликнул он свою спутницу, — Величайшим счастьем для меня было бы отучить вас от красивых фраз для простой человеческой речи! Вы не витаете вне земли, вы в горах, на курдской кочевке, на земле людей, к которым приехали, чтобы насиловать их волю...

Заметив, что миссионерка плачет, он осекся. Они присели на камень вблизи водопада. Алмазные брызги обдавали их острой прохладой. Геворг взял руку Кэт и крепко поцеловал. Кэт не сопротивлялась. Тогда он притянул ее к себе, и миссионерка громко разрыдалась на его груди...

ВСТРЕЧА

— Так ты говоришь, что эта девушка-армянка и что Омарбей решил силой заставить ее сделаться его женой?.. Точны ли

эти сведения, Джангир-ага? — допытывался Саркис, сидя вдвоем с иезидом в его палатке.

— Я повторяю тебе, что это так. Знаю я со слов жены Омар-бея, что этот вопрос он долго обдумывал и принял окончательное решение. Девушку надо вытащить отсюда. Он давно бы изнасиловал ее, если бы не знал, что курды поставят ему в укор связь с гяуркой, и если бы его жены не были на стороне девушки.

— Но как помочь горю, Джангир-ага? Как она сюда попала?

— Деньгами чего здесь только не сделаешь!.. А вот откуда она — это можно будет узнать. Я знаю только, что ее зовут Ашхэн.

— Деньги достать мы сумеем... Я сегодня вечером все обдумаю, поговорю со своими, и завтра утром забегу к тебе, Джангир-ага, чтобы поговорить еще раз.

В это время в палатку вошел молодой курд и стал рассказывать об удачных набегах котурских курдов на пограничные турецкие селения.

Саркис, взволнованный полученными сведениями, поблагодарил Джангир-агу за дружбу и пошел в свою палатку.

Было поздно. На востоке уже загорелась заря, и кругом стояла полная тишина. Саркис присел в раздумья около палатки и вспомнились ему вековые тяготы армянского народа — издевки, беччинства, надругательства, грабежи и убийства...

— Когда этому будет конец? — вздыхал он, раскачиваясь. — Когда мы будем жить свободными от страха и насилий? Неужели армянам суждено вечно мучиться?..

В это время Врамьян и Кэт подходили к палатке. Они шли свободно, не крадучись, далекие от мысли скрывать свою любовь от людей, так как не чувствовали за собой никакой вины.

— Обождите-ка вы минутку, посидите со мной; надо кое о чем поговорить с вами, — остановил их знакомый голос Саркиса.

— Ты что не спишь? — спросил Врамьян.

— Да вот все думаю об одном деле... Сегодня извид Джангир-ага рассказал мне, что Омар-бей держит тут одну девушку, армянку, задумал на ней жениться и сделать мусульманкой... Она находится под надзором его жен, которые будто бы пока не дают ее в обиду...

— Уж это не та ли девушка с синими глазами, которая была моей переводчицей? — спросила Кэт.

— Пожалуй, что и так... Откуда и как она сюда попала — Джангир-ага не знает. Известно ему только то, что ее зовут Ашхэн.

— Ашхэн! — воскликнул Врамьян, — Ашхэн! Не может быть... Бежим, Саркис, найдем ее скорей!

— Постой, не горячись. Помни, что мы среди курдов. Не привык видно ты к здешним порядкам. Надо прежде все обдумать. А то курды и нас живыми не выпустят отсюда.

— Да ты подумай только, Саркис, ведь возможно, что эта девушка — моя сестра!

— Завтра утром я буду знать все подробности. А пока крепко держите язык за зубами, виду не подавайте, что вам известно что-нибудь.

— Идите, миссис Браун, пора вам отдохнуть, а мы тут с Геворгом обсудим, что можно предпринять.

Мысли Врамьяна путались. Он не в силах был отдать себе ясный отчет о переживаниях этого дня. С одной стороны — его любовь, с другой — возможная встреча с Ашхэн...

— Я не во сне, Саркис? — то и дело спрашивал он.

Саркис, видя, что никакого толку из их беседы не выйдет, улегся спать, успокоенный хоть тем, что у Врамьяна имеются при себе деньги, которые могут понадобиться для выкупа Ашхэн.

Врамьян пролежал до утра с открытыми глазами и не стараясь заснуть. Его мучили сомнения в искренности Кэт и боязнь, что надежда найти Ашхэн вдруг рухнет.

КУРДСКАЯ СВАДЬБА

— Нет! — утешал он себя вслух, — это она, моя милая, румяная Ашхэн, с которой мы бегали по берегам озера, гонялись за бабочками и взбирались на высокие скалы!

КУРДСКАЯ СВАДЬБА

Два шатра, отведенные для Аделе-ханум с дочерью, были разбиты неподалеку от серного источника и с утра были разукрашены, по приказанию Омар-бей, гирляндами темно-зеленых черешневых листьев и белых нарциссов.

С восходом солнца начались свадебные приготовления и праздничные заботы. Шароду съехалось много. Неугомонно бегали женщины с какими-то узлами из шатра в шатер; толпились мужчины у места, где опытные руки свежевали баранов и ягнят; дымились огромные котлы с рисом, подвешенные над легким огнем, и выбегали из шатров любопытные черномазые толые ребяташки.

Около полудня Омар-бей с сыном-женихом пошли приглашать Врамьяна и Кэт на свадьбу и преподнесли американке небольшой курдский ковер, сделанный из черной, коричневой и белой неокрашенной шерсти.

Ватем все двинулись гурьбой к шатру жениха, перед которым мужчины и женщины вели хоровод, подпрыгивая под звуки зурны и распевая первую свадебную песню.

Женишок наш очень молод.

Ай да жених!

В юном сердце страшный голод.

Ай да жених!

Но пришла к нему невеста.

Ай да жених!

Больше голоду нет места.

Ай да жених!

Женишок наш черноокий —

Молодец жених!

Храбрый, сильный и высокий Молодец жених!

А невеста, точно слива,

Ай да жених!

Краснощека и красива.

В ВЕРХОВЬЯХ ТИГРА

Ай да жених!

Кэт блуждала глазами по толпе, стараясь приметить девушку с синими глазами.

Брамьян чувствовал себя взвинченным как никогда, и злобно поглядывал на Омар-бея, который пожирал глазами американку.

— Будьте с ним как можно менее любезны, — шепнул он Кэт, — он слишком пристально смотрит на вас.

— Я и сама стараюсь не обращать на него слишком большого внимания. Я все же думаю под каким-нибудь благовидным предлогом расспросить об Ашхэн.

— Попробуйте, только не выдайте себя. Курды очень наблюдательны и подозрительны.

Между тем в палатку внесли огромные медные подносы с шашлыком, пловом, сыром и каймаком и расставили их на коврах.

Омар-бей уселся посередине, посадив около себя Кэт и Брамьяна, для которых откуда-то раздобыл ржавые ложки и вилки.

— Отчего же здесь нет ваших жен? — спросила его по-турецки Кэт.

— Они отпразднили с подарками к невесте и, по нашему обычаю, должны обедать там.

— Сколько же у вас жен, Омар-бей?

— Пока две, — усмехнувшись, сказал он.

— А я полагала, что три, так как видела трех женщин в шатре ваших жен.

— Одна-то прибудная овца... служанка моих жен, — ответил Омар-бей, подозрительно взглянув на Кэт.

Американка, заметив подозрительный взгляд курда, перевела разговор на другую тему. Юноши и девушки не переставали петь перед шатром свадебные песни и водить хороводы.

После обеда все гости во главе с Омар-беем отпразднили к невесте, причем некоторые курды вскочили на лошадей и занялись джигитовкой. Низкорослые лошади, с арабской закваской в крови, останавливались на полном скаку и, послушно повинуясь своим

КУРДСКАЯ СВАДЬБА

седокам, ложились спокойно на землю. Всадники бесцеремонно становились на них и стреляли из винтовок.

Навстречу гостям вышла из своего шатра в сопровождении подруг невеста, одетая в пышный свадебный наряд.

Омар-бей торжественно вручил ей подарки, которые лежали на больших деревянных подносах и состояли из ковров, ярких шелковых материй и золотых украшений. Жених отсутствовал.

Отсюда все вместе, с невестой, пошли в шатер жениха. Сопровождавшие невесту девушки, одетые в пестрые праздничные костюмы, плясали и пели без усталости.

А жених, выкупавшись, по обычаю, в горячем источнике вместе с «бразавы» (шафером) и другими своими товарищами, следовал в это время в свой шатер. К нему навстречу вышли юноши и, разделившись на две партии, играли в «ракачо». Игра состояла в том, что каждая партия старалась отбить у другой жениха. Победенные смешались с толпой, собравшейся на это зрелище, а победители с дикими криками сопровождали жениха до шатра, к которому подходила невеста.

Время было рассчитано так, чтобы все эти церемонии чередовались в полном порядке, без какого-либо замешательства и недолгих интервалов.

Затем толпа ввалилась в просторный шатер жениха, где было предложено угощение. Люди непрерывно входили и выходили из шатра. Пустые подносы заменялись другими, нагруженными всякими яствами, сладостями и шербетами. Так продолжалось до заката солнца, когда пришел мулла и, при гробовом молчании толпы, совершил кебин. Обряд продолжался всего несколько минут. Получив подарки, мулла удалился, а жених, невеста и гости отправились к шатру новобрачной.

Площадка перед шатром была тщательно расчищена и устлана туркменскими коврами. Кругом толпились курды и курдинки, разжигая костры, расположенные полукругом на некотором расстоянии от палатки.

— Ханум увидит сейчас интересное зрелище, — сказал Омар-бей, подойдя к Кэт.

— Можно поинтересоваться, в чем оно будет состоять?

— С Аделе-ханум приехала танцовщица из племени Сузмани. Это племя живет недалеко от Керманшаха, в Персии, и знаменито своими плясуньями. Говорят, что сузмани — цыгане. Их главное ремесло — пляска, и этим они славятся на всю Персию.

Толпа присмирела, замерла в ожидании и внимательно следила за приготовлениями музыкантов. Завыла зурна, загудели дудки, затрещонили бубны и пробасил барабан.

Из шатра выбежала на разостланные ковры полубоженная молодая девушка, обугленная солнцем Ирана. По ее стройному стальному телу пробежала дрожь. Она подняла над головой тонкие руки, которые сжимали бубен, склонила голову набок и рванулась вперед. Она танцевала долго. Легкость движений и гибкость стана были поразительны. То замирая, то безумствуя в диком вихре танца, она не сводила своих сладострастных глаз с восходящей луны.

Оборвалась музыка, и девушка бросилась ничком на ковер под оглушительное одобрение и цоканье толпы. Танец был кончен. Зрители, опьяненные пляской, бросали на ковер деньги и не спускали жадных глаз с нагой девушки, по телу которой ветер разметывал черные жесткие косы. Быстрым прыжком поднялась танцовщица на ноги, вбежала в шатер и больше не появлялась оттуда.

После пляски курды снова затеяли хоровод и затянули свои песни.

Жены Омар-бея стояли рядом с мужем и тихо переговаривались между собой.

Кэт оглянулась на них и взволнованно схватила Брамьяна за руку.

— Ашхэн здесь, — шепнула она ему.

Девушка, одетая в простенькое платье, стояла позади жен Омар-бея и грустно смотрела на толпу.

ПОБЕГ

— Это она, это Ашхэн, как она изменилась, как она тоскует, бедная! — говорил Врамьян, не сводя глаз со своей сестры. Иногда их взоры встречались, но конечно Ашхэн не узнавала брата.

Когда она затерялась в толпе, Кэт и Врамьян, поблагодарив Омар-бея и Аделе-ханум, вернулись к себе.

ПОБЕГ

— Ты пойми только, друг, ведь эта девушка действительно моя сестра! — говорил Врамьян, горячо обнимая Саркиса.

— Знаю, знаю... Джангир-ага все разузнал обстоятельно. Вот уже три года, как бедняжка томится у Омар-бея, а раньше скиталась с кочевниками-курдами. Омар-бей купил ее за двадцать турецких лир... Сейчас я должен увидеться с ней у горячего источника и предупредить обо всем. Она еще ничего не знает. А пока отсчитывай тридцать лир и жди меня...

— Расскажи мне толком, что вы решили делать... Вот деньги, распоряжайся ими, как найдешь нужным, — сказал Врамьян, передавая золотые монеты Саркису.

— Ашхэн еще не подозревает, что ты здесь. Оказывается, она через жен Омар-бея просила Джангир-агу каким-нибудь способом доставить ее в Ван. Из осторожности он наотрез отказался от этого дела и решил только сообщить об Ашхэн армянам. Омар-бей жаловался ему, что Ашхэн не хочет стать его женой, но что он попробует отправить ее на время к мулле в Башкалу, чтобы тот ее обратил в ислам. Джангир-ага думает, что за 30 лир¹ он уговорит муллу отпустить Ашхэн на свободу и доставить ее в Кудчанис, к маршимуну, где нам придется ее ожидать...

— Неужели ты думаешь, Саркис, что это удастся сделать?

— А то как же!.. Джангир-ага здесь свой человек. Знает все входы и выходы. Кто не проманут... Только надо обо всем стовориться с Ашхэн. А нам сегодня надо чуть свет незаметно выехать отсюда. Мало ли что взбредет в голову Омар-бею! Если за-

---

¹ 1 лира = 8 р. 60 к.

думает что дурное, живыми не выпустит от себя... Ну, я пойду, а ты поджидай меня в палатке у американки...

Врамьян поделился с Кэт последними новостями, а Саркис тем временем поручил Абраму подготовиться незаметным образом к отъезду, под предлогом, что миссионерка решила выехать в Кудчанис, как только начнет светать, из боязни, что курды могут задержать ее здесь с целью грабежа.

— Давно пора, — буркнул в ответ Абрам, — чем дольше с ними быть, тем больше у них глаза разгораются на чужое добро.

То, что переживал Врамьян, трудно поддается описанию. Кто мучили сомнения, дразнили мечты и угнетал страх. Кэт это отлично сознавала, утешала его и поддерживала в нем надежду на благополучный исход. Так они сидели вдвоем, близко прижавшись друг к другу в темной палатке, счастливые и обеспокоенные, радостные и тревожные.

В палатку доносились песни и гул разгулявшегося кочевья, беспрерывно трещали винтовки и ржали потревоженные кони.

Внезапно послышался шорох, и две темные фигуры вползли в палатку.

— Кто здесь? — хватаясь за револьвер, спросил Врамьян.

— Тише, Геворг, тише... это я и Ашхэн, — послышался знакомый голос Саркиса.

— Брат!..

— Ашхэн!..

Оба упали в объятия друг к другу.

— Будет, — сказал Саркис, — терять времени нельзя. У курдов везде глаза и уши... Ты веришь теперь, Ашхэн, что это твой брат и что я сказал тебе правду! Так беги же скорей обратно и поступай так, как я тебе сказал. Во всем доверяйся Джангир-аге. Мы будем поджидать тебя в Кидчанисе...

— Только непременно уезжайте сегодня, как только курды разбредутся по шатрам! После свадьбы они завтра не скоро поднимутся. Омар-бей что-то затевает. Он говорит, что у американки слишком много золота и что золото это бешеное... Если вы выедете

рано, то к полудню доберетесь до перевала, а оттуда рукой подать до айсорских селений!

С этими словами Ашхэн еще раз обняла брата и мягкими кошачьими шагами скрылась под покровом ночи.

ПОД ВЫСТРЕЛАМИ

Когда Кэт окинула с перевала открывшуюся перед ней панораму Джуламерских и Джулийских гор, через мощные массивы которых прорывался Большой Заб — буйный приток Тигра, — ей представилось, что она видит хаос мироздания. Высокие горы взвились к небу отдельными массивами самых разнообразных форм. Казалось, что они мгновенно застыли в процессе своего формирования после какой-то необычайной катастрофы. Их зубчатые, пикообразные и круглые вершины толпились одна над другой, скатывались книзу дерзкими уступами или возносились кверху изысканными снежными гребнями.

Свирепый ветер трепал волосы Кэт и злобно хлестал ее по стройной спине.

— Кажется теперь мы вне опасности... Как должно быть бесится Омар-бей, упустивши нас! — сказал Врамьян.

— Неужели вы действительно думаете, что он решился бы на грабеж?

— Саркие и Абрам вполне уверены в этом. А им ли не знать обычаев и нравов курдов?.. Впрочем наши проводники и сейчас еще не вполне спокойны: они опасаются погони, но на этот раз я не разделяю их опасений... Смотрите, вон там внизу уже чернеют айсорские селения и даже доносятся по ветру лай деревенских собак. Отсюда начинается область «независимых айсоров», которые хорошо вооружены, не пускают к себе турецких властей и постоянно находятся в борьбе с окружающими их со всех сторон курдами. Айсоров спасают эти неприступные, суровые горы, где часто нет дорог ни для лошади, ни для мула... К вечеру мы будем в ближайшем селении, хотя повидимому, спуск с перевала отчаянно труден. Од-

нако, что же это Саркис и Абрам застряли так долго? — перебил себя Врамьян.

При подъеме на перевал один мул свалился под тяжестью вьюка, и проводники задержались на полугоре, чтобы перевьючить животное, тогда как Врамьян и Кат поспешили взобраться на перевал одни, чтобы оглядеть окрестность.

Наконец показались Саркис и Абрам, которые торопили своих мулов и кричали издали:

— Спускайтесь скорее вниз... мы заметили человек двадцать всадников, которые подымаются в гору по нашим следам. По обличку — это курды, а не айсоры...

— Надо иметь наготове маузеры, — сказал подъезжавший Саркис, беспокояно всматриваясь под гору.

Стали спускаться. Дорога была из рук вон плоха. Мулы двигались с трудом, инстинктивно рассчитывая каждый свой шаг. Из-под их ног то и дело срывались камни, которые со стремительной быстротой летели в пропасть. До ближайшего айсорского селения оставалось по прямой линии не более пяти километров, но по пути попадались отвесные скалы, которые приходилось обходить.

Спустившись к руслу горного потока, откуда прекрасно виден был перевал, путники заметили на нем группу всадников, которые немедленно открыли по каравану, вышедшему из-под прикрытия, беспорядочную стрельбу.

Пришлось завернуть за соседнюю скалу, чтобы обезопасить себя от пуль. Абрам, хорошо знакомый с местностью, слез со своего мула, спустился напрямик вниз и, возвратившись, предложил уклониться от взятой тропинки и двигаться к селению обходным путем, чтобы спутать планы курдов. Последние быстро поняли эту хитрость и, разбившись на партии, зорко следили за направлением каравана, непрерывно обстреливая его из винтовок. Когда мулы по необходимости, выходили из-под прикрытия, Саркис и Абрам отстреливались от курдов из своих маузеров. В одном месте пришлось спускаться по открытому склону горы.

Вдруг Врамьян закачался на седле и свалился с мула. Произошло опасное замедление. Саркис и Абрам подхватили раненого и проворно отнесли его под пулями за скалу, куда отвели и мулов. Кэт на этот раз проявила полное хладнокровие. Вооружившись револьвером Врамьяна, она достала сумку с перевязочными средствами, обнажила ногу Геворга и сделала перевязку. Раненый лежал в полуобмороке и тихо стонал.

Саркис и Абрам беспомощно обдумывали, что предпринять.

— Дело, миссис Браун, обстоит скверно, и как бы нам не попасть в руки курдов! — сказал наконец Саркис.

Но Абрама осенила какая-то мысль. Он выбежал из-за скалы и, достигнув кручи, с которой было видно в ложбине айсорское селение, стал стрелять по нему из маузера. Этот прием спас положение. Айсоры, услышав выстрелы, тотчас же выслали на разведки своих молодцов, как это обычно делается с целью предупреждения нападений курдов. В селении поднялась тревога, и люди засуетились, стогная скот с соседних холмов. Курды, заметив переполох среди сельчан, приостановили свой спуск с горы.

Не прошло и часу, как Абрам с несколькими хорошо вооруженными молодыми айсорами прибежал к каравану и уверил путников, что теперь они вне всякой опасности.

Затем айсоры бережно взяли раненого под руки и стали спускаться с ним к селению. Только четверо из них, с Абрамом во главе, остались на месте и, перебегая от одного прикрытия к другому, зорко следили за курдами и обстреливали кочевников до тех пор, пока те не скрылись из виду.

РОМАН АЙСОРСКОГО ПАТРИАРХА

Там, где извилистая горная речка, скованная мрачными утесами, высвободилась из каменных оков и неслась по низине среди колючих зарослей ежевики, — сидел маршимун Веньямин, духовный и политический глава айсоров. Он с интересом наблюдал, как форель, сверкая на солнце своей серебряной чешуей, прыгала

через камни и взлетала на воздух, подбрасываемая клокочущей водой.

Маршимун был человек небольшого роста, на вид лет тридцати, с ласковыми карими глазами и небольшой черной бородкой. Южное солнце и горный воздух наградили его матово-розовым цветом лица. Одет он был в серый костюм английского покроя, желтые краги и легкую серую кепку, из-под которой курчавились черные, как тушь, волосы.

Около него стояла молодая девушка в костюме айсорки, с резкими чертами лица и ярким румянцем на щеках. В глубоких черных глазах сквозили упрямая воля и решительный характер.

— Не будем, Беньямин, больше встречаться. Яюсь я... Если узнают, что мы видимся наедине, отец и народ наш проклянут меня, — сказала девушка, опираясь рукой на плечо Беньямина.

— Брось, Нигер, охота тебе тревожиться из-за пустяков! Кто посмеет подумать обо мне дурное? — ответил маршимун и привлек к себе девушку.

— Кто? Хотя бы твоя сестра, Сурьма! Уже не раз намекала она мне, что если я буду заглядываться на тебя, она найдет, как поступить! Не забывай, что ты маршимун. То, что другим можно, тебе нельзя... Ведь все почитают тебя за святого, и разве не правда, что ты обязан перед богом быть целомудренным? — с тревогой в голосе спросила Нигер.

— Не перед богом, а перед людьми. Не путай этого... Я право не виноват, что оказался старшим племянником покойного дяди маршимуна, что мне дали сан, который приносит столько неприятностей... Я люблю тебя, Нигер, и никому не отдам...

— Нет, нет, не говори так... маршимуну не к лицу такие речи. Народ должен любить и уважать тебя. И без того уже многие недовольны тем, что делами ведают Сурьма и старая лисица матран¹ а ты так, только для вида, подписываешь подсеунутые бумаги.

---

¹ Митрополит.

— Что правда, то правда... Пусть сестра и матран занимают-ся делами, если это их интересует, а мне все это надоело по горло...

— Бог запретил тебе есть мясо и любить женщин. Мяса ты не ешь — это правда. Так почему же ты пялишь глаза на всех девушек и не оставляешь меня в покое? Брось эти дела, Беньямин, и я буду спокойна, что ты никогда никого больше не полюбишь.

— Брось, Нигер, чепуху молоты!.. Человек я, и ничего человеческого от меня не отнимешь. Попробуй-ка объяснить любовь и ее желания евнуху, торгующему рабынями! Так и мне непонятны твои слова и желание похоронить меня под монашеской расой.

— Зачем ты обманул меня, Беньямин? Зачем ласковыми словами заворожил мое сердце?.. А если я забеременею, что будет тогда... Подумал ли ты хоть раз об этом?..

— Что будет тогда?.. Та же любовь моя к тебе и золото, много золота, которые заставят людей говорить о тебе только хорошее.

— А бог?.. Он накажет тебя и весь народ твой.

— Бог очень добрый, такой добрый, что всегда прощает людям все их грехи. Только умей грешить! — ответил маршимун и добродушно усмежнулся.

— Беньямин, а, Беньямин, — раздался крик с горы.

— Это брат Давид зовет меня, — что ему нужно? Опять с какими-нибудь делами станут приставать! — сказал маршимун и нехотя поднялся, чтобы идти на зов брата.

Нигер прижалась горячими губами к щеке маршимуна и быстро, как горная серна, скрылась в зарослях ежевики.

Давид спускался с горы, на которой одиноко стоял, на самом краю обрыва, двухэтажный дом маршимуна, построенный из обтесанных камней. Давид был одет по-курдски и нес в руках узел.

— Тебя везде ищут, Беньямин... Сурьма послала меня за тобой.

— Что такое случилось? — спросил маршимун.

— Да еще час тому назад приехали к нам гости... Помнишь ту красивую американку, которую мы с тобой видели в Ване и которая тебе так понравилась...

Она приехала и с ней доктор... Курды Омар-бей гнались за ними до самого перевала и даже дальше. Доктора ранили в ногу. Хорошо, что наши айсоры из Дивы подоспели на выручку. А то им было бы плохо.

— Что за история! Вот уж не думал, что Омар-бей позарится на золото гостей. Надо быть настороже и оповестить на всякий случай наших «меликов».

— Сурьма сказала, что тебе в этом костюме неудобно встречаться с иностранцами, и поэтому прислала тебе рясу и чалму.

— Что дело, то дело, — сказал маршимун и накинул на себя поданную ему братом черную рясу, отложной воротник и рукава которой были обшиты темно-синим бархатом. Кепку он бросил в руки брата и надел на голову свой обычный убор, род чалмы из шерстяной материи.

Братья легко и быстро зашагали в гору по опасной тропинке, висевшей над пропастью. За домом маршимуна виднелось селение Кудчанис. Белела церковь во имя Мар-Шалиты, большое четырехугольное здание с плоской крышей, с узкими, длинными окнами в стенах и небольшой дверью, к которой была приставлена простая деревянная лестница, так как вход в церковь находился высоко над землей из-за боязни курдских налетов.

ОБЛАСТЬ «НЕЗАВИСИМЫХ АЙСОРОВ»

Страна «независимых айсоров» протянулась от Кудчаниса, резиденции маршимуна, к югу, вплоть до тех мест, где Курди-станские горы обрываются страшными кручами и отвесными утесами над жгучей равниной Месопотамии.

Айсорские селения приткнулись к берегам Большого Заба среди неприступных скал и могучих горных вершин. Злобно клочечет Заб, неистово бросается на каменные преграды, скрываясь по

временам в мрачных теснинах и принимая в себя бесчисленные речки и водопады.

Здесь укрылись айсоры от враждебных им мусульман, понаделали по уступам гор небольшие террасы с наносной землей, тщательно обнесли их изгородью из тяжелых камней и принялись за труд земледельцев.

В безлюдных горах зазеленели поля кукурузы и особого пшена «прыги», стебли которого совсем схожи с листвой кукурузы, а верхушка представляет собой большой шарообразный комок, полный белых зерен, подобных зернам мелкой чечевицы. Это просо дает огромный урожай и служит главной пищей айсоров. Мука, полученная из этих зерен, много грубее пшеничной, а испеченный из нее хлеб быстро черствеет.

Что же это за народ, забравшийся в суровые горы для вечной нужды? Не добрая охота загнала его сюда из плодородных равнин Месопотамии, чтобы променять ядреную пшеницу на хилое айсорское пшено. Остатки ли это древних ассирийцев или, как думает кое-кто, потомки десяти израильских племен, бесследно исчезнувших для истории? Айсоры — чистокровные семиты и принадлежат к арамейско-ассирийской группе, занимавшей уже в глубокой древности Сирию, Месопотамию и Ассирию. Их язык — арамейский. Слово «Арами» — древнееврейского корня.

Айсоры или, как сами они себя называют, «ассураи», известны в Европе под названием несториан, по имени того Нестория, который в первой половине V века был патриархом в Константинополе и который считается церковью еретиком и ересиархом.

Несториане в VIII веке так умножились, что перенесли резиденцию своего маршимуна из Ктезифона на Тигре в Багдад, столицу мусульманских калифов, где многие из них занимали высшие государственные должности. Они распространяли свою веру по всем направлениям Востока и особенно много привлекали на свою сторону тюрко-монголов в Средней Азии, Западном Китае и Индии.

Но наступили времена Тамерлана, который не простил несторианам, что его любимая жена сделалась последовательницей их церкви. Они были истреблены, и лишь жалкие остатки их нашли спасение в неприступных горах Курдистана. Когда Сулейман II, султан османских турок, завоевал всю Сирию до Хэ-фрата (около 1516 г.), несториане стали осторожно спускаться с гор в равнины по обеим сторонам Курдистанского хребта. Меньшая часть, под именем айсоров или несториан, спустилась к Урмийскому озеру, а большая, под именем сиро-халдеев, засела в Месопотамии и Сирии под властью турок. Немногие перебрались в Закавказье, а самые упорные остались на берегах Заба свободными горцами и не пожелали променять свою независимость и нужду на все блага долин. Они соглашались платить туркам, через посредство своего маршимуна, известную подать, но не подпускали их в свои горы, которые и стали называться Областью «независимых айсоров».

Еще с половины XVI века иезуиты старались привлечь несториан к католицизму, и часть айсоров, под влиянием этой пропаганды, составила так называемую халдейско-католическую церковь.

В начале XIX века среди несториан появились протестантские миссионеры, а в конце того же века часть несториан Персии перешла в православие. Отнюдь не метафизика заставила их стремиться тысячами к переходу в православие, а чисто политические причины. Айсоры чувствовали в русских ближайших сильных соседей, у которых надеялись найти в борьбе с мусульманами помощь.

Резиденция маршимуна была перенесена из Багдада в селение Алькош, вблизи Мосула, а со второй половины XVII века — в селение Кудчанис, вблизи Джуламерка.

Патриархи преемственно выбирались из рода Гормес, а по прекращении этой фамилии — из семейства Шагмир. Сан патриарха переходит от дяди к старшему племяннику, так как маршимун обречен на безбрачие. Он намечается с детства, еще при жиз-

ни дяди. Маршимун — полный духовный и светский глава айсоров. Ему принадлежит право высшей судебной инстанции. Все население уплачивает ему подворную подать — «решиту». Через него вносится государственная подать Турции и налоги, взамен отбывания воинской повинности. Ему подчинены мелики или выборные старшины, которых он утверждает и назначает.

Независимые айсоры делятся на «аширеты» или племена, которые носят название по местности, где данное племя живет: Тиари, Тхум, Таль, Баз, Джелу, Дез и другие. Каждое племя обитает на своей, строго определенной территории, состоит обыкновенно из нескольких больших селений, владеет общими пастбищами и зимовниками. Во главе племени стоит мелик, судья-военачальник. Он выбирается из старинной знатной семьи. Выборы носят характер простой формальности. Толпа народа, собравшись по случаю смерти мелика, дает свое одобрение его старшему сыну, иногда брату, а маршимун утверждает кандидата и получает за это разумеется полагаемую мзду.

Мелик следит за порядком в своем округе, становится во главе селения во время нападения курдов, или сам подготавливает набеги на курдские кочевья.

Скотоводство, пчеловодство, виноделие и земледелие, ограниченное недостатком удобной земли, являются главными занятиями айсоров-горцев, этих воинственных, а подчас жестоких обитателей неприступных курдистанских гор.

Айсоры общительны и гостеприимны. Случайному гостю тотчас же по старому обычаю обмоют ноги, принесут поесть и предоставят место для отдыха. Считается страшной обидой, если путник покинет дом, в котором остановился, и переберется к кому-либо из соседей.

Наряды айсоров мало чем отличаются от одежд курдов и армян, за исключением головного убора, представляющего собой белый войлочный конус, похожий на шапку средневекового астролога. Характерной особенностью айсоров-горцев служит то, что муж-

чины не стригут волос, а носят две или три косы. Айсоры любят украшать свои шляпы перьями и цветами.

Женятся айсоры в возрасте 13–20 лет, а девушки выходят замуж в 12–14 лет. У молодых людей не спрашивают, согласны они или нет вступить в брак. Выбор невесты производят родители. Если девушка убегает со своим возлюбленным, родители по местному обычаю вправе убить их. До свадьбы жениху воспрещается ходить к невесте. По большим праздникам он посылает ей подарки.

За несколько дней до свадьбы родители жениха уплачивают условленный выкуп («хелле») за невесту. В день свадьбы с утра в дом жениха и невесты стекаются родственники. Товарищи жениха относят невесте свадебные платья — жениховский подарок. Затем молодых ведут в церковь, откуда все направляются в дом жениха. Сопровождающие поют и пляшут по пути под звуки зурны. Когда процессия проходит перед домом кого-нибудь из друзей, с крыши кидают на молодых изюм и орехи. Перед тем, как процессии войти в дом жениха, его приятели взбираются на крышу, а невеста останавливается, делая вид, что не хочет войти в дом. В это время молодежь подымает на крыше крик и стрельбу. Молодой, взяв яблоко, бросает его в невесту. Из дому выходит мать и, передав новобрачной подарок, вводит ее внутрь дома. Как только невеста сядет на место, тотчас же вносят мальчика, которого кладут ей на колени. Это делается для того, чтобы ее первенец был мужского пола. Пиршество продолжается три дня подряд. Гости по утрам и вечерам приносят угощение: вино, фрукты, кур и проч. В последний день свадьбы (чаще на четвертый, а иногда на седьмой) гости приносят слоеный хлеб «гата». Этот хлеб кладут на поднос, по краям которого горят зажженные свечи. Один из молодых людей, танцуя, несет поднос на голове и торжественно передает его шаферу. В этот день устраивается обильный ужин, и новобрачные становятся мужем и женой.

Айсорки суровы и трудолюбивы. Во время продолжительных отлучек мужей на отхожие промыслы они размеренно исполняют

КУРДСКИЕ ПЛАНЫ

все домашние и полевые работы. У айсоров, как и у армян, молодая невестка долгие годы не имеет права вступать в разговор со свекром, свекровью и деверями. Как только рождается ребенок, его купают в холодной воде и посыпают мелко истолченной солью.

В случае смерти отца, все права последнего переходят к старшему сыну, но руководительница житейского распорядка — всегда мать. Она хранительница имущества семьи.

КУРДСКИЕ ПЛАНЫ

Омар-бей проснулся поздно после свадебного пиршества. Солнце уже высоко поднялось над горами, и в шатре становилось душно. Бей чувствовал себя утомленным и крикнул Али, который немедленно появился на зов.

— Скажи мулле, чтобы он не уезжал. Мне надо поговорить с ним по одному делу... Разъехались ли гости?

— Пока все еще здесь, а гауры уехали чуть свет. Шикто даже не заметил их отъезда.

— Не может быть! — закричал Омар-бей и покраснел от негодования. — Вот так гости!.. Не простившись с хозяином, не поблагодарив за гостеприимство, удрали с кочевья!.. Нечего сказать, хороша американка со своим доктором. Шоди, путается с ним вдали от мужа... Во всяком случае такой отъезд — личное оскорбление. Вели нарядить двадцать всадников и поезжай вместе с ними в погоню за гаурами. Вернуть их во что бы то ни стало!

— Все будет исполнено, ага, как ты приказываешь. Думаю, что они поехали дорогой на Керме, а возможно, что и обходной.

— Обследуй обе дороги, да поворачивайся живее... нечего медлить. Ступай!

В то время, как Али поспешно выбежал из шатра, к Омар-бею вошел Джангир-ага.

— Я пришел поблагодарить тебя, ага, за дружбу и пожелать тебе всего хорошего, — сказал иезид.

— Разве надумал ехать во-свояси? Пожил бы еще с нами денек-другой!

— Не могу, Омар-бей, — ждут меня иезиды с разными делами. Спасибо тебе за хлеб-соль!

— Вот ты хоть зашел проститься, а эти европейцы удрали ночью, как конокрады... Я приказал вернуть их силой и доставить обратно на кочевье.

— Знают ли ференги наши порядки? Охота тебе волноваться из-за таких пустяков! Еще хлопот наживешь с ними...

— Не знают порядков!.. А Саркис и Абрам на что? Этим ли пройдохам не знать, как следует обращаться с курдскими агала-рами? — гневно сказал Омар-бей.

— Должно быть американка тебе очень полюбилась, что ты так разгневался! — смеясь, сказал иезид.

— У нас получше найдутся, покрасивее... тоже гяурка.

— Да ведь ты говорил мне, что она не хочет выходить за тебя?

— Пустяки, мулла сумеет уговорить ее. А если не сумеет, так силой заставлю!

— Нет, ага, силой в таких делах ничего не сделаешь. Время нужно, ласки, подарки... А что касается муллы, так старик конечно сумеет сделать ее покорной мусульманкой.

— Этот дурень не останется здесь. Жить не может без своей мечети, — точно аллах не везде один! Да и без своего гарема скучает...

— А ты гяурку снаряди к нему недельки на две, Омар-бей!

— Пожалуй я так и сделаю, — в раздумьи сказал Омар-бей и отпустил с добрыми приветствиями Джангир-агу.

Скоро в палатку вошел старик мулла в белой чалме. Он был известен в своей местности непомерной алчностью, лукавством и блудливостью.

— Салямун-aleyкум, благородный ага, — произнес он не без достоинства.

— Алейкум-салам, почтенный мулла, заждался я тебя! Больно ты медлителен, — стараясь быть любезным, ответил Омар-бей.

— Старик я, ноги плохо ходят, помирать видно пора... Как твоё здоровье, ага?

— Помаленьку, устал только.

— Как не устать! Гостей-то что съезжалось на свадьбу! Обо всех надо подумать, позаботиться, накормить... Расходы поди не маленькие... Собираюсь сегодня домой. Зашел к тебе проститься... Может быть что-нибудь пожертвуешь во славу аллаха на нашу мечеть?

В ответ на это Омар-бей протянул мулле несколько золотых монет.

— Да не оставит тебя аллах своими милостями, да превознесет твоё имя среди всех правозверных и да пошлет тебе счастье на всех путях твоих!

У меня к тебе просьба, мулла, — перебил его Омар-бей, — только не болтай. Хочу я жениться на гяурке. Ты слышал о ней. Только в ислам не хочет переходить. Не можешь ли ты убедить эту армянку, что наша вера лучше христианской, что у нас один аллах и Мухамед пророк его, а у них целых три бога, а святых — и не перечести, больше, чем овец у меня!.. Сможешь ли, мулла, отвечай прямо?

— Как не могу?.. Все могу с помощью аллаха, всемогущего и всемилостивого! Благое дело ты задумал. Говорит ли гяурка по-турецки?

— Говорит и по-турецки и по-курдски.

— Вот и хорошо... Только сразу этого сделать нельзя. Коран-кораном, а подарочки тоже нужны. Ах, как бабы падки до них.

— А что если ее на время отправить к тебе в Башкалу, поближе к мечети?

— Хорошее дело, снаряди-ка ее, да присылай с кем-нибудь. В Башкале обласкаем ее, как надо. Веречь будем, женам поручу ее...

— То-то, чтобы надежно было, да поскорей! Одарю тебя золотом и коврами. А то, сам понимаешь: заворно благородному курду связаться с гяуркой. Что скажут мои курды? Что скажут мои враги? И жены бунт поднимут...

— Когда же ждать ее, ага?

— Да ты вот что: сегодня оставайся, а завтра утречком поедете.

— Да ведь мы, ага, на осликах приехали!..

— Ты осликов оставь здесь. Я верну их тебе в Башкалу. А лошадей и провожатых дам тебе, сколько надо... Одну лошадь на выбор возьми себе и надейся на будущее.

— Спасибо тебе, благородный ага, спасибо!.. Будь по-твоему. Я в долгу не останусь.

— Ну, и ладно! А теперь, мулла, ступай в шатер к женам, поговори с ними, успокой, да распорядись, чтобы приготовили все, что нужно девушке в дорогу. Сам я к ним не пойду, а то начнут приставать, чтобы оставил гяурку с ними. Привыкли они к ней, да и не хотят, чтобы я на ней женился. Резнивы, как ведьмы.

Мулла, чувствуя в кармане золотые лиры, отправился в самом лучшем настроении духа в шатер бейских жен.

Здесь он оставался довольно долго, много говорил о вере, блудливо присматривался к женщинам и прикидывал в уме верные барыши.

Ашхэн, зная со слов Саркиса о планах Джангир-аги, спокойно выслушала переданное муллой приказание Омар-бея, и на вопрос муллы, согласна ли она ехать с ним в Башкалу, ответила, что раз ага приказал, то ей остается только повиноваться, но что женой бея она никогда не станет.

Жены Омар-бея долго уговаривали муллу побыть еще несколько дней на кочевье и оставить Ашхэн в покое.

— Скучно нам будет без нее, — говорили они, — да и какая она жена для Омар-бея?.. Пусть лучше останется в своей вере. Ты особенно не старайся вразумлять ее, а подарками мы тебя не обидим.

— Денег-то у вас мало, милые, сами из рук Омар-бея смотрите, а мне деньги нужны, вот как нужны! — сказал мулла, разводя руками.

Наотрез отказался он исполнить желание курдинок, сославшись на то, что не может действовать против воли аги, а ссориться с таким сильным и богатым человеком не имеет никакой охоты.

Было решено, что отъезд муллы состоится завтра с восходом солнца и что Ашхэн к этому времени должна быть готова.

Женщины после ухода муллы много болтали, строили предположения и разгрустились не на шутку. Ашхэн уверяла их, что очень опечалена разлукой, а в душе ее крепла надежда на свободу...

В ПОКОЯХ ПАТРИАРХА

Много передумал Врамьян за эти десять дней, проведенных в постели в покоях маршимуна. Нога понемногу заживала, жар спал и боли уменьшились. Кэт неотлучно ухаживала за ним, умело делала перевязки, рассказывала о своей юности и как будто совсем забыла о поручениях, данных ей миссией.

Болезнь сблизила их сильнее, и они с одного слова понимали друг друга. Но Врамьян тревожился за сестру. Он боялся всяких осложнений, и дело казалось ему трудно осуществимым.

Кэт прекрасно понимала это, всячески старалась ободрить его, и послала Саркиса за сведениями к Джангир-аге. Саркис охотно согласился, не считаясь с опасностями в пути. Он тайно пробрался в кочевья иезидов и принес оттуда хорошие вести.

— Ждите Ашхэн через недельку-другую... Все обстоит благополучно, и дело идет к концу.

О подробностях Саркис упорно молчал, так как знал, что и айсорские стены имеют уши.

Прожив дня два в Кудчанисе, Саркис опять исчез на несколько дней, сославшись на желание повидать своих родных в Джуламерке.

За это время Кэт очень подружилась с сестрой маршимуна, Сурьмой-ханум. Та была старше своего брата, совсем некрасива, умна и деловита. По установившемуся обычаю, Сурьма-ханум не вышла замуж, а оставалась при брате-патриархе в качестве хозяйки дома, ухаживала за ним и исполняла обязанности домашнего секретаря. Народ издавна звел такой порядок из опасения, чтобы в покоях маршимуна не завелась упаси бог какая-нибудь красавица и не бросила бы тень на великий сан патриарха.

Не только хозяйство, но и чисто административные дела были в руках Сурьмы-ханум. У ней хранились большая и малая печати маршимуна, и она находилась в постоянной письменной связи с епископами и меликами. Сам же маршимун больше развлекался охотой, прогулками в горах и другими забавами. Его братья, Давид и Зайя, были женаты и жили со своими женами в Кудчанисе, не вмешиваясь ни в какие дела, а третий брат Шолюс был не женат и вместе с патриархом развлекался охотой в горах.

Сурьма-ханум по сравнению со своими братьями была хорошо образована, свободно говорила по-английски и даже время от времени получала из Вана газеты, которыми снабжали ее американцы. Английскому языку научил ее миссионер, который прожил в Курдистане в доме покойного маршимуна более сорока лет и случайно погиб, приняв по ошибке лекарство, оказавшееся ядом.

Сурьма-ханум часто беседовала с Кэт и, узнав, что американка прибыла в Турцию с протестантской миссией, однажды сказала:

— Ничего, миссис Кэт, не выйдет из ваших стараний. Теперь айсоры Урмии переходят в православие. А почему? Только потому, что у русских в Персии много войска. А что вы, американцы, можете дать айсорам?

— А думаю, что ничего, кроме истинной веры.

— Веры? Не вера нужна нашему народу, а спокойная жизнь. Вы ведь из Америки солдат не пошлете, если курды начнут опять резать армян и айсоров... Матран давно уже настаивает на том, чтобы все айсоры во главе с маршимуном перешли в

православие. А что касается Нестория, то мы его действительно почитаем, но своя шкура мол дороже. Матран имеет большое влияние на маршимуна, который давно задумывается над этим вопросом. Пока только я для приличия сдерживаю брата да некоторые мелики, а то он давно бы укатил в Тифлис, — благо город говорят большой и веселый. Молод наш маршимун, ох, как молод! В голове у него еще ветер бродит... А православие — религия недурная для молодого человека: и мясо есть можно, и вино пить. Чего ж еще?

— Уж очень вы, айсоры, практичны! — сказала Кэт. — Не следует политику примешивать к религии. Мы идем к вам с чистым сердцем, со словом истины, чтобы спасти вас от суеверий, а вы все о земном толкуете.

— Хорошо вам, американцам, говорить так, — вспыхнула Сурьма-ханум. — Живете вы у себя на родине, беситесь с жиру, а ведь мы здесь вечные рабы. Если бы не наши горы, нас давно бы перерезали. И вот — все по-простому, да по-простому, а как дошло до политики, сразу заломались и притворяетесь, что политики никакой и нет. Вы этого сами не понимаете, милая...

Частенько по вечерам велись такие беседы между двумя женщинами. Как-то Кэт передала их содержание Врамьяну, который в ответ сказал ей:

— Что же, Сурьма-ханум права. Умно рассуждает и по крайней мере не лицемерит. Толку от миссионеров ни на грош, а вреда много. На словах хотят добра, а на самом деле развращают народ. Надеются деньгами заманить народ в свои сети. Грязное дело! Не про вас Кэт я говорю. Придет день, когда вы окончательно увидите всю грязь миссионерской активности! Сунет католик айсору 5 лир — запишется айсор католиком, сунет американец десять — сделается протестантом, понадобится помощь русских — сделается айсор православным. Зачем, посылая к айсорам, миссия набила вам кошелек золотом? Помочь беднякам? Накормить голодных? Нет, не за тем, а для того, чтобы купить за деньги совет человека...

— Мне тяжело сознаться, но вы правы, Геворг!

Врамьян продолжал:

— Если уж человек верит в бога, то пусть верит так, как ему хочется. В никчемных вопросах веры не должно быть никакого насилия. Хочешь веровать в бога или чорта, — веруй, не хочешь — молодец! Католики работали здесь еще в XVI веке. Тогда был в этом известный смысл. Шу, а теперь, поверьте мне, все только смеются над вами и думают лишь об одном: как бы оставить вас в дураках... Я вам говорю это потому, что люблю вас, и мне хотелось бы, чтобы вы наконец твердо убедились в правоте моих слов.

— Шу, а вы, Геворг, неужели вы совсем хладнокровно относитесь к вопросам религии?

— Этих вопросов для меня, убежденного атеиста, совсем не существует. Вы мало задумывались, Кэт, мало читали, и поэтому живете в тумане библии.

Маршимун часто навещал Врамьяна и подолгу беседовал с ним об Америке, России и других странах. Он не скрывал, что его тяготит жизнь в горах, что ему хотелось бы повидать мир и пожить среди культурных народов. Молодой патриарх избегал говорить о религии, как будто этот вопрос совсем не интересовал его. Зато он с воодушевлением и с полной откровенностью излагал свои мысли о возможности войны между Россией и Турцией. Врамьян никак не ожидал встретить в лице патриарха человека, далекого от всяких религиозных предубеждений, милого, хотя и навоиливово собеседника и большого любителя спорта. Врач относился к маршимуну с большой симпатией и сердечно жалел молодого человека, которого против его воли и желания судьба нарядила с детства в монашескую рясу.

Мирно проходили дни в покоях маршимуна. Время стояло жаркое, даже знойное. Только по вечерам, когда солнце спускалось за горы, люди оживлялись. Обыкновенно Врамьян с помощью Кэт перебирался в эти часы на балкон, висевший прямо над пропастью,

и долго беседовал со своей возлюбленной о завоеваниях человеческого ума, сулящих столько счастья миру.

В ГАРЕМЕ МУЛЛЫ

Ашхэн, Саркис и иезид Сулейман, отправленный Джангир-атой в качестве проводника, шли по ночам, а дни проводили в глубоких ущельях, укрывшись где-нибудь под скалами. Путь был труден и опасен. Всюду бродили курды в поисках добычи, выслеживали диких баранов и собирали целебные травы. Особенно было жутко ночью. Из-под ног срывались камни и с шумом катились по откосам. Приходилось рассчитывать каждый шаг, чтобы не свалиться в пропасть. Неистово заливались визгливые шакалы и пугали внезапными окриками ушастые филины.

Устало брела Ашхэн среди угрюмых ущелий. Ее мысли все время возвращались к тяжелым дням пребывания в гареме мурлы.

Как сейчас помнит она эти полутемные комнаты с решетчатыми ставнями, через которые прорывались редкие солнечные лучи. Помнит недружелюбные взгляды жен мурлы, из которых две совсем старухи, толстые и ворчливые, никогда не покидали гарема, а третья, совсем молоденькая турчанка с круглым лицом и красивыми серыми глазами проводила все время за курением кальяна и в постоянных перебранках со старухами. Все они относились к Ашхэн придирчиво, кормили ее как прокаженную из особой чашки и не позволяли прикасаться к вещам из боязни осквернить их прикосновением рук гаурки. Вспоминается ей последняя жуткая ночь. Вот она приткнулась, как собачонка, в углу комнаты на дырявом войлоке. Было зябко под жестким одеялом. Сыростью несло от глинобитных стен и скребли докучливо мыши около мешков с рисом, расставленных по углам комнаты. Долго не могла она заснуть, — какое-то беспокойство томило ее. Только что немного забылась, слышит кто-то будит ее, тихо толкает за плечо. Приподнялась — и почувствовала на себе костлявые руки мурлы.

— Уходи, старик, не то задушю тебя своими руками! — закричала она.

— Тише, тише, девушка, не бойся, иди за мной, — шопотом проговорил мулла. — Джангир-ага ждет тебя в саду. Пойдем, я провожу тебя к нему. Время позднее, все спят, никто не услышит...

— Обманываешь меня, мулла! Что-нибудь недоброе задумал, да я в обиду не дамся.

— Молчи, девушка, повремени малость... я сам дрожу от страха, как бы кто не заметил, а ты сама хочешь испортить свое дело, — прошепелявил ей на ухо мулла.

Поверила, обрадовалась, накинула платок и, крадучись, вышла за стариком в сад.

— А как же Омар-бей? — спросила Ашхэн муллу, внезапно останавливаясь.

— Уже известил его, что ты умерла от горячки. Боятся курды покойников. Не бойся, не придет Омар-бей за мертвым телом гяурки...

У забора сада, где тихо шелестели кусты шиповника, поджидал Джангир-ага. Как только добрались до него, сильные руки невидя схватили Ашхэн и легко перебросили через ветхую изгородь. Ни одним словом не обмолвился Джангир-ага с муллой. Молча прошли беглецы уснувшими улицами Башкалы. Вышли за город, миновали виноградники и стали подниматься в гору. В глухой ложбине стояли на привязи три лошади; их сторожил Саркис. Он крепко обнял Ашхэн, поцеловал в лоб и проникновенно сказал:

— Благодарю судьбу, Ашхэн, теперь ты свободна.

Лошади бежали быстро. К полудню маленький караван прибыл на кочевье невидов, раскинувшееся на зеленом полуувзгорье. Внизу струилась веселая речка, у которой дремали на жарком припеке осовелые овцы...

Вспомнила все это Ашхэн, и легче стало идти. Почувствовала, что свободна, забыла трудности дороги и подтянулась... Шут-

ники приближались к резиденции маршимуна. Саркис уверял, что скоро покажется селение.

— Вот и Кудчанис, — сказал наконец иезид, указывая рукой вперед, где в темноте едва заметно мигали слабые огни, — теперь идите одни, а я двинусь в обратный путь. Не надо, чтобы меня здесь видели люди.

— Не боишься, Сулейман, возвращаться домой один? — ворчливо спросил Саркис.

— Дело привычное. Чего бояться? Кинжал при мне, живым в руки не дамся.

— Спасибо тебе, добрый человек, кланяйся Джангир-аге, да крепко поблагодари его за дружбу. В долгу не останемся...

— Он у нас смелый. Турок шибко не любит. Ведь они отца и деда зарезали...

— Ну? А ведь ни одним словом не обмолвился об этом! — задумчиво произнес Саркис, прощаясь с иезидом.

Бодро продолжал путь Саркис, довольный, что вызволил армянку от курдов, а в усталом сознании Ашхэн крепла детская уверенность, что в мире нет ничего лучше любви к своему народу.

РАССКАЗ АШХЭН

Радовались Врамьян и Кэт. Радовались маршимун и его родные. Радовался весь Кудчанис, узнав, что удалось вырвать Ашхэн из рук мусульманина. Надо знать христиан Турции, чтобы понять историческую силу этой радости. Был праздником праздник. Молились иступленно в церкви, поздравляли друг друга, пили под веселые песни кислое красное вино.

Маршимун устроил званый обед в саду. Все уделяли особое внимание Ашхэн. Ужилась она от непривычной обстановки. Хмурилась под пристальными взглядами молодого патриарха и его братьев, краснела от похвал. С болью в душе сознавала девушка, что далеко ей до брата, такого образованного и взрослого, и многого

из его разговоров с Кэт она не понимала, хотя при ней они все время говорили по-армянски.

Айсоры допытывались у Ашхэн, что говорят курды о войне.

— Только и говорят об этом, — отвечала она, — думают, что война между Россией и Турцией не за горами. Готовятся перебить тогда всех армян, айсоров, иезидов и поживиться. Собираются ту-рок прогнать к морю и устроить свое царство. У всех на языке Абдур-Резак, песни о нем поют, султаном величают. Проклинают Андроника и Дро за то, что они готовят армян к войне.

— Знают, собаки, что не им тягаться с Андроником и Дро, — с сердцем сказал покрасневший маршимун. — Как только война вспыхнет, отплатим туркам и курдам!

После обеда, когда гости разошлись, Ашхэн, Кэт и Врамьян ушли в дом и расположились на балконе.

Вечерело, внизу в ущелье бурлил поток, и из селения доносились резкие песни айсоров.

— Расскажи нам, Ашхэн, про все твои мытарства среди курдов, — ласково обратился Врамьян к сестре.

— Не умею я складно рассказывать, да ей и скучно будет слушать, — ответила Ашхэн, указывая на Кэт.

— Напротив, милая, мне будет очень интересно узнать о вашей жизни в неволе!

— А вам не все ли равно?

— Какая вы неговорчивая, Ашхэн!

— Я привыкла говорить то, что думаю, и другого обращения с людьми не знаю. У кого мне было научиться хорошим словам?.. Коли охота вам слушать, пожалуй расскажу, как умею...

— Только все, без утайки, — сказал, улыбаясь, Врамьян.

— Ты помнишь, Геворг, тот день?.. Мне было лет восемь или семь, не больше... Я помню, как мы с тобой пасли коз и бегали купаться в озере. Помнишь, как ты сердился, что я подолгу сижу в воде, а сам оставался в воде куда дольше?.. Даже помню, какой

обед был в тот день и как «майрик»¹ хлопнула тебя по затылку, когда ты стал бросать в кошку шариками хлеба. Помнишь?..

— Помню, милая, все помню...

— Потом наступил вечер, налетели курды... Я спряталась с другими девочками у Мартироса в амбаре, что стоял за черешней позади нашего дома. Долго просидели мы там, томились от страха и горько плакали. А кругом не переставали стрелять. Было слышно, как кричали и стонали на улице люди. Жалобно вопили женщины и ребятишки. Было так боязно сидеть в темном амбаре...

Потом на улице стало потише, и мы немного успокоились. Когда в щели амбара стал проникать свет зари, к нам ворвалось 3-6 курдов, которые стали рыскать по всем углам. Лица у них были зверские, красные, руки в крови. Один схватил меня и вытащил наружу. Что потом было, хорошенько не помню. Когда опомнилась, увидела себя на лошади за спиной плечистого курда, который крепко придерживал меня одной рукой, чтобы я не свалилась. Кругом мелькали горы и скалы, только не наши, а чужие. Рядом ехал молодой курд и вел в поводу лошадь, навьюченную награбленным добром. Я зажмурила от страха глаза и не подавала голоса. Долго ли мы ехали, не помню. Наконец остановились вблизи порванных бедных шатров, из которых выскочили злые женщины. Курд спустил меня к ним на руки и что-то сказал. По-курдски я в то время ни слова не понимала. Женщины увели меня в шатер, долго рассматривали мое платье, потом сняли с меня платок и взамен дали какую-то грязную тряпку. Тут, как я ни была мала, поняла весь ужас случившегося, и плакала... Кинули мне хлеба, но я не могла есть и все просила пить. На следующий день я свалилась и долго проболела. Курдинкам должно быть моя болезнь была не по сердцу. Иногда подходили ко мне, толкали ногами и кидали, как щенку, куски хлеба. Сильно я тосковала по родным и по Карадашту. Стала мало-помалу поправляться, но на ногах держалась с трудом и все больше ползала.

---

¹ Мать.

Когда немного окрепла, стали меня посылать в горы пасти коз и овец. Дадут на день хлеба, чашку для воды и выгонят на пастбище. Там мне было лучше уже потому, что не видала около себя этих злых курдинок. Собирала цветы, гонялась за ящерицами... Захочется есть — выдою в чашку козу, вот и сыта... Воздух в горах такой чистый, небо синее-синее и на каждом шагу ключи с холодной, вкусной водой. Были мы в то время высоко в горах, потом стали спускаться все ниже и ниже, задерживаясь в тех местах, где травы были позеленее. Глубокой осенью спустились в равнины около Джуламерка. Над полями стояли по утрам густые туманы, дул сильный ветер, одолевали дожди. Ведь попала я к бедным курдам, можно сказать, нищим. Зорко следили они за мной, чтобы не сбежала. Частенько били, особенно, если овца отобьется от стада или волки уволокут козу. Я стала хорошо понимать по-курдски. Бывало, как начнут ругать армян, я заплачу и убегу в поле. И за это били... Зимой совсем плохо жилось. Землянки худые, дым в глаза лезет, вонь, духота, а выйти наружу — холодно. Одежонки никакой не было. Так я прожила целых шесть лет и сделалась пастухом.

Когда подросла, стали на летних кочевьях приставать ко мне парни, в особенности один не давал мне проходу. Облапит, тискать начнет, драться... Сильная я была, злая, быстрая. Бывало, как увижу его, брошусь бежать в горы, и след простыл... Как-то тайком пробрался он ко мне и давай приставать. Я вырвалась и отбежала к обрыву. Посмотрела вниз, а у самой даже в глазах зарябило от страха: отвесная круча и дна совсем не видно, только слышно, как внизу вода шуршит по камням. Подбежал ко мне этот курд и облапил. Я обозлилась, схватилась с ним драться, откуда только силы взялись?.. Улучила удобную минуту и столкнула его в пропасть. Он только руками махнул, и след простыл... Одумалась, вижу, что дело дрянь. Если узнают, убьют, как собаку. Решила бежать, куда глаза глядят. Два дня шла без передышки. Шеребиралась через горные потоки, скользила по скалам, срывалась с откосов...

Ноги все оборвала, голодом мучилась, по ночам дрожала от стужи. А кругом все горы и горы... Наконец из сил выбилась, легла. Пусть, думаю, умру здесь, и хорошо будет. Только вижу, что спускаются с вершины трое курдов с винтовками и тащут убитого горного козла. Приметили меня издали и подошли.

— Откуда ты, девушка?

— Заблудилась в горах, а пришла из долины.

— Айсорка или армянка?

— Армянка, — отвечаю. — Дайте мне хлеба, а то вот уже три дня ничего не ела.

Дали мне курды черствого хлеба и велели идти за ними. Привели в свое кочевье, сдали женам.

— Вот, говорят, аллах вам подарок прислал. Эти курды куда добрее были. Одна курдинка, жена молодого хозяина, даже полюбила меня, и жили мы с ней душа в душу. Одних лет со мной была, и такая красивая, веселая... Бывало, все песни поет. Мужа неделями дома не было, все уезжал по каким-то делам в Ван. Попросила я его, чтобы узнал он там про Карадашт и про моих родных. Он первый привез мне весть, что майрик¹ и хайрик² были убиты, а что тебя подобрали американцы, поместили в приют и устроили в школу... И так мне тогда захотелось учиться!.. Попросила я свою хозяйку, чтобы она уговорила мужа привести мне из Вана армянский букварь. И что же вы думаете? Курд раздобыл мне книжку. Буквам я еще от хайрика с тобой научилась и ничего не забыла. Так понемногу научилась я читать и писать. Спасибо Мустафе, что частенько мне разные армянские книжки из Вана привозил. Хорошо он ко мне относился. Не раз просила я его отпустить меня на волю. Все собирался это сделать, да почему-то медлил...

После двух лет, что прожила я с ними, стал Мустафа на меня заглядываться.

---

¹ Мать.

² Отец.

— Хочу на тебе жениться... согласна быть моей женой?.. — сказал как-то, а сам смеется...

Как услышала курдинка эти слова, схватила кинжал и крикнула мужу с сердцем:

— Попробуй только... Зарежу ее своими руками, как паршивую овцу...

Мустафа ответил, что он просто сбреднул это в шутку. Однако, курдинка с этого времени сильно изменилась ко мне, и дружба моя с нею кончилась.

Немало времени прошло после этого случая.

Зимами, как всегда, мерзли мы в долинах, а по веснам уходили со стадами на кочевья в горы и забирались под самые снега. Жилось мне хорошо, курды всем со мной делились.

Заехал как-то к нам на кочевье с охоты Омар-бей со своими всадниками. Главным он считается у курдов. Зашел в наш шатер и говорит Мустафе:

— Прослышал я, что у тебя армянка какая-то живет... Что же это ты прячешь ее ото всех?

— Что ты, ага, вот посмотри на нее! — сказал Мустафа и, взяв меня за руку, толкнул в его сторону.

— Отпусти-ка ее ко мне! А то жены у меня сильно скучают. Будет забава для них. Сколько хочешь за нее? — и с этими словами бросил ему на ковер горсть золотых лир.

— Твоя воля, ага, хочешь — бери, хочешь — нет, мой дом — твой дом, — ответил Мустафа, не подобрав денег.

— Ну, а ты, девушка, согласна уехать со мной?

— Разве не видишь, — ответила я ему, — что у меня своей воли нет!.. Сперва отпусти меня на свободу, тогда и спрашивай о моем согласии, а попусту языком чесать — немного чести для тебя.

— На язык ты, вижу, дерзкая. Значит, знаешь себе цену... Собирайся-ка поживее да айда с нами... у меня тебе хуже не будет.

Таким образом очутилась я у Омар-бея, да видно судьба сжалилась надо мной и послала тебя спасти от курдов.

ЛЮБОВЬ МАРШИМУНА

Ашхэн кончила свой рассказ, щеки ее пылали румянцем, глаза искрились и грудь тяжело дышала.

Врамьян притянул к себе сестру, долго смотрел на нее, потом крепко обнял и сказал:

— Теперь только смерть разлучит меня с тобой. Мы будем всегда вместе: ты, я и Кэт...

ЛЮБОВЬ МАРШИМУНА

Жизнь в Кудчанисе, в покоях маршимуна проходила однообразно. Вставали рано утром, пили чай с душистым медом, которым так славится Кудчанис, и шли гулять в горы. Там расставляли сети на горных куропаток, или, укрывшись от солнца под скалами, лениво переговаривались и без толку шутили. Кэт, Ашхэн и Врамьян, рана которого зажила, обычно оставались в горах до полудня и возвращались домой к обеду. Эти прогулки были по душе Кэт. Она взбиралась вместе с Ашхэн на вершины скал и подолгу любовалась оттуда синими далами гор.

Врамьян, опасаясь разбередить рану, остерегался следовать за ними на кручи и следил снизу за их движениями. На сердце у него было спокойно, как никогда. Кто совсем не тревожили мысли о будущем. Он как бы ощущал, что держит в руках ключ от своего будущего, и был счастлив дышать одним воздухом с близкими людьми.

К обеду все собирались на открытую террасу, куда приносились огромные блюда с рисом, каймаком и овечьим сыром. Мясо не подавалось.

После обеда к Врамьяну обычно приходили больные и он, внимательно выслушав их, снабжал лекарствами. Слух о нем, как о хорошем враче, быстро распространился по всем айсорским селениям, и люди спускались к нему с кочевий за помощью.

На Востоке, где человек часто лишен врачебной помощи, появление доктора особенно ценно и к врачам питают большое ува-

жение. Айсоры полюбили Врамьяна и относились к нему с полной откровенностью.

Положение Кэт было много хуже. Хотя она и не занималась больше религиозными делами, окружающие не могли забыть о ее близости к миссии в Ване. Тем более были удивлены Гезорг ее внезапной дружбой с Нигер.

— Уж не удалось ли вам развратить бедняжку обещаниями протестантского рая? — спросил он однажды молодую женщину, полушутя, полусерьезно.

Кэт покачала головой.

— О, нет! Она сама донимает меня вопросами веры. Не могу я понять эту девушку! Она все чего-то не договаривает, а вчера совсем поразила меня своей выходкой. Мы сидели с ней на лавочке около дома и мирно беседовали, когда заметили маршимуна, возвращавшегося вместе с Ашхэн из церкви. Кстати сказать, я думаю, что патриарх весьма неравнодушен к вашей сестре!

— Вот уж не ожидал! Не задумал ли он сделать Ашхэн несторианкой? — смеясь, сказал Врамьян.

— Это было бы естественно, — улыбнувшись, ответила Кэт. — Так вот, когда Нигер увидела их, она сразу изменилась в лице и впала в какое-то нервное состояние. Заметив мое удивление, она сказала, что маршимуну непозволительно любезничать с женщинами, что это может погубить его и весь айсорский народ. Маршимун, по ее словам, должен быть святым и безгрешным.

— Хорош святой!. Он меня только и расспрашивает про театры, кафе и хорошеньких женщин в Америке!

— Но очевидно айсоры считают своего патриарха святым и опасаются, что за его грехопадение бог накарает айсорский народ... Так мне объяснила, по крайней мере, Нигер.

— В таком случае ваша Нигер действительно святоша! Думать при ее молодости о таких вещах может только изуверка...

— Вообще ее очень трудно понять. Мысли ее как-то обрывочны и неясны. Чем больше я говорю с ней, тем больше теряюсь в догадках... Вот и Сурьма-ханум почему-то не долюбливает ее и

уверяет, что я напрасно теряю с ней время. Раньше она не бывала в доме маршимуна и повидимому Сурьма-ханум не особенно довольна ее частыми визитами ко мне. Пожалуй, действительно она думает, что я хочу сделать ее протестанткой.

— Возможно и это, — поддакнул Врамьян.

— Нет, мой милый друг! За это время я много передумала и охладела к миссионерскому делу... Даже дневник свой забросила, а ведь мы обязаны заносить в него все наши успехи и неудачи.

— Так о чем же вы целыми часами толкуете с Нигер?

— Ну, как бы вы думали? Эта молодая и сильная девушка только и говорит, что о смерти. Мне иногда думалось, что ей очень тяжело живется в домашней обстановке, но оказалось, что наоборот, она единственная дочь у отца, который живет в достатке и очень ее любит...

— Вот наша Ашхэн совсем другая, — в раздумьи сказал Врамьян, — она полна жизнерадостности, с интересом присматривается к новой обстановке и быстро усваивает наши понятия... Одно только огорчает меня — у нее слишком болезненно развито национальное чувство. Людей для нее не существует, а существуют только армяне.

— Может быть это результат тяжелой жизни в неволе, среди постоянных насмешек курдов над армянским народом, — сказала Кэт.

— К этому надо добавить сознание, что жизнь среди курдов лишила ее возможности учиться. Ашхэн перечитала все, что было у меня из армянских книг; я часто видел, как по ночам она переписывала их лист за листом, очевидно с целью научиться грамотно писать...

— А сколько она знает уже английских слов и какая у нее прекрасная память! — добавила Кэт.

Ашхэн действительно не теряла времени даром. Ее природный ум и чисто курдская наблюдательность помогли ей быстро освоиться в новой обстановке. К брату она относилась с большой любовью и подружилась с Кэт. Поняв существовавшие между

братом и американкой отношения, она смотрела на Кэт, как на сестру, и делилась с ней своими радостями и печалами.

Ашхэн любила помечтать о близкой войне между Россией и Турцией и о долге армян отплатить туркам и курдам. В этом вопросе ее всегда поддерживал маршимун, который, как и она, был болен темной ненавистью к мусульманам и доказывал необходимость совместных действий христиан против Турции.

Как-то она сидела с ним на краю обрыва около дома и разговаривала о грядущей войне. К ним подошли Кэт и Сурьма-ханум.

— О чем толкуете? — полюбопытствовала Сурьма-ханум.

— Да, как всегда, насчет нашей тяжелой жизни и о том, что войне неминуемо быть, — сказал маршимун.

— Все равно словами не поможете, — засмеялась Сурьма.

— Делами поможем, — резко перебила ее Ашхэн, — разве нас мало?.. Разве русские христиане нам не помогут?..

— Шу, на русских не особенно-то рассчитывайте! Если они и завоюют страну, то нам от этого лучше не будет. Посмотрите-ка, что делается на Кавказе. Разве грузины и армяне не стонут там под их пятой?..

В это время из-под обрыва пронеслась в вечернем воздухе задорная песня. Голос звучал сильно и гневно. Все невольно взглянули вниз.

Нигер стояла на камне и вызывающе дерзко смотрела на сидящих у обрыва. Волосы ее трепал ветер, руки вздымались к небу и казалось, что ею владело безумие.

— Как она красива в этой позе и какой сильный голос! — воскликнула Кэт.

— У нас, горцев, голоса сильные, только владеть ими мы не умеем, — заметил маршимун и, поднявшись, направился к дому, смущенный и озадаченный.

— Когда же мы выедем из Кудчаниса? — спросила у Кэт Ашхэн.

ЛЮБОВЬ МАРШИМУНА

— Давно бы пора, да маршимун все удерживает. Говорит, что он не отпустит нас так скоро от себя... Думаю, что ему больше всего жаль расставаться с вами, — сказала Кэт, заглядывая в глаза Ашхэн.

— На что я ему?

— Очевидно любит беседовать с вами о политике...

— Насчет разговоров он не очень силен; я пожалуй не меньше его понимаю, что сулит армянам и айсорам будущая война.

Подошел Врамьян, кончивший прием больных, и разговор снова зашел об отъезде.

Решили выехать из Кудчаниса в Тиари через три дня и остановиться там у медика Исмаила, который через своего сына просил гостей маршимуна быть и его гостями.

На дворе темно. Поднялся сильный ветер, который заставил Врамьяна, Кэт и Ашхэн вернуться домой.

Между тем маршимун, крадучись и прячась от людей, пробрался в ущелье, где нашел Нигер, которая, приткнувшись к камню, горько плакала.

Он поцеловал горячие губы девушки и зашептал ей:

— Зачем ты мучаешь меня, Нигер, зачем отталкиваешь от себя, зачем в то же время следишь за каждым моим шагом, ревнуешь к каждой женщине?.. Разве не для того ты навещаешь миссионерку, чтобы выпытать что-нибудь обо мне?.. Зачем ты все это делаешь, Нигер? Напрасно только тревожишь и себя и меня... Шу, прижмись же ко мне, моя ласточка!

— Уходи, Веньямин, не трогай меня... Любила я тебя и люблю сейчас, но быть твоей любовницей больше не могу. Нельзя, нельзя!.. Из-за меня погибнешь ты и весь народ твой. Спроси стариков, они расскажут тебе, как гневался бог на твоих предков за такие дела и как карал айсоров. Беги от соблазна, Веньямин, беги от женщин... Помни, какой сан на тебе! Если замечу тебя еще раз с другими женщинами, не пережить мне этого!..

— Слушай, Нигер, брось говорить пустые слова: бог, марши-мун, грех... Все это вздор! Мир создан прекрасным для всех. Разве грех, что я люблю тебя, Нигер, и кто может запретить мне это?

— Старики покарают тебя!

— Да кто видит, кто знает наши дела?

— Все знают твою склонность к женщинам. Разве люди не подмечают, какими глазами ты смотришь на них... Беги от женщин, Бенъямин, беги дальше в горы! Оставь меня и не забывай, что ты святой!

С этими словами Нигер вырвалась из рук озадаченного любовника и скрылась в ночной тьме ущелья.

Долго звал ее марши-мун, молил вернуться, но темная ночь безучастно смотрела ему в глаза и смеялся ветер над томлением его тела. Усталый он прилетел на камень. Тупо смотрел на темное небо и проклинал случай, надевший на него мантию патриарха. Измученный ожиданием, забылся он в тяжелом сне прямо на камне. Шакалы подходили к нему и осторожно обнюживали его ноги в крагах. Дико ужал поблизости филин.

ПО ПРИТОКАМ ТИГРА

Кэт долго колебалась и недоумевала.

— Геворг, Ашхэн найдена, моей миссионерской работе пришел конец. Ехать ли дальше?

— Ехать, Кэт.

Она продолжала глядеть широко раскрытыми прозрачными глазами.

Врамьян улыбнулся и твердо сказал:

— У меня своя миссия. Я хочу использовать маленькую часть денег, которую американцы предоставили в мое распоряжение. Это счастливый случай для меня и для этих мест, где никогда не бывало врачей.

— Врачей? Разве нет больниц у миссии?

— Есть. Для тех, кто имеет средства добраться до них, или тех, кто согласен унижаться и лицемерить.

Она нахмурилась.

Врамьян холодно продолжал:

— Голубчик, Кэт. Врач, напевающий больному, что все от бога, и врач, хорошо вооруженный одним лишь точным знанием, — совсем разные вещи. Я должен ехать с миссией, противоположной вашей, и вы поедете со мною, чтобы было кому проводить вас обратно в Ван.

Она радостно согласилась.

В день отъезда маршимун подарил Кэт на память старинный манускрипт, написанный от руки на пожелтевших листах пергамента. Врамьян получил белые шальвары из козьей шерсти, расшитые шелком, а Ашхэн — кусок синей шерстяной материи местной работы.

Сурьма-ханум с раннего утра была в хлопотах и не знала, чем угодить своим гостям. Она наделила каждого варешками из козьего пуха, и наготовила провизии на дорогу по крайней мере на целую неделю. Маршимун заявил, что он сам поедет в Тиари и проводит гостей до Чампы, где жил мелик Исмаил.

Кэт и Врамьян очень сожалели, что с ними нет Саркиса, который вернулся в Ван, получив известие о болезни своей жены. Но Абрам ехал с ними. Он с утра хлопотал около мулов, навьючивая их вещами и палатками.

Караван двинулся из Кудчаниса на заре. Было пасмурно, и вершины гор спрятались за тучами. Дорога шла берегом быстрой речки среди сплошных зарослей ежевики.

Маршимун, одетый в серый английский костюм, ехал на белом муле рядом с Ашхэн. Несколько раз патриарх слезал с седла, рвал цветы и любезно подносил их своим спутницам.

Он не подозревал, что ползком, как куница, кралась за караваном по колючей ежевике Шигер. Волосы ее были растрепаны, глаза блуждали. Раздвигая руками цепкие кусты, она ловила каждый взгляд, каждое слово патриарха, который, не переставая, болтал с Ашхэн. Когда Шигер увидела, что он сунул в руки сво-

их спутниц цветы, она со стоном покатилась на топкую землю и забила в слезах...

В это время Кэт и Врамьян переговаривались о своих планах на будущее.

— Когда вернемся в Ван, вам придется, Кэт, разрубить узел сразу, а затем мы уедем куда-нибудь, захватив с собой Ашхэн.

— Конечно мне придется сказать мистеру Брауну прямо и ясно, что нам необходимо расстаться, — подтвердила Кэт.

— Как могли вы, Кэт, выйти замуж за человека, которого не любили, — в тысячный раз сказал с упреком Врамьян.

— Ведь мать моя была миссионеркой и, по правде сказать, настоящей миссионеркой, ленивой, придирчивой, вечно возбужденной. Мистер Браун казался ей человеком необычайного ума, безукоризненной нравственности и крепких устоев. Она на все глядела его глазами и даже говорила его словами. Когда мать заболела тифом, она позвала к себе мистера Брауна и сказала, что умрет спокойно только тогда, если он женится на мне, — он утешил ее последние минуты своим согласием. Тогда она передала ему на хранение свой жалкий капитал в 10.000 долларов и со слезами на глазах высказала мне свою волю в самой категорической форме.

Вот простая история моего брака. Я поняла потом, что жизнь заслонена от меня какими-то ширмами, за которыми волновался иной мир, полный страстей, мир, который тянул к себе мои мысли, так как природа наделила меня человеческими чертами...

Кэт замолчала и видно было по ее лицу, как трудна для нее эта исповедь...

Дорога, свернув от реки, круто пошла в гору. Караван подъехал к высокой скале, которую нельзя было миновать и вдоль которой, на головокружигельной высоте, была умело продолжена с помощью кирпичной кладки обходная тропинка.

— Эта скала называется «скалой сборщиков податей», — сказал маршимун, — так как турецкие чиновники, посылавшиеся султаном в наши края для учета населения, дальше этой скалы

никогда не продвигались; при их приближении айсоры разбирали кирпичные устои и путь в эти горы был отрезан надолго.

Мулы с необычайной осторожностью двигались по опасной тропинке. Внизу зияли темные ущелья и где-то поблизости рычал Большой Заб, преодолевая каменные преграды. Отсюда собственно и начиналась область «независимых айсоров».

Миновав благополучно опасное место, караван очутился в широкой лощине, откуда открылся красивый вид на Большой Заб, сжатый отвесными утесами. Столпившиеся к югу горы, в центре которых чернели мрачные массивы Джелу и Дурика, казались совсем близко. Солнце жгло немилосердно. Грустно ворковали горные голуби, укрывшиеся в темных скважинах гор.

В небе неподвижно стояли причудливые слоистые облака. Высоко парили орлы и переносились, как дикие видения бреда, потревоженные дикие козы.

Тропинка незаметно снизилась к Забу в том месте, где он высвободился из теснин и запенился среди зеленых виноградников и узких полей кукурузы.

Вблизи селения Вемерига, где предполагался первый ночлег, внимание путников было привлечено необычайным зрелищем.

Вокруг орехового дерева, одиноко стоявшего на высокой горе, бегал какой-то человек в лохмотьях и оглашал горы звериным воем. Вид его был поистине ужасен.

Все невольно обратились с вопросом к маршимуну, который объяснил, что у айсоров существует обычай приковывать к деревьям в горах опасных сумасшедших. Большинство умирает, но случается, что некоторые поправляются, и тогда с них снимают цепи.

Подошедший пастух рассказал, что этот безумный был приведен сюда дней десять тому назад. В припадке ревности он убил свою жену, и когда выяснилось, что она невинна, — он лишился рассудка, зарезал своего единственного ребенка и задушил соседа.

Прикованный к дереву, он ничего не ест и не пьет, а только кричит дни и ночи звериным голосом или грызет зубами ствол и корни...

В ГОСТЯХ У МЕЛИКА

Исмаил-бей, мелик Тиари, узнав, что маршимун со своими гостями ночует в селении Бемериге, выехал к нему навстречу с таким расчетом, чтобы встреча произошла на полпути между Бемериге и Чампа, где он постоянно проживал.

С ним отправились его взрослые сыновья и много тиарийцев, пожелавших выказать знаки особого почтения своему патриарху.

Мелик Исмаил, человек лет 60, был типичный горец. Высокий, худой, с правильными чертами лица, он производил бы хорошее впечатление, если бы не его чрезмерная сухость с людьми, высокомерие, и та особая подозрительность, которая вообще свойственна горцам. Он принадлежал к старинному роду, был в родстве с маршимуном и славился своим упорным характером.

Все свои надежды он возлагал на горные тропы и не допускал пропаганды миссионеров в своем округе. Особенно он ополчился против них с тех пор, как его сосед мелик Тхума, по имени Берхо, сделался католиком. Правда по его требованию маршимун назначил в Тхум другого мелика, но между двумя сильными соседями на этой почве шла упорная глухая борьба!

Дед мелика Исмаила воевал когда-то со знаменитым курдским вождем Вадер-ханом, восставшим против турок и подчинившим себе одно время почти весь Курдистан.

Всадники Вадер-хана нанесли жестокое поражение айсорам. Мелик скрылся на недоступной горе. Вадер-хан поклялся, что не причинит мелику никакого вреда, если тот добровольно спустится с горы для переговоров. Мелик, поверив клятве, спустился в долину для свидания с курдским вождем, который заявил ему, что согласен исполнить все желания айсоров, при условии, что мелик перейдет в ислам.

— Я сам дам тебе все, что ты пожелаешь, если перейдешь в христианство, — злобно съязвил мелик.

За этот ответ мелик и сопровождавшие его айсоры были перебиты курдами, и с той поры мелики Тиари кичатся своим про-

исхождением. Жители айсорских селений, расположенных по берегам Большого Заба, проводят летние месяцы в соседних горах, так как жизнь у реки крайне тяжела, вследствие нестерпимой жары и массы малярийных комаров. Сельчане уходят в горы со своими стадами и живут там на свободе весело и праздно, как курды. Те, кто для охраны жилищ остаются в селениях, изнывают от духоты и болезней. По ночам спасаются от комаров на вышках, устроенных из четырех высоких столбов с особой настилкой наверху, сделанной из туго переплетенных ветвей и приспособленной для сна.

В Бемериге Кэт, Врамьян и Ашхэн забрались вечером на такую вышку и с удовольствием растянулись на плетенке, куда не долетали назойливые комары.

Беседа зашла о совместной поездке в Европу, Ашхэн резко высказалась против:

— Разве ты, Геворг, не знаешь, что турки и курды собираются перебить всех армян?.. Разве забыл, что мусульмане убили твоего отца и мать, и не будешь им мстить за это? Опомнись, брат, в такое время твое место здесь. Скоро будет объявлена война.

— Если будет война, Ашхэн, — мое и твое главное дело не допускать хотя бы в наших тесных пределах новой резни. Мстить курдам за родителей, чтобы они мести потом твоим детям? И опять все сначала? Старая вражда армян с турками — плод чудовищного человеческого недомыслия и больше ничего. Вера не стоит ни одной капли крови последнего преступника, Ашхэн. А национальная рознь должна прекратиться, как прекратятся старые общественные отношения. Ты еще ребенок, сестра, ты многого не понимаешь, ты поймешь, когда научишься думать...

Ашхэн исподлобья поглядела на брата. Геворг замолчал и вдруг неприятно почувствовал пропасть между собой и Ашхэн, больше того, с ужасом и болью ощутил даже неприязнь к угрюмому, синеглазому ребенку...

Быстро и без отдыха промелькнула короткая, летняя ночь. С первыми лучами солнца караван двинулся в Чампу.

Несмотря на все предосторожности Абрама, один мул, навьюченный палатками, сорвался в глубокую пропасть. Айсоры, сопровождавшие пешком маршимуна, спустились на дно ущелья и приволокли оттуда растрепанные лохмотья палаток. От мула, по их словам, остались лишь окровавленные стрепья кожи и куски костей.

В том месте, где тропинка поворачивала в Чампу, в тесной ложбине поджидал маршимуна мелик Исмаил со своими айсорами. Заметив издали караван, айсоры подняли стрельбу из винтовок и приготовились к закланию в честь патриарха белых барашков.

Торжественная встреча была повидимому в тягость Маршимуну. Он мало говорил с айсорами и все свое внимание уделял попрежнему спутникам.

Не направилось это мелику Исмаилу. Он отвел патриарха в сторону и высказал свое удивление видеть его одетым в непристойный костюм и не отходящим от женщин.

— Ты всегда, Исмаил-бей, делаешь мне замечания по поводу женщин, не замечая того, что для меня не существует разницы между ними и мужчинами. Не суди обо мне по себе, — отгрызнулся маршимун.

— Не говори так. Молод еще учить меня. Для нашей общей пользы оберегаю тебя от ошибок. Не забывай о своем сани и будь осторожен в своих поступках и словах, если хочешь, чтобы айсоры платили тебе решиту¹.

После такого нравоучения маршимун спешно вступил в разговоры с айсорами, расспросил об их нуждах и туманно обещал не увеличивать налогов.

Круглым спуском караван сполз к реке, на противоположном берегу которой растянулась среди виноградников зеленая Чампа. Под высокой сосной одиноко серел двухэтажный дом мелика Исмаила, сложенный из необтесанных, тяжелых камней.

---

¹ Подать.

Через Большой Заб был переброшен оригинальный мост, о котором нельзя не упомянуть, так как пожалуй подобные сооружения не часто встречаются в мире.

Река бешено бурлила, кидаясь из стороны в сторону среди отвесных скал. Там, где берег несколько снизился, была найдена для моста опорная точка, в виде свалившейся скалы, глубоко осевшей в воду. На скале был искусно выложен устойчивый столб из сырцового кирпича. На другом берегу реки был сделан второй такой же устой. На этих устоях лежали по несколько длинных бревен, концы которых, скрепленные канатами, были завалены на берегу каменными глыбами. Концы же бревен, висевшие над Забом, соединялись между собой переброшенной через реку плетенкой шириной не более аршина, сделанной из прутьев ивняка, и без всяких ограждений с боков. Когда идешь по такому мосту плетенка пляшет под ногами, и малейшее неверное движение сбрасывает человека в реку, на торчащие из воды острые камни.

Айсоры, с ловкостью кошек, перебежали через мост. Кат и Врамьян долго не решались идти по нему, но, так

Мост через Большой Заб, приток Тигра (в Мезане) как другого выхода не было им, волей-неволей, пришлось взять себя в руки. Зато Ашхан совершила свой переход через мост так же легко, как и айсоры.

Развьюченных мулов загнали в воду и заставили перейти реку вброд. Быстрое течение отнесло их довольно далеко, но умные животные все-таки благополучно выбрались на противоположный берег, три айсора бережно перенесли багаж через мост и доставили его в дом мелика Исмаила, похожий на крепость. В стенах дома чернели узкие окна и ряд круглых отверстий, из которых так легко отстреливаться от врага.

Айсорские дома обычно состоят из одной комнаты и обширной, прилегающей к ней передней. Комната предназначена для летнего жилья и имеет только три стены. Зимой четвертая стена заменяется частой плетенкой из ивняка. Полы в комнатах сдела-

ны из глины, которая так хорошо уплотняется, что в домах почти не заметно пыли.

Одежда и украшения айсоров мало чем отличаются от армянских и курдских. Мужчины не стригут волос и носят две или три длинных косы. Бороду имеют только духовные лица и старики. Айсоры носят белые остроконечные шапки из войлока, которые напоминают головные уборы на древних ассирийских барельефах.

Почти в каждом доме имеется винтовка; насилие в горах — обычай, а сопротивление злу — верная гибель.

Патриархальный уклад семьи еще сохранился среди айсоров. Часто можно встретить семью из 30—50 членов. Полнота власти сосредоточена в руках отца. Мать руководит внутренним порядком дома. Как и у армян, невестки долгие годы не имеют права вступать в разговор со своим свекром и свекровью. Женщины обедают отдельно от мужчин. Даже жены меликов исполняют сами всю черную работу по дому. Дети воспитываются в воинственном духе. Едва мальчику минет 9—10 лет, он получает в подарок от отца лук и начинает охотиться за птицами. Когда он подрастет, кривой кинжал становится необходимой принадлежностью его костюма.

Юноша, достигший совершеннолетия, не расстается с винтовкой и при всяком удобном случае готов показать свое искусство в стрельбе.

Мелик Исмаил устроил в честь маршимуна торжественный обед. Съехались соседние мелики и много духовенства. Обращал на себя общее внимание свирепый на вид малик Хошаба, приехавший вместе со своей красавицей женой.

Личница на меду сверкала на солнце, как расплавленное золото, и стекала по пальцам.

Айсоры горланно галдели о набегах курдов.

— Хорошо, если бы американцы помогли нам справиться с курдами, — шутя обратился маршимун к Кат.

— Постараемся сделать это с помощью бога, — ответила американка, опустив глаза.

СМЕРТЬ НИГЕР

Врамьян с удивлением поглядел на нее.

— Много мы надеялись на бога да ничего из этого не выходит, — раздраженно сказал мелик Исмаил.

— Вам бы, миссионерам, вместо того, чтобы сманивать айсоров в свою веру, следовало научить и нас и курдов жить по-хорошему. Мало мы видим от вас толку, а зла от вашего золота так много, как воды в Забе. Католики смутили своими деньгами мелика Берхо и посеяли вражду между нами.

— Это католики. Мы не таковы, — робко заметила Кэт.

— Все вы листочки с одного стебля... Оставили бы нас в покое, и не срамились бы перед людьми.

Вечером, оставшись наедине с Врамьяном, молодая женщина сказала ему:

— Пора кончать. Вот я еще раз убедилась, что айсоры отвечают нам не любовью, а ненавистью.

Наконец-то, голубчик, вы поняли простую истину: помогать человеку — одно, а копошиться в его жизни — совсем другое. С помощью денег или насилия заставить людей делать то, что тебе по ограниченности кажется хорошим, это великолепное средство внушить им наконец отвращение, презрение и волю к борьбе.

— Разве? — нерешительно сказала Кэт и, взяв Геворга за руку, пошла с ним на соседнюю гору, над которой поднималась огромная, как солнце при закате, луна...

СМЕРТЬ НИГЕР

Разговоры с айсорами скоро наскучили маршимуну. Он предпочел на следующий день с утра отправиться в горы, поохотиться на куропаток. Ушел он один и просил мелика Исмаила не ждать его к обеду.

Из Кудчаниса тем временем приехал его брат Давид и, узнав, что маршимун на охоте, отправился его разыскивать. Давид имел очень озабоченный вид и не обмолвился ни одним словом с Геворгом и Кэт. Врамьян обратил на это внимание и сказал:

— Уж не случилось ли что-нибудь неприятное в Кудчанисе? Вид Давида не предвещает ничего доброго. К тому же он не предполагал приехать в Чампу.

Долго бродил Давид по взгорьям. Горные куропатки большими стаями поднимались из-под его ног, и, разбившись на стаи, рассаживались по вершинам скал, оглашая воздух металлическим цоканьем. Хорошо было в горах. Зеленые травы волновались и легкие облака, оторвавшись от гор, таяли в голубом просторе. Красные цветы горной гвоздики пахли перцем и тянуло медом от желтой сурепки. Давид от нечего делать поджег шапкообразный низкий куст смолистого растения, которыми был усеян весь склон горы. Растение вспыхнуло, как порох, и огонь стал перескакивать с одного куста на другой. Гора запылала сплошным костром. С треском выскакивали испуганные куропатки. Где-то поблизости раздался выстрел. Давид пошел по его направлению и увидел издали брата, который, нагнувшись над ручьем, пил воду.

— Ты как сюда попал, Давид? — с удивлением заорал маршимун.

— Только что приехал, чтобы сообщить тебе, что у нас в Кудчанисе не все благополучно.

— Что такое? Опять курды...

— Нет, Беньямин, — сказал Давид, — другое, совсем другое... Вчера в ущельи нашли Шигер, разбившейся насмерть... один ступок крови...

— Давид! — схватив брата за руки, простонал маршимун, и слезы брызнули из его черных глаз.

— Горе нам, горе, Беньямин... Все думают, что Шигер упала случайно со скалы и разбилась насмерть...

Маршимун присел на камень и горько заплакал.

— Ты говоришь, случайно...

— Все так думают и пусть думают, но это не так... Только я знаю всю правду, один только я... Даже Сурьме не сказал ничего, а тебе скажу. Шигер взяла с меня клятву, что я буду молчать, ничего никому не скажу, кроме тебя...

— Ох, как тяжело Давид... Как будто ноги отнялись... Дай руку, помоги встать.

Встал. Стоял несколько времени молча, собираясь с мыслями.

— Как же это случилось, Давид, рассказывай скорее...

— Третьего дня утром я встретил Нигер у источника «Грех пастухов»; там я резал камыш для дудок своим ребятам. Она подошла ко мне вплотную, взяла мою голову обеими руками, впилась глазами в мои глаза и сказала:

— Сегодня уже меня не будет с вами. Переменить ничего нельзя. Скажи Бенъямину, когда я умру, что я любила и люблю только его одного, им я жила, его дыханьем дышала... Большой грех лежит на мне и на нем. Этот грех я искуплю своей жизнью, чтобы люди не опорочили маршимуна и чтобы бог не отшатнулся от него и его народа... Скажи Бенъямину, умоли его, чтобы он никогда-никогда не соблазнялся женщинами.

Сказала это Нигер и стрелглаз убежала в горы. Бросился я за ней, но не мог догнать. Я долго ее искал, долго бродил по горам, кричал, звал и только поздно вечером вернулся домой. А тем временем прибежал в Кудчанис пастушонок и сообщил, что Нигер сорвалась с утеса и разбилась насмерть. Побежали люди и принесли из ущелья ее труп. Я плакал у обрыва, было мне тяжело, но я скрыл от людей свое горе, виду не показал, что мне многое известно, а ночью уехал к тебе.

Давид рассказывал о смерти Нигер, а крупные слезы неудержимо текли по его длинным щекам. Маршимун стоял с остекляневшими глазами. Вдруг он бросился на землю, схватил голову руками, и горы огласились воплем любовника, отвергнутого навсегда.

Уже темная ночь легла на высоты и крепко спала усталая Чампа, когда маршимун и Давид, спустившись в селенье, разбудили мелика Исмаила и сообщили ему, что по неотложным делам они должны чуть свет выехать в Кудчанис.

АЙСОРЫ

Утром мелик Исмаил сказал Врамьяну и Кэт:

— Маршимун просил передать вам извинение, что дела заставили его, не простившись, уехать в Кудчанис.

— Как жаль, что нам не удалось поблагодарить его, — воскликнула Кэт. — Не случилось ли что-нибудь?

— Не знаю, ничего не знаю... Разбудил меня ночью Давид, что-то сказал, а я со сна даже не разобрал хорошенько. Когда проснулся, маршимуна и след простыл... Дел-то у него не мало и забот по горло...

— Шокладистый он у вас все-таки, славный да несчастный, — искренне сказал Врамьян.

— Шокладистый-то он шокладистый, только молод очень, — грустно ответил мелик.

— Ну, это такой недостаток, который с годами проходит, — сказал Врамьян и стал расспрашивать мелика о жизни айсоров.

— Чем занимаемся?.. Мы сеем на этих горах скот и обрабатываем наши поля. Земли у нас, как видите, совсем мало. Поля небольшие, из наносной земли, которую удерживают ограждения из камней. А как пойдут осенние ливни, и потоки снесут эти камни, так снова приходится таскать землю на горы и готовить с большим грудом поля под посевы.

Сеем табак, пшено, пшеницу, рис, коноплю. Урожай правда бывает очень хорошие, но все же своего хлеба не хватает. Подвозим из долин, со стороны Амадии. Скотоводство нас выручает. Овец держим много, коз мало, коров и быков по пальцам пересчитать можно. Лошадей совсем нет. Кто побогаче, держит мулов. Разводим сады, виноградники и поддерживаем со старины пчеловодство. Орехов у нас в горах видимо-невидимо, яблок, вишен, абрикосов и гранат тоже вдоволь. Домашней птицы, кроме кур, не держим, чтобы не портили посев.

С наступлением зимы, когда дороги еще не совсем закрыты снегами, многие айсоры отправляются в Мосул, в Алеппо и на

Кавказ на заработки. Занимаются на чужбине плетением корзин, извозом, а больше мелочной торговлей. Весной возвращаются домой для полевых работ. Тяжело живется нам зимою. Такие мятели и бураны бывают, что люди целыми неделями из своих домов носа не показывают. К тому же часто случаются обвалы, от которых не мало гибнет людей. Но хотя и плохо у нас в зимнее время, зато спокойно, не боимся курдских набегов.

— Неужели вы всегда живете под угрозой? — спросил Врамьян.

— Иначе нельзя. Ведь курды окружают нас со всех сторон. Без стычек с курдами ни одно лето не обходится. Поэтому мы всегда наготове и хорошо вооружены. Раньше порох сами делали, а теперь привозим со стороны. Винтовки контрабандой получаем, больше из Персии.

— И прежде у вас была вражда с курдами?

— Всегда была... Первым меликом в Тиари был некто Вормиз. Напал на него Керим-хан из Джуламерка. Вормиз укрепился на горе Смадар и целый месяц воевал с курдами. Не могли они его осилить, но селения все разорили дотла. Когда Керим-хан вернулся к себе, мелик Вормиз спустился с горы, собрал вокруг себя уцелевших айсоров, основал селение Чампу и управлял ею до самой смерти. На пасху айсоры собираются на его могилу и служат по нем панихиду.

Мой дед также вел большую войну с Вадер-ханбаем. Теперь курды стали послабее, да и винтовок у нас побольше. Поэтому остерегаются открыто нападать на нас. Ну, а все же чуть не досмотрим, сейчас же баранту угоняют.

Поговорили немного и пошли втроем гулять к реке. Прибежала Ашхэн, разулась и, усевшись на камень, опустила ноги в воду. Форель то и дело точно перелетала через камни и забавляла Ашхэн своими смелыми прыжками. Мелик Исмаил на вопрос Врамьяна, как ловят форель, ответил, что сейчас покажет, как обходиться без сетей и удочек.

— Мы делаем так, что рыба сама плывет к нам прямо в руки.

Мелик кликнул своих сыновей, которые мигот прибегали на его зов. Они быстро набрали целые охапки пахучих, желтых цветов, вроде нашей арники, но только поменьше размером и бледней по окраске.

Оторвав от стеблей цветочные головки, сыновья мелика стали бросать их горстями в воду в тех местах, где течение не было слишком стремительно. Из-под воды высовывались рыбы, жадно хватая цветы и скрывались со своей добычей в глубину. Не прошло и нескольких минут, как одурманенная форель всплыла на поверхность воды брюшком кверху. Ашхан и молодые айсоры, стоя по колено в воде, без особого труда, извлекали из воды уснувшую рыбу и бросали ее в ведро с водой.

— Но ведь эту рыбу нельзя есть, она отравлена, — сказала Кэт мелику.

— Нет, не отравлена, а только одурманена. В свежей воде она быстро отойдет.

И действительно рыба, полежав в воде 10–20 минут, принялась бурно плескаться.

Мелик предложил гостям пообедать на берегу реки. Женщины притащили войлоки, расстелили их под высокой чинарой и зажгли костер.

Бли вкусную уху, сыр и сочный шашлык, по которому Врамьян и Кэт соскучились в доме маршимуна.

— Хорошо у нас в Чампе, — не без гордости сказал мелик Исмаил, — воздух, вода, виноград — нигде не найдешь лучше... А вот посмотрите-ка на эту штуку, — прибавил он, — показывая Врамьяну черную муху с тонким, как у осы, тельцем, по которому искрились красные пятнышки.

— Из этой мухи у нас делают лекарство против укуса бешеных собак. Эдва случится это несчастье, — а это бывает у нас часто, — сейчас же наловят таких мух, сделают из них закваску на кислом молоке и приготовят особое питье, которым станут поить

больного в течение двух недель. Это — древнее средство, и мы совсем не боимся бешеных собак.

Врамьян попросил сыновей мелика наловить для его врачебных опытов побольше целебных мух.

Хорошо было сидеть у воды. Комары еще не надоедали. Их время — перед самым закатом солнца.

Зная, что гости решили завтра утром двинуться в путь, мелик Исмаил долго уговаривал их погостить еще несколько дней в Чампе.

— Куда вам торопиться, — упрасивал он, — до осени еще далеко и дожди вас не захватят в дороге.

— Очень хотелось бы, да дела не позволяют. Нам необходимо поскорее добраться до Урмии. Ведь это не так-то близко, — сказала Кэт.

— Давайте подсчитаем, — согласился мелик, — До селения Ашиты — один день. Оттуда до Мезана — два дня, от Мезана до Тхума — день, от Тхума до Ваза — два, отсюда до Джелу — день, а от Джелу до Урмии, через Орамар, три дня. Всего значит десять дней пути.

— А какова дорога?

— Ну, дорога такова, что вы пожалуй никогда еще подобной не видели. Особенно от Мезана до Джелу. Все больше придется идти пешком. Я вас снабжу нашей обувью и палками с железными наконечниками. На перевалах и теперь еще лежит снег, а в иных местах вам придется идти ледяными полями. Особенно будьте осторожны в Орамаре. Тамошные курды — разбойники из разбойников. Обитают они на самой границе Персии и Турции, ни с чем не считаются и никого не признают.

В ГЛУБЬ ГОР

Торная тропинка между селениями Чампа и Ашита протянулась от Большого Ваба к западу, в сторону реки Хабур, другого притока Тигра, берущего свое начало в горах Джуламерка. Почти

все время приходилось идти пешком, так как мулы выбивались из сил, карабкаясь на кручи и спускаясь в глубокие ущелья. Часто проезжали через «айсорские кочевья», называемые «Возан», и Те-ворт прислушивался к грустным песням пастухов.

Когда караван дотащился до перевала, налетела откуда-то внезапная гроза и разразилась над горами проливным дождем. Тяжелые свинцовые тучи нависли над скалами, и непрерывно резали воздух ослепительные молнии. Эхо на тысячи ладов повторяло по ущельям удары грома, и понеслись с гор бурные потоки, увлекаемая с ревом тяжелые камни. Жутко было в эти минуты на вершинах гор.

Животные жались друг к другу, а люди ясно чувствовали полное бессилие перед иступленной стихией.

Под прикрытием высокой скалы притаился караван в ожидании конца ливня. Абрам неистово крестился при каждом новом ударе грома и сосредоточенно молчал. Ашхэн умоляла спуститься с гор вниз, так как была убеждена, что там безопаснее.

— Напрасно ты думаешь, сестра, что гроза менее опасна внизу, чем на вершинах гор, — сказал, задыхаясь от ветра Врамьян. — Очевидно ты не отдаешь себе отчета, отчего происходит гроза.

— Отчего происходит?.. От бога. На горах мы ближе к нему, и бог скорее накажет нас смертью здесь, чем внизу, — с уверенностью ответила Ашхэн.

Врамьян кратко и просто разъяснил сестре: почему и как происходит гроза.

Она внимательно выслушала, не проронив ни слова, и по лицу ее было заметно, что она легко поняла объяснения брата.

— Так значит бог тут ни при чем... А я, дура, была уверена, что бог посылает гром и молнии для наказания грешников, — воскликнула наконец Ашхэн с довольной улыбкой и смело выбежала под дождь.

Ливень прошел быстро. Ветер разогнал тучи, и горячее солнце снова озарило посвежевшую зелень гор. Врамьян, наблюдавший горные потоки, рожденные ливнем, окликнул Кэт:

— Идите скорей смотреть танец птиц.

На небольшой площадке, на которой не было ни одного стебелька травы, слышалось своеобразное щебетанье маленьких птиц, напоминавших жаворонков. Птицы сидели на площадке и на ветках ближайшего кустарника. Одна из них, повидимому самец, выпорхнула на середину, расправила крылышки и, подняв головку, распустила хвост веером. Потом она несколько раз с важным видом прошла грациозными скачками. Остальные птицы сидели неподвижно, наблюдая за танцором, который, очевидно утомившись, издал захлебывающийся горловой звук и отошел в сторону. Это место занял другой самец. Так поочередно выступали на сцену три-четыре самца, возвращаясь затем к остальным с видом победителя.

Возня Абрама с мулами спугнула птиц, и они с веселым щебетаньем скрылись за соседними скалами.

— Неужели вы думаете, Гевог, что это действительно был танец птиц? — с сомнением в голосе спросила Кат.

— Я в этом ни на минуту не сомневаюсь. Инстинкт игры у птиц хорошо организован. Птицы-самцы своими танцами и криками приманивают самок. Ручной журавль встречает своего хозяина, распустив крылья и гуляя вокруг него приседающими шагами. Вечерние круговые полеты ласточек вероятно представляют собой тоже род танца. Летом можно наблюдать почти у каждой деревенской колокольни полет ласточек стаями. Они делают большие круги в воздухе, с неустанными криками «гиги». В это время они не ловят мух, а просто предаются удовольствию полета.

Между тем Абрам вывел мулов, усиленно предлагая торопиться с отъездом, чтобы во время добраться до Ашиты. Другой проводник, айсор Георгис, заменивший Саркиса, тоже настаивал на этом, заявляя, что дорога после ливня сделалась более трудной, а в иных местах даже опасной.

Караван только к закату солнца прибыл в большое айсорское селение Ашигу. Остановились в доме родственника Абрама. Узнав

о приезде доктора, много больных малярией явились к Врамьяну, который провозился с ними до ужина.

Спать улеглись рано, так как с зарей предстояло выехать в Мезан.

От Ашиты дорога снова свернула к востоку, к берегам Большого Заба. На пути то и дело попадались безлюдные селенья, спрятавшиеся в зелени садов. Почти все жители переехали на летние кочевки. Жара стояла жестокая и тело ныло от укусов комаров.

Георгис показал путешественникам знаменитую пропасть около Мезана, с которой сталкивали прежде стариков и старух, лишившихся трудоспособности.

— Удивительно то, — заметил Врамьян, — что у иезидов, по словам Джангир-аги, существовал такой же обычай, от которого они отказались сравнительно недавно.

— А давно ли айсоры бросили делать это? — спросила Кэт у Георгиса.

— Старики рассказывают, что айсоры перестали сбрасывать стариков в эту пропасть вот по какому поводу: однажды, лет двести тому назад, молодой парень тащил на спине к пропасти своего дряхлого отца. Остановившись отдохнуть, сын заметил, что из глаз старика, уже почти слепого, льются слезы. Он спросил отца о чем он плачет. Тот ответил, что не о себе он плачет, а о нем. «Вспоминаю то время, — сказал старик, — когда я, как ты теперь, нес на плечах моего отца, чтобы сбросить его в пропасть. Не думал я тогда, что придет и мой черед. Вот я и плачу, мой сын, о том, что близок тот день, когда и тебя потащут к этой проклятой скале». — Эти слова так подействовали на сына, что он, несмотря на требования толпы, которая его сопровождала, отвел отца обратно домой и бережно ухаживал за ним до самой смерти. С тех пор обычай этот был оставлен народом и старики пользуются у нас особым уважением.

Путь от Мезана, через Тхум и Ваз, в Джелу представлял необычайные трудности. Из осторожности пришлось почти всю до-

рогу идти пешком, связавшись все одной веревкой, и нанимать особых проводников из пастухов горцев.

Как-то пришлось идти через сплошные ледяные поля, на высоте 7 тысяч метров.

Когда караван спустился, оказалось, что ледяной покров лежал над горной речкой, которая струилась под ним на целые километры. Речка текла как бы по длинному, с уклоном на запад, широкому гроту. Своды этого ледяного грота представляли сплошной ряд геометрически правильных амбразур, которые так типичны для старинных персидских сооружений. Очевидно сметливый глаз архитектора-перса выхватил когда-то из причуд природы этот образчик строительства и создал чудесные амбразуры, поражающие своей необыкновенной устойчивостью.

В Тхуме и Базе ночевали у меликов, к которым были рекомендательные письма от маршимуна и мелика Исмаила.

Путников очень заинтересовало селение Шаута, в округе Баз, разместившееся по крутой горе. Дом был построен над домом, и по крышам можно было, как по лестнице, взобраться на самую вершину горы.

Глубокий старик рассказал Кэт легенду о соседнем меликстве Таль:

— У мелика Азиза был сын по имени Таль, учившийся грамоте у священника. Маленький Таль, проснувшись в одну лунную светлую ночь, подумал, что уже рассвело, надел спронея свое новое платье, украшенное драгоценностями, и отправился к своему учителю. Священник, соблазненный драгоценностями, убил ребенка и зарыл его в своем доме. Отец долго и безрезультатно искал маленького сына.

Однажды, когда мелик Азиз плакал о сыне, ему почудилось, что в окно влетела птица и человеческим голосом сказала, что она и есть его сын Таль, которого убил священник и похоронил в своем доме; что она просит откопать тело, но не убивать священника, чтобы тот понес свой позор по селеньям и городам.

Кончая легенду, старик печально усмехнулся и добавил:

— Наши священники быть может внуки того священника, — кто знает? Рассказывают, что мелик Азиз построил над могилой сына новую церковь под названием Мар-Тла. Есть правда и ныне церковь с таким именем. А меликство с того времени стало называться «Таль».

Утомленные тяжелой дорогой путники наконец прибыли в Джелу и остановились в доме епископа Мар-Саркиса.

Это был еще сравнительно молодой человек, очень грузный и необыкновенно словоохотливый.

В первый же вечер, после сытного ужина, он тоже рассказал Врамьяну и Кэт легенду:

— Некто из рода Павуходоносора, по имени Манду, покинул Месопотамию и долго путешествовал со своими четырьмя братьями по свету, дав обет поселиться там, где ему подадут овечьи ножки.

После долгих блужданий Манду прибыл в селение Пачу, где один бедный человек угостил его таким кушаньем. Манду исполнил свой обет и поселился по соседству в месте, называемом ныне Джелу. Так было основано это меликство.

Рассказал Мар-Саркис и кое-что из подлинной истории Джелу:

— При мелике Халиле на Джелу напали орамарцы и угнали несколько тысяч овец.

Халиль собрал 500 айсоров и вторгся с ними в Орамар. Он заставил курдов уплатить ему 200 турецких лир и вернуть угнанных овец. Затем этот мелик в 1909 году отправился путешествовать по Европе для сбора денег. Представившись римскому папе, как правитель Джелу, он испросил разрешение на сбор денег среди католиков для постройки школ в своем царстве. Папа согласился, и Халиль в короткое время собрал большую сумму денег. Возвратившись на родину, он построил одну школу, а потом опять отправился в Европу за деньгами. Однако германское правительство арестовало его, как «хачагоха», т.е. человека, собирающего деньги не на церковные и школьные нужды, а в свою пользу.

После такого скандала вся власть перешла в руки епископа Мар-Саркиса, который заявил своим гостям, что Халиль никогда более не вернется в Джелу, из боязни быть убитым народом.

Надо заметить, что жители Джелу слынут за ловкачей и вообще не пользуются хорошей репутацией. Многие из них, сделавшись заправскими «хачагохами», разъезжают с кусочками мощей и ладонками по России и Европе под видом членов Иерусалимского братства и собирают в свою пользу добровольные пожертвования. Занимающиеся «хачагохством» обыкновенно свободно говорят на многих языках и годами не возвращаются на родину, где все заботы по хозяйству расхлебывают их жены.

Врамьян и Кят вместе с Мар-Саркисом побывали в старинной церкви, где хранится небольшой платок из белого шелка с вытканными на нем синими словами «Мекка — Медина», якобы подаренный айсорам самим Магомедом.

Этот ловкий вымысел служит некоторой защитой от курдов и турок, которые никогда не разоряли столь удачливого храма.

Церковь в Джелу представляет собой род приземистой башни. Внутри все стены увешены разным носильным платьем. Поэтому стен совсем не видно под плотными полотняными занавесами, предохраняющими развешанные одежды от пыли.

Все это дары больных, которые дают обет по выздоровлении отдать в церковь свои лучшие наряды. Такой обычай существует не только в Джелу, но вообще во всех айсорских селениях, начиная с Кудчаниса. Одежда висит десятилетиями, за ней тщательно ухаживают и только в крайних случаях она раздается пострадавшим от курдских набегов.

Три дня прожили путники в Джелу и за это время вполне отдохнули. В одну из прогулок по соседним селам их поразило забавное явление. Идя как-то по руслу быстрой горной речки, стиснутой почти отвесными скалами, Теворт очень удивился, заметив издали, что большие каменные глыбы бесшумно скатываются с гор и падают на кровли какой-то деревушки. Сперва ему показалось, что началось землетрясение, но дело оказалось много веселей

и проще — сельчане стребали на горах сено в большие стога, увязывали их веревками и сбрасывали с высот прямо в свое селение.

Однажды Врамьян и Кэт присутствовали на суде епископа. По какому-то земельному спору пришла на суд одиннадцатилетняя девочка с ребенком на руках. Оказалось, что ребенок не кто иной, как ее венчаный, законный муж, и вообще среди айсоров нередки такие браки между родственниками, с целью закрепления за одним родом земельных угодий.

— Как вы думаете, Кэт, что может выйти из подобного брака? — с ужасом спросил Врамьян.

— Даже представить себе не могу.

Мар-Саркис хладнокровно заявил, что, как показала практика, подобные браки всегда бывают счастливыми, ибо жены, заботясь о своей будущности, тщательно воспитывают маленьких мужей, которые, возмужав, становятся обыкновенно трезвыми и трудолюбивыми хозяевами.

Врамьян, Кэт и Ашхэн спали на крыше дома, чтобы обезопасить себя от скорпионов, которых в комнатах было бесчисленное количество.

— Завтра, — сказал Врамьян, поднявшись на крышу, — мы тронемся в путь рано утром. Остается только один тяжелый переход, а затем дорога к Урмии, по словам Мар-Саркиса, не представляет особых затруднений. Следующую ночь придется провести в горах в безлюдном месте, называемом «хан». Там имеется какое-то полуразрушенное здание, в котором можно устроиться на ночь не без опасности подвергнуться нападению орамарских курдов..

— В таком случае давайте спать, чтобы на завтра запастились новыми силами, — сказала Ашхэн, укрываясь паласом.

КРОВАВАЯ МЕСТЬ

В безлюдной горной местности стоял полуразвалившийся двухэтажный каменный дом с жуткими отверстиями вместо окон. Он был известен у кочевников под названием «хан», что значит

на всех языках мусульманских народов — постоянный двор. Надо думать, что здание осталось от бывшего здесь когда-то селения, жители которого бежали от курдов Орамара.

Из дома видна была, как на ладони, спускающаяся по руслу горной речки угрюмая долина Орамара.

Кругом полное безлюдье, оторванность от мира и зловещая тишина. Опасное, дикое место.

Врамьян, Кэт, Ашхан, Абрам и Георгис, расположившись на войлоке под кровом неприветливого хана, пили чай.

— Здешние курды, — сказал Георгис, — настоящие волки. День и ночь рыщут по горам, и никому нет от них покоя. Если турки приходят их усмирять, они перекочевывают в Персию; начнут их теснить персы, они убегают обратно в Турцию.

— Чем же они занимаются? — спросил Врамьян.

— Исключительно разбоем и охотой. Скота держат мало, а украденный скот сбывают в Персию. Они всегда враждуют между собой и давно перерезали бы друг друга, если бы не обычай кровавой мести, который заставляет их избегать одиночных убийств.

— Очень они мстительны? — спросила Кэт.

— Для примера я пожалуй расскажу вам одну историю, которая случилась не так давно.

— Своим главарем орамарские курды признают некоего Сюто. Умница — каких мало, а по нраву — барс. Теперь ему не меньше пятидесяти лет. Был у него приятель по имени Шюро, тоже знаменитый головорез. Как-то охотился Шюро в горах на козлов и заметил издали, что едет младший брат Сюто. Лошадь под ним — что надо, седло новое и в руках русская винтовка, до которых здешние курды очень падки.

Схоронился Шюро за камнем, и как только юноша подъехал ближе, одним выстрелом свалил его с коня и прирезал. Потом поймал лошадь, захватил винтовку и усакал в Персию.

Семь лет гонялся за ним Сюто, но ничего не мог сделать. Шюня Сюто, что не разделаться ему со своим врагом и послал к Шюро своего слугу с таким поручением: «Скажи ему, что он

настоящий джигит, каких теперь мало, что я хочу заключить с ним вечный мир и прощаю ему обиду. Известно мне породниться с таким молодцом и потому предлагаю ему в жены мою любимую дочь».

Не поверил Шюро этим словам. Хорошо знал повадки курдов. Прошло два года. Сюто повторил ему через людей свое предложение.

Шюро решил в душе, что если дочь врага до сих пор еще не замужем, то враг действительно ищет мира, и послал ему сказать: «Присылай, если хочешь, свою дочь ко мне, — женюсь я на ней по закону, а потом увидим, чего ты хочешь: вражды или мира».

Сюто согласился. Жил Шюро с молодой женой в полном ладу, крепко любил ее, но встречи с Сюто избегал.

Прошло еще три года. Как-то родственники уговорили их встретиться и примириться. Съезались в условленном месте, без винтовок. С каждым одинаковое число всадников. Помирились, стали изредка, с опаской, видаться на людях.

Еще 4 года прошло. У Шюро за это время родились три сына. Доволен Сюто, не нарадуется на своих внуков, всем расхваливает их и подарками наделяет. Хоть и видел и слышал все это Шюро, тем не менее никогда не оставался ночевать в доме своего тестя. Однажды оба встретились на охоте в горах. Шибко устали, а дело было к вечеру.

— Заезжай ко мне ночевать, — сказал Шюро, — время позднее, до меня рукой подать... Уверен, что теперь у тебя на душе нет ничего против меня.

— Разве я не дед своим внукам, или все старое помнишь? — Шюра о нем и забыть, — ответил Сюто.

Сильно обрадовалась дочь, увидев отца. Сколько лет с ним с глазу на глаз не говорила. Не знает, как угодить, чем угостить его. Устроила ужин на славу и уложила обоих на мягких коврах в одной комнате.

Шюро унес винтовки на всякий случай в другую комнату, а сам лег поближе к двери, чтобы ночью Сюто не добрался до них.

Крепко после охоты заснул Шюро.

Но Сюто не спал, а только притворился спящим.

На заре, когда у человека самый крепкий сон, подполз он змеей к Шюро, выхватил из-за пазухи кривой курдский нож и одним взмахом отсек голову своего кровника. Затем, вбежав в комнату дочери, бросил ей под ноги отрубленную голову мужа:

— Возьми, собака, эту падаль и благодари Аллаха, что тебя не трогаю. Разве не поняла, стерва, для чего я выдал тебя замуж?.. Вместо того, чтобы отомстить моему врагу, ты наплодила от него гаденышей. Шестнадцать лет ждал я сегодняшней ночи и одного боялся, что не дождусь ее. Не дочь ты мне после всего этого, и ублюдки твои — не внучата мне, а враги.

С этими словами он бросился на спящих детей и прирезал их всех до одного на глазах у матери.

— Я слышала много раз эту историю от курдов, — подтвердила Ашхэн.

— Как же курды отнеслись к этой истории? — спросил Врэмьян Георгиса.

— Как?.. Хвалили Сюто за удачу и за то, что твердо помнит закон отцов и дедов метить за кровь убитых родственников.

— А что стало с несчастной женой Шюро? — поинтересовались слушатели.

— Через год она вышла замуж за богатого курда из племени «Артоши», который был во вражде с Шюро. За это отец простил ее, наделил подарками и барантой. Теперь Сюто один верховодит в Орамарских горах. Грозный он, лютый, курды боятся его, как огня, и слово его — закон для них.

Рассказ Георгиса навел на всех мрачные мысли. Решили ночь провести без сна.

В горах бушевал ветер, где-то поблизости скулила гиена, и вздрагивали от страха усталые мулы...

ВЕСТИ О ВОЙНЕ

— Я заранее уверен, миссис Браун, что ваше пребывание среди айсоров дало хорошие результаты и вы оправдали высокое доверие нашей миссии в Ване, — говорил мистер Шеркине, глава протестантских миссионеров в Урмии, усаживая Кэт в кресло в своем прекрасно обставленном кабинете.

— На этот раз мистер Шеркине будет разочарован, — ответила Кэт.

— Не скрывайте, миссис Браун. В вас и в вашу энергию я верю. К тому же, как мне хорошо известно, вам было отпущено не мало денег, а чего не сделаешь с золотом среди айсоров?

— Я не использовала денег...

— Вас ограбили курды, — испуганно перебил миссионер.

— Нет, вы меня не так поняли. Деньги целы, и будут возвращены обратно по принадлежности.

— Так в чем же дело?

— Дело в том, мистер Шеркине, что вести вашу работу, значит вносить лишний раздор в жизнь чужих народов и развращать их.

— Не будем, миссис Браун, говорить о развращении и тому подобном. Это не важно... Если мы с помощью денег можем склонить айсоров на нашу сторону, то поверьте, это истинно божье дело. Препятствовать переходу айсоров в католичество и православие — не грех, а великая задача.

Он причмокнул языком и продолжал, проникновенно улыбаясь:

— Чем больше наши духовные успехи здесь, тем прочнее наше положение в Америке, дитя мое. Я в своих письмах на родину, я всегда указываю, что не надо жалеть денег на наше святое дело.

— А я держусь другого мнения, особенно после того, что я слышала своими ушами и видела своими глазами.

— Позвольте поинтересоваться, что такое видели вы своими глазами и слышали своими ушами? — язвительно спросил мистер Шеркине.

— Видела грустные результаты нашей работы. Слышала, что айсоры стоят за свою народность, что вера для них пожалуй второстепенная вещь, что потакать миссионерам они не станут.

— И только... — усмехнулся миссионер. — А все те, которые перешли к нам и спаслись, разве вы их не видели, разве не слышали их радость, что мы спасли их души?

— Спасли... очень громко сказано, мистер Шеркине. Возможно, что наше золото облегчило на время их существование. Потом они перепродались подороже католикам. Это тоже правда. А теперь не прочь перейти в православие, чтобы заручиться поддержкой русских властей... Не морочьте никого и не трубите о наших успехах. Их нет и не будет.

— Они есть и будут. Наши школы, больницы, приюты укажут айсорам верную дорогу.

— Да, верную дорогу — презирать нас за наше дело, — ответила Кэт.

— А вас не узнаю, миссис Браун, где ваше смирение?

— Вы не ошиблись, мистер Шеркине. Веры в наше дело у меня не было никогда, а была тупая покорность. Меня обманывали, как обманывают весь американский народ и заражали меня изо дня в день позорным лицемерием...

В комнату вбежал один из американских миссионеров и взволнованно перебил:

— Мистер Шеркине, на английском телеграфе получено известие о начале войны России с Австрией и Германией.

Последовала минута общего удивления.

— А Турция? — спросил мистер Шеркине.

— Пока ничего неизвестно...

— Я говорю вам, — вмешалась Кэт, — что война между Россией и Турцией неизбежна. Кто знает положение дел в Турции,

для тех в этом вопросе не может быть двух мнений... По всему Востоку пойдет резня.

— Не пророчьте беду. Я верю в божий промысел и знаю, что этого никогда не будет, — сказал Перкинс.

— Идите себе самому, если это вас устраивает. Я не буду больше раздражать вас и отправлюсь к себе в гостиницу. Всего хорошего, мистер Перкинс.

Кэт была довольна своей правдивой речью, которую ей довелось произнести в этот день. Она застала в своей комнате Врамьяна и Ашхан, с нетерпением ожидавших ее прихода.

Урмия, считающаяся родиной Зароастра, который возжигал здесь когда-то священный огонь, раскинулась среди непрерывных садов и богатых виноградников.

С запада эта область отделена от турецкого Курдистана высокими снежными хребтами, а с востока ее замыкает Урмийское озеро, которое, как и Ванское, лежит высоко над уровнем моря и известно отсутствием рыбы, вследствие чрезмерного количества соли в воде. Земля здесь крайне плодородна. Селения попадаются на каждом шагу и тонут в зелени персиковых и абрикосовых садов. Тучные нивы орошаются бесчисленными речками, стекающими с соседних гор.

Урмия — типичный миссионерский город. Кого только тут нет? Американцы, католики, англичане и православные, пользуясь слабостью Персии, захватили большие земельные участки, и окопались в них со своими церквями, школами и приютами. И не только в самом городе, но и по окрестным селениям загудели перезвоны понастроенных миссионерами церквей. Взаимная ненависть, злоба и ложь сделали миссионеров людьми, которые утратили всякое понятие о нравственности. Для достижения своих целей, они не гнушались ничем и оказались в глазах местного населения не проповедниками правды, а тупыми изуверами.

Победа оставалась за православными, вследствие чисто политических условий.

Русский архимандрит, глава православной миссии, великолепно изучивший язык несториан, насчитывал в своей епархии более 30 000 православных айсоров. Поистине, это было его княжество. Он чувствовал себя в Урмии полным хозяином, по его доносам русское правительство сменяло консулов, если последние вступали в борьбу с этим монахом. Успех архимандрита объяснялся тем, что присутствие русских войск, стянутых в Урмию, из-за пограничных споров персов с турками, облегчало айсорам, принявшим православие, задачу оберегать свои имущественные интересы от посягательств мусульман.

Объявление войны между русскими и немцами произвело в Урмии впечатление разорвавшейся бомбы. Все по-своему относились к этому событию.

Персидское правительство с вожделием поджидало войны турок с русскими, так как надеялось закрепить за собой спорную пограничную зону и, веря в распад Турции, рассчитывало поживиться при разделе турецкого наследства.

Армяне и айсоры, разжигаемые националистами, жаждали ввязаться в общую резню, чтобы отплатить мусульманам и отстоять свое право на существование на Ближнем Востоке.

Курды мечтали об изгнании турок из Курдистана, грезили о черном знамени Аббасидов, но страстнее всего ждали той минуты, когда среди общей суматохи откроется широкое поле для грабежей.

Урмийский муравейник волновался как никогда, и только муэдзин с высоты своего минарета продолжал по привычке зычным голосом призывать правоверных к молитве.

Врамьян тоже раздумывал... Война с Турцией... Несомненно турки не скрывают своих надежд на немцев и влияние последних с каждым днем усиливается в униженной стране султана. Следовательно армянские националисты будут рассчитывать исключительно на державы тройственного согласия. Франция и Англия воспользуется этим, чтобы колонизировать природные богатства Армении. Россия как географически самая близкая постарается

урвать этот кусок для себя, — и не исчезнет ли тогда для истории самое имя Армении?..

Но Врамьян провидел кое-что, о чем не думал никто из окружающих. Он верил, что война будет последней страницей старой России и что революция неизбежна. А коли так, у Армении есть надежда стать равноправным членом в семье, населяющих территорию России маленьких народностей. Если же такова судьба кавказских армян, армянам Турции и Персии останется только присоединиться к ним... И он тоже ждал войны с горьким нетерпением, как тяжело больной ждет операции, после которой может наступить новая жизнь.

— Имеете ли вы, Геворг, причины относиться с недоверием к России? — спросила однажды Кэт.

— Не к России, а к русской государственности, — поправил Врамьян. — Вообще же армяне исторически сжились с русскими.

— Что же может дать Россия армянам?

— Царская, нынешняя Россия — ничего, но я верю, что она недолговечна и близок день ее крушения. Новая, революционная Россия даст трудящимся армянам все, на что они имеют действительное право, — то есть спокойно жить, счастливо работать и пользоваться всеми плодами своего труда. Но такая вера в русский народ отнюдь не заставляет меня быть на стороне России в ее войне с Турцией — это грязные игрушки. Мое дело — работать для свержения царского правительства России...

Что касается Ашхэн, она захлебывалась от радости при одной мысли, что война надвигается. Ненависть к курдам и туркам не оставляла ее ни на минуту.

Мусульмане были в ее глазах непримиримыми врагами армян и этого было для нее достаточно, чтобы желать их поголовной гибели.

В Урмии Ашхэн все время вращалась исключительно среди армян, узнавала все последние новости и записалась в местный националистический кружок. Об Андронике и Дро она говорила с волнением в голосе и призывала армян следовать их примеру.

НА РОДИНЕ ЗОРОАСТРА

Однажды Врамьян и Кэт сидели на берегу Урмийского озера, любуясь его бирюзовым покоем.

— Вели ваши взгляды на войну искренни, Геворг, — тихо спросила Кэт, — почему вы не привьете их Ашхэн? Ведь то, что делает она, прямо противоположно вашим словам.

Геворг нахмурился, и лицо его чуть заметно pokrивилось, точно от затаенной боли.

— Я боюсь, что Ашхэн нельзя образумить, Кэт, — сказал он так же тихо. — Мне страшно сознаться в этом себе самому, но Ашхэн — искривленный и надломленный человек: Ашхэн — продукт национальной вражды; она живет ненавистью, и скоро начнет ненавидеть меня самого. Раны, полученные человеком в детстве, неизлечимы...

— Геворг, неужели ничто в мире не может научить ее думать иначе?

— Может. Жизнь, полная нужды и труда, годы лишений, большой город, промышленный пролетариат, знающий, что из войны не растет ничего, кроме войны. Любовь Ашхэн к своему народу — не та любовь, которая жаждет полного света, а темная, дурная страсть. Этой страстью больны многие армяне, и такие вожди, как Андроник, играют на ней. Не будем говорить об этом, Кэт. Никогда и ни за что я не прощу старому миру того, что он сделал с моей Ашхэн.

НА РОДИНЕ ЗОРОАСТРА

Прошло три недели. Выезд из Урмии пришлось отложить из-за постоянных недомоганий Кэт. Она сильно нервничала и торопилась в Ван, но Врамьян не соглашался на это до ее полного выздоровления.

Ашхэн целыми днями пропадала, бегала по своим новым знакомым и поздно возвращалась в гостиницу, ликующая и самодовольная.

Стороной Врамьян узнал, что сестра постоянно находится в среде армянских националистов-революционеров и принимает участие в их работе. Геворг молчал и ждал своего часа. Он чувствовал себя беспомощным, детски неподготовленным к серьезной политической работе; он рвался то в Ван, то в русскую Армению, к зрелым, правдиво мыслящим деятелям, рвался долой из шовинистического котла Урмии. Но болезнь Кэт протекала странно, то она чувствовала себя совсем здоровой, то не покидала кровати, жалуюсь на сильную головную боль и слабость во всем теле.

Врамьян терпелся в догадках и был убежден, что у нее малярия. Не вполне доверяя своему диагнозу, он пригласил другого врача, который долго выслушивал и выстукивал Кэт, но также определенного ничего не сказал.

Через несколько дней после этого Кэт как-то усадила около себя на кровати Врамьяна и, ласково обняв его, сказала:

— Не беспокойся, милый. Болезнь моя, повидимому не опасна. Просто я беременна, и поэтому счастлива, как никогда.

— Ну, какой же я врач после этого? — хлопнув себя по лбу весело сказал Геворг, и полный новых переживаний, расцеловал потемневшие щеки Кэт.

— Но вы, Геворг, всегда забываете о том, что я замужем и не вполне свободна в своих действиях.

— Бросьте всю эту чепуху и поймите, наконец, что брак оправдывается либо большой дружбой, либо детьми. У вас ничего этого не было до нашей связи, вы поступите честно, если покинете своего мужа, которого никогда не любили.

— Но как же это сделать? — спросила Кэт.

— Об этом можно подумать.

— Нет, Геворг, много думать об этом нечего... Есть один честный выход: сказать мистеру Брауну все прямо и поставить вопрос ребром. Знаю, что ему будет очень тяжело. Знаю, что его будет тревожить проклятый вопрос о 10 000 долларах, которые мне совсем не нужны, но могут обеспечить его грустную старость. Ведь он так ленив, что не мог зарабатывать даже миссионерством.

МЕЧТЫ ПЬЯНОГО ПРИНЦА

— Отдайте их в полное распоряжение мистера Брауна. Лучше конечно использовать их для нашей работы, но ничего не поделаешь. Это его успокоит, и он по-стариковски скоро смирится со своим горем.

— Нам необходимо ускорить отъезд в Ван, Геворг.

— Я также считаю, что дальнейшее пребывание в Урмии не имеет смысла, — сказал Врамьян и предложил Кэт пройти с ним по городу.

МЕЧТЫ ПЬЯНОГО ПРИНЦА

Решили ехать в Ван через Котур. Главой тамошних курдов считался Исмаил-ага, по прозвищу Симко, выдавший недавно свою дочь за сына Омар-бея. Путь через Котур считался самым близким и удобным. Одного опасался Врамьян, как бы люди Симко не признали Ашхэн, которую они видели на кочевье Омар-бея и несомненно знали уже об ее мнимой смерти. Однако Ашхэн более всех настаивала на поездке через Котур; она имела поручение от армянских националистов собрать сведения о котурских курдах.

Она объявила, что хорошо обдумала этот вопрос и решила пробраться через Котур в мужском костюме.

Когда Ашхэн нарядилась в черкеску и папаху, девушку стало трудно узнать. Этот костюм к ней очень шел и красиво облегал ее тонкую фигуру.

Врамьян заручился для Симко письмом русского консула в Урмии, которому наговорил с три короба о своем желании работать впоследствии на фронте в качестве врача.

Караван, таким образом, мог не бояться нападения.

С приходом русских войск в Персию, дальноворкий Симко великолепно учел, что с русскими, волей-неволей, ему надо дружить, а свои убытки от прекращения разбоев в Персии он возмещал с лихвой, грабя пограничные турецкие земли. Это придавало ему в глазах курдов облик народного героя, восставшего против турок, а в глазах русских властей делало его надежным человеком,

на которого можно рассчитывать в случае войны с Турцией. За дружбу он получал от России винтовки и патроны... Много курдов из дальних мест вступало в число его всадников в надежде поживиться от смелых грабежей и разбоев.

Жил Симко, конечно, не так широко, как Омар-бей, получивший от отца в наследство много золота и огромные стада овец, но зато богатство Симко увеличивалось изо дня в день.

Симко был невысокий, худой курд, с зеленоватыми глазами, из которых глядели жестокость и упрямая воля. Он был скуп на разговоры, но старался держать себя с большим достоинством и важностью, в особенности среди своих курдов.

В унылой безлесной местности чернели по взгорьям шатры Симко и его опричников. Это был скорее военный лагерь, чем веселое курдское кочевье с песнями и пляской.

Симко встретил Брамьяна и Кэт очень любезно и отвел им лучшие палатки. Получив приказание русского консула, он ругался головой, что жизнь и имущество путников в полной безопасности.

Ашхэн находилась все время при мулах вместе с Абрамом, который, будучи посвящен в тайну, грубо покрикивал на нее и требовал, чтобы она неотлучно присматривала за вьючными животными. Ашхэн осторожно выпытывала у курдов сведения о количестве лошадей и винтовок у Симко.

— Крепко дружит Симко с русскими? — спросила она молодого курда, беседовавшего с Абрамом.

— Как ему не дружить? Русский консул в Хое и генерал Воропанов задали ему винтовками и патронами...

— Значит, курды надеются на помощь русских?

— Нам поможет Аллах, а не русские. Не подстать нам быть в большой дружбе с гаурами, — ответил курд.

— Ну, а случись завтра война между Россией и Турцией, неужели вы будете на стороне турок?

— На себя будем работать, как и прежде. Турок пограбим, да и русских в покое не оставим. О себе надо думать, — искренне ответил курд.

И с кем бы из курдов Ашхэн ни заводила разговор, она всегда подмечала одно и то же: ненависть к туркам, неприязнь к гаурам — русским — и определенное стремление отстоять уклад своей вольной жизни.

На второй день по приезде Врамьяна и Кэт в Котур пожаловал сюда из Тифлиса Абдур-Резак, бывший адъютант и любимец султана Абдул-Гамида, внук знаменитого Бадер-хана и племянник Ваданшера, который в Крымскую войну объединил почти всех курдов против турецкого султана.

Заподозренный в стремлении к независимости Курдистана, Абдур-Резак был сослан в Африку, откуда после долгих мытарств благополучно бежал. По объявлении войны между русскими и немцами, он появился в Тифлисе. В его голове крепко засела мысль о возможности, с помощью русских, выгнать турок из Курдистана и получить из русских рук неограниченную власть над всеми курдами. Он признавал за собой наследственные права на курдский престол, и имя его действительно пользовалось большим авторитетом в Курдистане.

Англичан он ненавидел за то, что во время прежних курдских восстаний они не раз предавали курдов, спровоцировав их предварительно на восстание.

Абдур-Резак был человек большого роста, довольно плотный, с высоким лбом, с глазами хищника и острой улыбкой. Ему было около пятидесяти лет, и седина уже посеребрила его волосы.

Он прекрасно говорил по-французски и имел все повадки европейца.

Симко устроил Абдур-Резаку торжественную встречу. Курды почтительно целовали его руку и заметно заискивали перед ним. Он же держал себя высокомерно и заносчиво.

Вечером Абдур-Резак пригласил Врамьяна и Кэт в свой шатер, где угощал их чаем, фруктами и коньяком. Они сидели

втроем, и никто из курдов не осмелился войти в шатер. Абдур-Резак, имевший склонность к коньяку, сильно подвыпил и развязно разговаривал с гостями о своих планах.

— Война между Россией и Турцией неизбежна, — сказал он. — Не сегодня, так завтра загремят пушки, и казаки перейдут турецкую границу. Я подниму курдов против турок и раз навсегда выгоню этих монголов из Курдистана. Сколько лет я томился по тюрьмам за одну лишь мечту объединить курдов под своей властью... Подумайте только: за одну лишь мечту, а не за дело. Я только грезил о том, чего добивались мои предки с оружием в руках, и за это попал в изгнание...

Дураки турки не знали, что шутили с огнем. Час мести близок... Русские признают меня государем курдов, так как права мои на Курдистан неоспоримы. — Он выпил еще коньяку и продолжал: — не будут же русские сами налаживать жизнь курдов в трущобах Вохтана и по притокам Тигра? Они и так не знают, что им делать со своими землями, которым нет конца и края. Устроением курдов займусь я, а средства мне даст Америка. От чего бы ей не дать?.. Курдистан богат нефтью и всякими минералами... С вами, армянами, мы заживем мирно, как деды наши раньше жили до прихода турок. У вас будет свое армянское царство... Вам — север до Вана и Витлиса, нам юг — до Мосула, со столицей в Диарбекире. Чем я не курдский деспот?.. — воскликнул Абдур-Резак, смеясь злым смехом.

— Будут ли русские согласны с вашими планами? — улыбнулся Врамьян.

— Если они обманут меня, как всегда нас надували англичане, я подыму всех мусульман Кавказа.

— Разве англичане обманывали курдов? — заинтересовалась Кат.

— Да, миссис, да... И не раз, и не два, а всегда... хотя вы американка и говорите с англичанами на одном языке, но я искренне скажу вам, что ненавижу англичан и считаю их врагами не только курдов, но всего Востока. В этом я согласен со своим

народом, который в свою очередь не любит и русских. Извольте я расскажу вам для примера, как надували нас англичане... Во время Крымской войны мой дядя Каданшер поднял восстание в Хеккяри и Боктане, и в памятном 1855 году захватил не только Битлис и Мосул, но и все земли от Вана до Багдада. Турецкие войска были разбиты им у Сээрда, все гарнизоны перебиты, но при этом заметьте, миссис, что даже айсоры, армяне и греки, жившие в Курдистане, тоже восстали под знаменем Каданшера; он не раз посылал к русским своих людей, предлагая действовать заодно против турок. К сожалению его письма не доходили по назначению. Прежде чем курды весной 1855 г. возобновили военные действия, Каданшер, поверив обещаниям английского консула, пришел к нему в гости и был увезен прямо из консульства в Константинополь. Восстание само собой прекратилось. Дело курдов было проиграно, а англичане торжествовали, так как они в то время более всего опасались усиления влияния России среди курдов... Нальемте стаканы, миссис.

— Я не пью вина, ага, я в этом отношении настоящая курдинка.

Абдур-Резак залпом выпил свой стакан, бросил его на пол и прокричал:

— Жребий брошен. К чорту Константинополь, да здравствует независимый Курдистан.

Врамьян перевел разговор на Симко и спросил:

— Каковы ваши отношения с Симко?

— Симко мой раб, что прикажу, то он и сделает... Кму бы только пограбить на большой дороге... Других мыслей у этого дикаря нет.

Абдур-Резак пьянел все более и более.

— А видели ли вы, миссис, наших курдинок?.. Какие красавицы. Когда возьму власть в свои руки, заведу пышный двор... гарем. Шаучу дикарок любить и жить по-европейски... приглашу французенок, венок... сделаю богинь из наших курдинок... Установлю такую крепкую власть, о какой не мечтал сам Абдур-

Гамид. Подчиню себе весь Курдистан, а армяне пусть владеют Эрзерумом, Ваном, Эриванью и хотя бы Тифлисом... Не все ли мне равно?

Он покачнулся, опустил голову на руки и тотчас же захрипел.

Врамыян и Кэт вышли из палатки. Тихо было кругом. Какие-то тени бродили, как привидения, около шатров, и неистово скулили голодные овчарки...

ДУМЫ МИСТЕРА БРАУНА

Над горой Варак занималась заря, и предутренний ветер поднимал пыль по пустынным улицам Вана. Люди еще крепко спали после дневных хлопот, и город был погружен в глубокое молчанье. Но мистер Браун не спал. Он сидел у открытого окна и тупо смотрел на синешую гладь широкого озера, на далекие снежные горы. Перед ним было раскрыто евангелие, и руки миссионера бессознательно перебирали пожелтевшие листы книги.

Вспомнилась ему вчерашняя встреча с женой... Где ее прежний облик с доверчивыми, наивными глазами... Где ее сладостная покорность и овечья чистота помыслов... Вместо этого циничное объяснение и угроза покинуть его навсегда. Шасмешка при упоминании о боге и грехе, и беспощадная критика деятельности миссионеров...

Мысли мистера Брауна бежали дальше... Видел он себя в Нью-Йорке оборванным мальчиком, пристроившимся ради куска хлеба в захудалой аптеке подметать полы и мыть посуду. Днем на работе, ночью в холодной комнате, где умирал от чахотки его отец. После смерти отца бесприютное сиротство, жуткая одинокая юность и вечные неудачи во всем... Бежать куда-нибудь из Америки, хоть на край света, искать счастья на чужбине... и вдруг случайная встреча со стариком миссионером, взявшим его под покровительство и обещавшим устроить в одну из миссий на Востоке. Непривычны были для юноши первые шаги в новой обстановке,

где лицемерие и напускное смирение открывали перед человеком путь к благополучию. Прошли года за изучением богословских книг, а затем — спокойная работа в Ване и умелое раздувание своих успехов, в надежде привлечь побольше золота из Америки. Хорошая уютная квартира, комфорт, ничегонеделанье и проповеди без конца. Потом преклонение перед ним матери Кэт, которая нашла после смерти мужа утешение в религии, и ее последняя просьба перед смертью — жениться на ее дочери и сберечь про черный день 10 000 долларов.

10 000 долларов... Это значит обеспеченная, сытая старость, если эти восточные дикари выкинут отсюда миссионеров, а в том, что миссионерам быть когда-нибудь выкинутыми, мистер Браун не сомневался.

— Нет, — поднявшись с кресла, решительно сказал он себе, — в жизни надо быть мудрым, уметь исправлять ошибки других, забывать обиду, прощать обидчиков, сохранить при себе жену и 10 000 долларов. Пофлиртовали, погрешили и баста... Ребенка я признаю своим, но при условии, что Врамьян навсегда покинет Ван. Не угрозой, не гневом, а другим способом заставлю я людей исполнить мою волю.

Он подошел к письменному столу, взял лист бумаги и нервным движением руки набросал:

«Дорогой мистер Врамьян,

Прошу вас завтра зайти ко мне к двенадцати часам дня. Необходимо поговорить с вами по одному делу и пожелать вам всего хорошего в жизни перед вашим отъездом на Кавказ. Жена кланяется вам. Ваш друг Браун».

Написал, вложил письмо в конверт, спрятал в боковой карман и устало прилет на диван...

А в это время Кэт лежала в соседней комнате и никак не могла уснуть, хотя на душе у нее было совсем спокойно после того, как она сказала мужу все, что хотела сказать.

ЕВАНГЕЛИЕ НЕ ПОМОГЛО

Когда Врамьян прочел записку мистера Брауна, он решил уклониться от свидания с ним, тем более, что советовал Кэт воздержаться от объяснения с мужем и уйти без всяких предупреждений. Кэт сказала, что этого она не сделает никогда, а честно выскажет мужу в глаза всю правду. Ее решение было так определено, что он более не возвращался к этому вопросу и старался обходить его молчанием. Пока Врамьян раздумывал, как поступить, ему принесли записку от Кэт, лаконически гласившую:

«Приходите непременно».

С большой неохотой отправился Врамьян в американскую миссию.

Мистер Браун сидел у стола, на котором лежало раскрытое евангелие. Рядом с ним, понуриив голову, стояла бледная Кэт; по ней было заметно, что она переживает тяжелое горе.

Миссионер очень любезно встретил Врамьяна и, усадив его и Кэт около себя, глубокомысленно сказал:

— Прежде чем приступить к нашей серьезной беседе, прочтем некоторые места из святого евангелия. Это даст правильное направление нашим мыслям.

Он пододвинул к себе евангелие и стал тихим голосом читать:

«Иисус же пошел на гору Елеонскую. А утром опять пришел в храм, и весь народ шел за ним. Он сел и учил их. Тут книжники и фарисеи привели к нему женщину, взятую в прелюбодеянии, и, поставивши ее посреди, сказали: учитель, эта женщина взята в прелюбодеянии, а Моисей в законе заповедывал нам побивать таких камнями. Ты что скажешь? Говорили же это, искушая его, чтобы найти что-нибудь к обвинению его. Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания. Когда же продолжали спрашивать его, он, склонившись, сказал им: кто из вас без греха — первый брось в нее камень».

Врамьян сидел молча, вопросительно смотрел на Кэт и соображал, к чему клонится вся эта комедия.

Прочитав нагорную проповедь и избранные места о прощении врагам своим, мистер Браун сказал:

— Побеседуем теперь по-евангельски... Миссис Браун рассказала мне откровенно все, что произошло с ней за это время. Если рассказала, значит раскаялась в своем грехе... Итак, я все знаю, мистер Врамьян... Все знаю, все прощаю и все забываю.

— Давайте помолимся вместе, чтобы бог простил ваши грехи и помог нам забыть тяжелое прошлое. В евангелии сказано...

— Пойдите, мистер Браун, — резко перебил его Врамьян, поднявшись со стула, — приходилось мне в жизни бывать в очень трудных положениях, но в идиотских — никогда... К чему все эти слова? Над кем вы смеетесь, кого дурачите? Над собой глумитесь... Если вы проделываете это как оскорбленный муж, грош вам цена, как мужу; если лицемерите, как миссионер, то в этом для меня ничего нового нет, так как я привык с малых лет презирать лицемерие церковников. Убирайтесь к черту с вашим лицемерием, ханжеством и лукавством. Сбросьте с себя хоть раз грязную рясу и будьте человеком... Вы хотите знать правду, так слушайте: вы теряете не жену, а всего лишь человека, удобного для вашей личной жизни и вашего отвратительного дела. Кажется, это ясно, как день. Я не хочу вашего смиренного прощения, я предпочитаю любую угрозу с вашей стороны. К этому мне нечего более добавить, мистер Браун, — и он направился к двери.

— Подождите минутку, Геворг, — робко позвала Кэт, — дайте и мне высказать то, что я чувствую, — и обратившись к мужу, участливо сказала мягкой скороговоркой: — мне тяжело все это, так как я знаю, что вы страдаете. Но старость ваша будет вполне обеспечена. Я передаю с доброй охотой в ваше распоряжение все мои деньги. Поступайте с ними как найдете нужным. А обо мне забудьте... Пойдемте, Геворг, я сказала кажется все, что думала.

Она уцепилась за руку Врамьяна, и оба они покинули миссию.

Мистер Браун еще глубже опустился в кресло своим грузным телом и стал машинально перелистывать евангелие, в котором его тусклые, растерянные глаза казалось искали участия и утешения.

Паткнулся на слова евангелиста Матфея, перечел их несколько раз и самодовольно улыбнулся. Он приподнялся и еще раз громко прочел это место: «Никто не может служить двум господам: либо одного будет ненавидеть, а другого любить, либо одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить богу и маммоне».

Душа мистера Брауна успокоилась, и в его глазах замелькали золотые доллары.

ОКОЛО РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Беленький домик, который снял Врамьян, улыбался прохожим из-за кудрявой листвы абрикосового сада. Это обитателям жилось уютно, если вообще может быть уютно на бивуаке. С американской миссией все было порвано раз навсегда.

Мистер Браун, по слухам, вполне удовлетворился отказом Кэт от денег, предпочел личное спокойствие всяким душевным передрыгам и смирился с совершившимся фактом, говоря, что «все делается по воле божией».

По вечерам к Ашхян собирались ее друзья, к которым зорко приглядывался Геворг и за которыми зорко следили турецкие власти.

События в городе развивались быстро. Армянами принимались все меры, к тому, чтобы, в случае объявления войны Россией Турции, им удалось беспрепятственно перебраться в Персию и на Кавказ. Они организовали дружины, которые могли бы в любую минуту стать на защиту армянского населения. Но националисты старались привить этим дружинам агрессивные намерения, по отношению к мусульманам и повернуть вооруженную молодежь лицом к старому врагу. Такие люди, как Андроник и его друзья,

заглядывали по временам в Ван под видом бедных сельчан, и вели здесь энергичную, организаторскую работу. Местные армяне верили в ум и мужество этих революционеров, не оправдавших впоследствии радужных надежд трудящегося народа.

Ашхэн состояла в партии дашнакцаканов. Она вся горела нездоровым внутренним огнем и переживала минуты бешеного увлечения своим делом ненависти. Но все без исключения ценили ум и пламенное сердце этой простой девушки, готовой на всякие жертвы ради своего народа.

Врамьян не пропускал ни одной вечерней беседы в комнате сестры. Беседы эти велись обыкновенно при закрытых ставнях, так как беленький домик находился под неослабным наблюдением сыщиков.

Приходили и уходили десятки революционеров; среди них Теворг искал единомышленников, того зрелого руководителя, о котором не переставал мечтать со времени урмийского разговора с Кят. Все, что было здорового в национальном армянском движении, захватывало Врамьяна, все, что превращалось в устах вождей в нелепый шовинистический лозунг, отталкивало.

Сильно заинтересовал его зашедший как-то к Ашхэн приземистый Дро. Он был одет в ветхое платье крестьянина, и на голове его пылала турецкая феска. Низкого роста, широкоплечий, с небольшой, небрежно отпущенной бородкой, он с первого взгляда внушал людям веру в свою огромную силу воли. В его небольших, черных глазах отражались изворотливый ум, железный характер и нечто похожее на добродушие. Дро говорил рассчитанно просто, точно без желания захватить слушателей, но противоречия ловко обходил, как человек, план которого не подлежал никаким исправлениям.

Разговор коснулся вопроса о социализме и диктатуре пролетариата. Дро резко обрушился на Сервастьяна, доказывавшего, что армянам не следует становиться участниками империалистической войны, а следует подать руку тем, кто объявит войну войне, — т.е.

начать гражданскую войну против собственной буржуазии, борясь в то же время за свою независимость в Турции.

Сервастьяну было на вид не более тридцати лет. Он производил впечатление вздумчивого, несколько угрюмого человека. Чувствовалось, что в разговоре он взвешивает каждое слово, как оратор, идеи которого заранее обречены на неудачу в среде ванских дашнакцаканов, захваченных национальной горячкой.

— Ваши идеи, Сервастьян, вредны и ведут армян не к свободе, а к гибели, — набросился на него Дро.

— Вы ошибаетесь. Восстания способствуют поражению буржуазии, которая воюет из-за своих прибылей, и притом воюет не сама, а руками одураченных ею пролетариев и крестьян. Восстание, доведенное до победы, прекратит военную эксплуатацию трудящихся, прекратит гибель миллионов рабочих и крестьян на фронте, и приостановит разрушение национального хозяйства, — резко ответил Сервастьян.

— Следовательно, по вашему рецепту турецкие армяне в случае войны между Россией и Турцией должны поднять внутреннее восстание, и в результате быть вырезанными без остатка турками и курдами.

— Не извращайте моих мыслей, Дро, — сказал Сервастьян. — Я настаиваю на том, что армяне России и Турции не должны принимать участия в империалистической войне. Мы должны работать среди пролетарских масс, чтобы соединенными усилиями низов помочь сбросить правительства и Турции и России и превратить империалистическую войну в гражданскую. Долг каждого сознательного пролетария отстоять свой интернационализм, свои социалистические убеждения против шовинизма буржуазной клики всех стран. Отказаться от этой задачи значило бы отказаться от всех своих социалистических стремлений.

— О социализме, Сервастьян, поговорим лучше после разгрома Турции, а не сейчас, когда жизнь каждого армянина находится в опасности.

СМЕРТЬ ОМАР-БЕЯ

— Вы, Дро, если я не ошибаюсь, причисляете себя к социалистам, а между тем ваши слова и действия граничат с прямой изменой делу социализма.

— Вы не армянин, — резко перебил его Дро.

— Я знаю, что одинок среди вас с моими взглядами, но все же знайте, что мировая война не принесет армянам счастья. Забудьте, что есть турки, курды, армяне, русские, англичане; бросьте свою слепую национальную злобу, изучите законы развития человеческого общества, и поймите наконец что не война, а только восстание всех угнетенных откроет перед человечеством светлое и свободное будущее...

— Долой, — резко и гортанно крикнула Ашхэн.

Сервастьян медленно улыбнулся, взял со стола свою потрепанную шляпу, и вышел в сухую, ветряную ночь.

Геворг Врамьян вышел вслед за ним.

СМЕРТЬ ОМАР-БЕЯ

В то время, когда Энвер-паша вел свое; фатальное наступление к Саракамышу, окончившееся как известно полным разгромом турецких дивизий, толпы вооруженных айсоров продвигались со своими семьями в сторону Урмии. Это был великий исход айсоров из мест, где они в течение долгих веков отбивались от насилий турок и курдов. Среди беженцев было много убитых, но еще больше раненых и больных тифом.

В окрестностях Башкалы айсоры наткнулись на курдов Омар-бея, который, объединив вокруг себя много родственных племен, грабил не только христиан, но и мирное турецкое население. Турки, русские, армяне и айсоры, без различия, были для него врагами. Курдистан для курдов. А курдам сам Аллах повелел грабить всех, кто обогатился за счет аббасидского наследства — таков был лозунг большинства курдских агаларов. Курды носились по долинам и горам, предаваясь грабежу и диким насилиям. Бесконечное множество их погибло в схватках с армянами и айсорами.

Омар-бей, узнав, что айсоры насчитывают большое количество хорошо вооруженных храбрецов, послал маршимуну письмо с уведомлением о своем согласии пропустить айсоров через курдские земли при условии, что ему будут сданы все винтовки и патроны.

«Вы получите от русских все, что вам надо, — писал он маршимуну. — Нам же, курдам, откуда получить военные припасы? У турок их мало, да и не особенно доверяют они нам. Только необходимость заставляет меня предъявить айсорам мои условия. Если согласитесь, идите с миром в Урмию, если отклоните мое предложение, мы перебьем вас всех, а ваших жен и дочерей возьмем в плен и сделаем мусульманками»...

Он долго обещивал маршимуну с меликами письмо Омар-бея. Никому даже в голову не пришла мысль продолжать переговоры и согласиться на сдачу винтовок курдам, так как это, несомненно, грозило бы айсорам истреблением. На закате солнца айсоры бросились на курдов и дрались до полного изнеможения.

Курды не выдержали напора айсоров и рассыпались по разным направлениям, проявив свою обычную черту: сильное воодушевление в начале боя и быструю усталость в схватке со стойким противником.

Омар-бей был убит в этой схватке. Его смерть совсем расстроила ряды курдов, и айсоры беспрепятственно двинулись к берегам Урмийского озера.

Сын Омар-бея Ибрагим, женившийся недавно на дочери Симко из Котура, бежал с остатками своих всадников в кочевья отца своей жены и поклялся отомстить маршимуну за смерть отца...

Над местом битвы кружились черные коршуны и клевали неубранные тела убитых. Корчились покинутые раненные, призывая смерть и зная, что никто не избавит их от жестоких мучений. Волки и шакалы рвали тела еще живых людей, и стонали горы от плача умирающих.

ПИСЬМО С ПОЗИЦИИ

Стоял пасмурный ноябрь. Тянулись дождливые дни. Силы турок таяли изо дня в день. После долгих месяцев войны, турецкие войска, под натиском русских отходили в беспорядке в глубь страны. Обезлюдели селения и гнили в долинах трупы людей и животных.

Врамьян находился с армянской дружиной около Битлиса, в местности, откуда бежало все население и где нельзя было раздобыть ни провианта, ни каких-либо перевязочных средств. Дружина целыми неделями питалась затхлыми сухарями, и люди гибли от тифа и цынги.

Он сидел в сырой курдской землянке. Был скучный вечер, холодный ветер врывался в землянку и пронизывал холодом усталое тело. Тускло мерцал огарок в фонаре и, закутавшись в бурки, храпели дружинники. Врамьян перечел письмо, написанное на скорую руку и адресованное той, которая покорно ждала его в Эривани.

«Моя дорогая, хорошая Кат, — писал он, — вот уже целый месяц, как мы кочуем с места на место по хмурой, неприветливой стране, не встречая ни людей, ни животных. Все перебито, вырезано или бежало от ужасов войны, куда глаза глядят. Работать в такой обстановке — ужас, не поддающийся описанию. Эпидемии валют людей; нет сил и возможности бороться с болезнями. Стужа и голод — самые опасные враги и армян и турок. Я стараюсь внушить это каждому встречному, к какой бы нации он не принадлежал. Но турки и курды уже ушли из этой голодной страны к западу, поближе к морю. С провиантом дело обстоит совсем плохо. Слышно, что через Макинское ханство спешно проводят железную дорогу к берегам Ванского озера. Я виделся на-днях с ее строителем молодым военным инженером, который обрадовал меня сообщением, что постройка, железнодорожного пути успешно подвигается вперед и что через несколько месяцев мы будем соединены с Кавказом. Тогда я приеду отдохнуть немного в Эривань, чтобы пови-

дать, моя любимая, вас и нашего Арменака. Я надеюсь, вы получили мое последнее письмо, в котором я сообщал печальную весть о смерти нашей бедной Ашхэн. Ее убили при перестрелке с курдами; она умерла на руках Дро, и за несколько минут до смерти, просила его передать мне, что берет с меня клятву не покидать дружину до окончания войны.

Сознает ли Дро, что крови Ашхэн и многих таких, как она, на его руках больше, чем на диких руках курдов?

Слушайте, Кэт, во имя чего погибло столько армян, русских, турок и курдов?.. Люди озверели, избивая друг друга, калеча детей и насилая женщин. Мир должен измениться коренным образом, чтобы изжить свои звериные пути, чтобы прекратились насилия сильных над слабыми. Не моря и горы разделяют народы, а невежество, не различие языка, а погоня за барышами.

Ваше последнее письмо меня обрадовало; я спокоен, что хотя бы вы и наш маленький Арменак здоровы и довольны своей жизнью в Эривани. Целуйте же крепко за меня нашего малютку. Поведеется ли мне увидеть, каков будет этот новый человек?..»

Врамьян не успел перечитать и исправить письмо. Огарок затрещал и погас. В наступившей темноте врач едва нашел свою бурку и забылся под ней тяжелым тревожным сном. Было холодно. Где-то скулила собака, и без конца бил по крыше мелкий осенний дождик.

Армянские дашнаки пали; пала султанская Турция; пала царская Россия. Новая Армения цветет равной среди равных в трудовой семье народов СССР, прокладывающих путь к социализму..

Геворг Врамьян с женой и сыном живет в Эривани и работает в одной из больниц. Кэт дает уроки английского языка и возлагает большие надежды на подрастающего Арменака, который успешно учится в школе, охотно занимается спортом и больше всех школьных наук любит географию.

СЛОВАРЬ

Каменный баран — особая порода диких горных баранов водящихся в горах Кавказа и Азии.

Платан — южное дерево с большими узорчатыми листьями, иначе называется чинара.

Фанатик — человек, слепо преследующий свою цель. В особенности много фанатиков среди верующих, к какой бы религии они ни принадлежали.

Эпидемия — разные болезни, поражающие одновременно множество людей в одной и той же местности, иначе «повальная» болезнь.

Колонизатор — капиталист, захватывающий земли, принадлежащие отсталым, большею частью восточным народам. Колонизатор эксплуатирует колонию в экономическом отношении, выкачивая сырье и превращая ее в рынок для сбыта своих товаров, и политическом, подготовляя себе в Колонии военные кадры для борьбы с другими странами.

Семирамида — легендарная, жившая по преданию за две тысячи лет до нашей эры, царица Ассирии жена царя Нинуса, создательница висячих садов.

Семитические племена — семитами называются народности Передней Азии, принадлежащие к семитической группе языков, которая разделяется на: 1) восточно-семитскую (ассиро-вавилонскую), 2) средне-семитскую (еврейскую и финикийскую), 3) северо-семитскую (арамейскую) и 4) южно-семитскую (арабскую) и т.д.

Анналы — хронологические записи исторических событий; в переводе с латинского означают «ежегодники».

Скифы — название, данное древними греками кочевникам степей Центральной Азии и Южной Европы, в особенности оно относилось к кочевому населению на территории, прилегающей к Черному морю.

Киммерийцы — древние обитатели Керчи, которую греки называли Киммерийским Востфором.

Фригийцы — одна из народностей Малой Азии.

Бурка — верхняя одежда из черной овечьей шерсти в виде пелерины, которую носят горцы.

Муэдзин — арабское слово, означающее — «призывающий к молитве».

Аскер — арабский или турецкий солдат.

Миф — древнее сказание о языческих божествах.

Сельджуки — тюркское племя, вышедшее из Туркестана и образовавшее в Передней Азии мощное государство, которое в XIII веке распалось на отдельные княжества. В Малой Азии из этого племени возникла династия турков-османов.

Орнамент — украшение на одежде, на сосудах и т.д. с повторяющимся рисунком.

Саман — мелко нарубленная солома. Смешанная с глиной она идет на Востоке на постройку стен и оград.

Саманник — открытый с двух сторон навес для мелко нарубленной соломы.

Конструкция — устройство какого-нибудь предмета; строение предмета.

Тонир — очаг.

Младотурки — национальная буржуазная партия турецких интеллигентов, существовавшая до мировой войны. В их программу входили политические и религиозные реформы, а также реформа языка.

Несториане — христианская секта, происшедшая от Нестория, который в первой половине V века был патриархом в Константинополе (Византии) и считается еретиком за то, что проповедывал наличие в Христе одновременно и божественного и человеческого начала.

Узурпатор — человек, насильственно захватывающий чужие права.

Сердоликейвая печать — на Востоке, где почти все население неграмотно, у большинства мужчин имеются печати, которые они прокладывают к бумагам вместо подписки. Сердолик — полудрагоценный камень, излюбленный для подобного рода печатей.

Вассальное подчинение — пережиток средневековья, согласно которому вассал, получающий от своего суверена-феодала защиту на время войны, обязан ему подчиняться и платить дань. Вассалами на Востоке обычно являются крестьяне, а суверенами — владельцы укрепленных замков или даже городов.

Сепаратизм — в политическом смысле означает стремление отдельных частей государства к самостоятельности — отделению.

Буферное государство — небольшое государство, расположенное между двумя империалистическими державами. До мировой войны роль такого буфера играл Афганистан, разделявший соперничавших на Востоке Англию и царскую Россию.

Регламентировать — давать определенные правила.

Кейф — слово, означающее на Востоке ничегонеделание.

Каймак — кушание, приготовляемое из пенек вскипяченных сливок.

Улемы — высшие представители мусульманских служителей культа.

Джигитовка — верховая езда с преодолением различных препятствий.

Шербет — сладости, сделанные из фруктового сока с сахаром.

Маршимун — духовный и политический глава айсоров, так называемый айсорский патриарх.

Калиф или халиф — титул, даваемый мусульманскому правителю, играющему роль правомочного заместителя Магомета на земле и главы всего Ислама. Этот титул несколько раз переходил от правителя одной страны к другой и, наконец до 1924 года принадлежал турецкому султану. В данное время калифа у магометан нет.

Иезуиты — духовный орден, основанный в 1534 году Игнатием Лойолой под названием общество Иисуса. Целью его является укрепление власти папы и распространение католицизма. Для достижения своих целей иезуиты в средствах не стесняются. Одно время они поставили своей задачей обращение в католицизм царской России, на что ими были ассигнованы огромные средства, но их попытка не удалась.

Мелик — выборный старшина, стоящий во главе племени.

Метафизика — греческое слово и название одной из книг греческого мыслителя — Аристотеля. Буквально означает: по ту сторону физики, т.е. философия об отвлеченных сущностях.

Манускрипт — в переводе с латинского — рукопись. Манускриптами называются все книги, написанные от руки, до изобретения книгопечатания, а также современные рукописи, подготовленные к печати.

Пергамент — особым образом приготовленная кожа животных, на которой писали древние. В настоящее время пергаментной бумагой называется обыкновенная бумага, обработанная для большей крепости хлористым цинком, употребляется для особо важных документов.

Националист — член партии, главной целью которой является освобождение своей страны от иностранной зависимости.

Агрессивный — наступательный, враждебный.

Шовинистический — преувеличивающий национальную гордость, ложный патриотизм.¹

Англофильский — защищающий интересы Англии.

Фиктивный — подставной, на самом деле не существующий.

Дашнакцутюн — армянская националистическая партия; приверженцы ее называются дашнакцаканами.

Амбразура — отверстие в стене крепости.

Барельеф — выпуклое скульптурное изображение на стене.

ОПИСАНИЕ КУРДСКИХ АШИРЕТОВ¹

[Джаф] Л.64 (2)

...один из них, а именно Осман-паша, каймакам Гул-Акбара, умер прошлой зимой; его заместил младший сын его, Тахир-бей; однако 3–4 месяца тому назад он был смещен. На его место назначили турка. Осман-паша был женат на персиянке из Сеннэ, на имя которой были записаны им² все его обширные земельные угодия в Персии, тогда как таковыя в Турции он закрепил, при своей жизни, за своими сыновьями. Этот аширет никогда не платил податей Турецкому правительству; за ним числятся огромные недоимки. Этой зимой была послана особая комиссия для взыскания податей. Махмуд отказался от уплаты повинностей и³ вследствие этого был вызван в Моссул, где и оставался все время, пока комиссия находилась среди его аширета. Взыскали с Джафов около 10. 000 тур. лир. Говорят, что часть этих денег была присвоена членами комиссии. Турецкое правительство признает, что аширет Джаф может оказать ему большие услуги в случае столкновения с Персией, а потому делает постоянные попытки (в особенности Султан Абдул Хамид) привлечь к себе симпатии главарей аширета с помощью подкупа и разных уступок. Джафы, принадлежащие к

---

¹ Архив Российской академии наук, ф.688, оп.6, ед.хр.18.

² Вставлено чернилами над строкой.

³ Вставлено чернилами.

секте «шафии», относятся враждебно к суннитам; они¹ отличаются [своим]² тупым фанатизмом в отношении христиан³. Все они – прекрасные наездники; отчаянные разбойники, и находятся в постоянной вражде с соседними арабскими племенами.

Дезде. دزدی. Этот аширет состоит приблизительно из 800 семейств, которые частью кочуют, частью живут полуоседло. Эти курды занимают долины и горы между Керкуком, Ирбилем и Ревандузом. Глава племени – Ахмед Баиз Ага.

Херки. هرکی. Аширет «Херки», состоящий из 600 семейств, отличается своей злобностью и мстительностью. Он живет по соседству с курдами «Дезде». Глава этого племени // [л. 65]

Ахмед Кешха недавно был схвачен Керкукскими властями, так как он отказался платить подати.

Хамаванд. هماواند. В этом аширете насчитывается до 300 семейств. Он отличается своей враждебностью по отношению к турецким властям. За последние 50 лет Хамаванды не наносили серьезных поражения турецким войскам⁴. Это племя живет в Чемчамале и Базиане, между Керкуком и Сулеймание. Лет 30 тому назад туркам удалось было подчинить себе⁵ это племя и выселить его главарей в Албанию и Триполи в Африке. Все они бежали из ссылки и благополучно вернулись на родину. Здесь [они]⁶ в начале жили они⁷ небольшими группами в 10–20 семейств, постоянно враждуя между собой, но крепко объединяясь в случае вражды с турками или посторонними аширетами. Хамавенды славятся своей удалью и хитростью в военном деле. Их быстрота передвижений – поразительна. Два года тому назад, когда турки двинули против них 10 баталионов пехоты, 1500 всадников и 2 горных батгарей, Хамавенды успешно со-

---

¹ Вставлено чернилами поверх машинописи.

² Зачеркнуто.

³ Вставлено чернилами поверх машинописи.

⁴ Написано чернилами поверх слова *властям*.

⁵ Вписано чернилами над строкой.

⁶ Зачеркнуто.

⁷ Вписано чернилами.

противлялись 15 месяцев и, быть может, воевали бы до настоящего времени, если бы Назим паша, назначенный Багдадским губернатором, при своем приезде в Багдад, не объявил им амнистию. С тех пор Хамавенды живут спокойно.

Артоши. ارتوشی هاجان. Этим именем называется обширная часть Курдистана, разместившаяся к С. от Захо почти вплоть до Кордуза. Там живет много кочевых и полуседлых племен, сведений о которых почти не имеется ни в нашей, ни в иностранной литературе. Назовем имена некот(о)рых аширетов: Гевдан (300 всадников), Гоян (300 всадн.), Жиреки (самое большое и разбойн. племя. 300 всадников. Недавно сделали нападение на несторианское селение «Ашита», в Тиари, убили 10 человек, ранили 8 и увели до 7000 голов разного скота). Шида, Хаджан, Шарафа, Гравдиа, Кадина, Кежура, Кочери и др. (об этих аширетах пока нет никаких сведений). Есть основание предполагать, что всех Артошей // [л. 66] насчитывается до 4 000 семейств. Податей они не платят, живут до сего времени почти самостоятельно.

По имени края один аширет носит название «Артоши» и разделяется на две ветви 1) собственно «Артоши» и 2) «Хаджан»¹. Этот аширет занесен в списки хамидийской конницы и в военном отношении зависит от начальника дивизии, живущаго в Диярбекире. 250 семейств² «Артоши» имеют своим главой Хаджи Агу³ (имеет чин каймакама), а во главе племени «Хаджан» (150 семейств) стоит брат Хаджи Аги, Мухаммед Ага (в чине кол-агасы⁴). Оба брата находятся ныне⁵ под арестом в Моссуле; против них возбуждено 160 дел. Они всегда враждовали между собою. Оба эти аширета летом направляются в сторону

---

¹ Написано чернилами поверх машинописи.

² Написано чернилами поверх машинописи.

³ Написано чернилами поверх машинописи.

⁴ Кол-агасы — военный чин в султанской армии, следующий после капитана перед майором (соответствовал чину штабс-капитана в царской армии).

⁵ Вставлено чернилами сверху.

Кордуза, а зимой, согласно старых порядков, они должны были бы жить на правом берегу Тигра, около Пешхабура; но, в виду их вражды с аширетом «Миран» (входят в состав Хамидийских полков. Их глава – Мустафа паша), а также с¹ некоторыми арабскими племенами, – Хаджи Ага вынужден последние 15² лет жить³ в долине Слевани, на левом берегу Тигра, между Пешхабуром, Захо и Дехоком. Здесь ему в начале⁴ не посчастливилось, ибо шейх Нур Махама, очень влиятельный человек в Дехоке и владеющий многими селениями в долине Слевани, не пожелал видеть аширет «Артоши», кочующим по его пастбищам. Он собрал окрестные аширеты и объявил священную войну против Хаджи Аги. Это произошло в Декабре 1900 года. Более 10 000 человек горцев подчинились шейху; сборными пунктами были выбраны⁵ Дехок и Мар⁶ Якуб (ныне монастырь Доминиканцев). Во главе этих кочевников стали: шейх Нур Махама, Мохаммед бей и Абдэ Газалья, самые могущественные люди в этой части Курдистана. Когда их армия спустилась в долину и неосторожно зашла слишком далеко, то была встречена таким убийственным огнем 600–700 Артошей, что в течении 1–2 часов, была совершенно разбита и отступила в полном беспорядке в горы, // [л. 67] оставив на месте стычки свое оружие, более 80 человек убитыми и 250 раненых. С того времени упорная вражда между племенем «Артоши» и соседними курдскими аширетами не прекращается⁷. «Артоши», хотя и остаются в захваченных ими местах, тем не менее⁸, проводят жизнь под вечным страхом быть атакованными своими непримиримыми врагами. Только в по-

---

¹ Вставлено чернилами сверху.

² Написано чернилами поверх машинописи.

³ Вставлено чернилами сверху.

⁴ Вставлено чернилами сверху вместо слова *также*.

⁵ Вставлено чернилами сверху.

⁶ Написано чернилами поверх машинописи.

⁷ Написано чернилами поверх машинописной фразы: *не прекратилась до настоящего времени*.

⁸ Вставлено чернилами сверху.

следние годы состоялось соглашение между Шейхом Нур Махама и Хаджи Агою. С объявлением конституции¹ Хаджи Ага и его брат, как выше было сказано, были арестованы, а их земли конфискованы. Их аширеты ныне влчат очень печальное существование.

Бохтан بوھتان. Бохтанские курды исповедуют ислам по суннитскому толку и составляют множество аширетов. Они занимают обширную гористую страну между рекою Бохтан-су² и Тигром. Здесь насчитывают около 25 племен³. Большая часть ведет полуоседлый образ жизни. К туркам они относятся враждебно; они⁴ признают законные права на халифатство не за династией Османа, а за потомками Аббасидов, черное знамя которых, по словам нашего бывшего консула в Алеппо И.А. Иванова, хранится в горах Бохтана. Отсюда поднял возмущение известный в свое время курдский герой Мир Иезданшир (записка о Бохтанских курдах ст. сов. Иванова. Курды. Ист. очерк капитана Аверьянова. стр. 87). Самый могущественный аширет в Бохтане называется «Арохи» и живет полуоседло в казах Дех и Хасхер. Этот аширет делится приблизительно на 12 родов, каждый из которых владеет 20 и более деревнями. Главы этих родов постоянно враждуют между собой и держат имеющих там христиан в полном подчинении. Здесь существует еще рабство. Из имеющих там кочевых аширетов нам известны: 1) Батуан (более 2000 семейств. Зиму проводят между Тигром и Шернаком. Их глава – Мохаммед Мустэ) 2) Миран (500 семейств. Участвуют в составе Хамидийских полков. Их глава – Абдул Керим Бей), в чине // [л. 68] каймакама. Это сын известного Мустафы пашы⁵.

---

¹ Имеются в виду события июля 1908 г., т.е. т.н. Младотурецкая революция, вследствие которой удалось восстановить действие конституции 1876 г. и созвать парламент.

² Река Бохтан (Ботан) - левый приток реки Тигр. Улучай.

³ Написано чернилами поверх машинописи.

⁴ Написано чернилами поверх машинописи.

⁵ Выше Олферьев указывал, что главой аширета Миран был сам Мустафа-паша.

Эти курды¹ зимой живут в Месопотамии, между Джебзире, Нисибином и горою Синджар². Оно отличается своими разбойными наклонностями, и причинило не мало горя здешнему мусульманскому и христианскому населению. Абудул-Керим в настоящее время находится под арестом в Диарбекире. Курды «Миран»³ постоянно занимались разбоем и грабили «келеки» (баржи), идущие с товаром из Диарбекира в Мосул. Они всегда⁴ находятся во вражде с соседними аширетами, причем турецкая власть почему-то всегда⁵ им симпатизировала и не преследовала их⁶ за разбои.

3) Тайян (до 600 семейств. Зимой живет между Джебзире, Хизилем и Тигром). Этот аширет всегда делится на 2 рода. Один ныне находится под властью Решид Аги, а другим правит его двоюродный брат – Караван Ага.

4) Рашекан - 200 семейств.

5) Качан – 250 семейств.

6) Херска- 300 семейств.

7) Гареса – 200 семейств.

8) Хонери – 160 семейств (курды-иезиды).

Названия других аширетов неизвестны даже турецким властям, у которых вообще почти нет сведений о курдах Бохтана.

К курдам Бохтана надо отнести известного Бадыр Хан Бей, наследственного владельца Джазире, которому удалось овладеть в 1843 году Джуламерком, всей страной Тиари, где живут Несториане, и городами Захо, Амадией и Ревандузом. Его союзником был Хеккярийский бей Нурулла. Бадыр Хан был отправлен в ссылку на остров Крит, а его племянник Иезданшир

---

¹ Написано чернилами поверх машинописной фразы *это племя*.

² Горный хребет на северо-западе Ирака и северо-востоке Сирии. В настоящее время территория входит в состав Иракского Курдистана.

³ Вставлено чернилами сверху поверх исправленного *Эти курды*.

⁴ Написано чернилами поверх машинописи.

⁵ Вставлено чернилами сверху (первоначально *всегда* стояло перед *почему-то*, но было зачеркнуто).

⁶ Вставлено чернилами сверху.

поднял знамя возстания в 1854 году и пять раз писал начальнику нашего Эриванского отряда, предлагая начать совместные действия в виде наступления на Ван с двух сторон. Письма эти своевременно не дошли по назначению.

Известный ныне Абдур-Резак внук Бадыр Хана¹. Два других внука последнего: Бодри хан и Мидхат // [л. 69] Бей недавно проехали через Ван в Константинополь. Они высказывали открыто свои порицания по поводу неумелых действий турецких властей в Курдистане и все время находились под неослабным наблюдением турецкой полиции. Мидхат Бей² производит впечатление образованного человека; он³ свободно говорит по французски.

Милли *ملى*. Эти кочевники насчитывают в своем аширете до 3000 семейств; они⁴ кочуют между Нисибином и Веран-Шехир. Их главой когда-то был знаменитый Ибрагим-паша, сумевший сплотить под своею властью многочисленные аширеты обширного района на юге Диарбекирского вилайета. Все соседние аширеты платили ему дань, за то, что оберегал их от посягательств других аширетов и даже турецкой администрации. Резиденция этого могучаго курда находилась в Веран-шеире, большом селении на прямой дороге между Урфой и Мардином. Турецкое правительство оказывало ему некоторое покровительство, так как он сдерживал и ослаблял арабское племя северной Месопотамии – Шамшаров.

Кикиа *ككيه*. Это племя живет полуоседло в окрестностях Мардина; ему принадлежит там до 40 селений.

Мамман *ممان*. Мамманы владеют 30 селениями между Джебзире и Меддо. Их глава – Рамазан Ага живет⁵ в Зевеки.

---

¹ Фраза исправлена чернилами из начального варианта: *Известный ныне Абдур-Резак доводится внуком Бадыр Хану.*

² Написано чернилами поверх машинописного: *паша.*

³ Написано чернилами поверх машинописного *и.*

⁴ Написано чернилами поверх машинописного *и.*

⁵ Исправлено чернилами из *живущий.*

Рамман رمان. Этот аширет живет в Джебель-Туре на Тигре, и владеет приблизительно 100 деревень [sic!]. Глава – Алиэ Раммо Ага.

Деккури دقوری. Владеют 50 селениями между Мидиа, Мардином и Нисибином. // [л. 70]

Мухаллами مخلمی. Живут между Мидиа и Мардином, к востоку от Деккури. Владеют там 150 селениями.

Хуерки هويرکی; **Декшури** دکشوری. Весь центр Джебель-Тура занят двумя аширетами: Хуерки и Декшури. Тамошние христиане (Якобиты, до 2000 семейств) живут в одинаковых условиях с курдами и никаких притеснений с их стороны не видят. В этой местности встречаются лучшие типы курдов, в смысле красоты и ума. Оба аширета насчитывают до 5000 семейств; их глава – Сархан, вместе с братом своим Челеби, живет в селении Мезизаке, в одном часу езды от Мидиа. Селения этих курдов разбросаны среди живописных диких гор, изобилующими дубовыми рощами и виноградниками.

Даши داشی; **Мешкеви** مشکویه. Часть этих двух аширетов живет в самом Мардине, а другая в окрестностях этого города.

Бешериа بشیریه. Так называется местность между рекой Бохтан-су и Тигром; этим же именем называются многочисленные курдские аширеты, живущие там. Есть кочевники и оседлые. Сведений о них не мог получить¹.

Гарзан غرزان. Эта местность граничит с округом Бешериа по направлению к Сеерту и Битлису. Здесь живут многие кочевые и полуоседлые аширеты. Самый сильный – Пенджанариа, глава которого Бешарэ Чато слывет в казе Сеерт за отчаянного разбойника.

Шируан شیروان. Совершенно необследованная область к С.-В. от Сеерта, начиная² от Бохтан-су до Кепхра. Местность эта – плотно¹ населена курдами². // [л. 71]

---

¹ Эта фраза целиком вписана Олферьевым чернилами.

² Вставлено чернилами сверху.

Мотеки موتكى; **Аллекан** علكان; **Слоки**³ سلوقى. Эти полудикие курдские аширеты, живущие разбоем и грабежами, кочуют между Сеертом и Битлисом. Еще памятно, как в начале 1897 года в казу Мотеки был назначен энергичный каймакам, пожелавший собрать с курдов аширета Мотеки подати. Этот каймакам вскоре был убит. Для наказания виновных были посланы солдаты, которые ничего не могли по[де]лать с воинственными курдами и возвратились обратно.

Селлахи سلاهى; **Шекак** شكاك. Два больших аширета, кочующие в окрестностях Гяваро, Джуламерка и Башкало. Численность их пока не установлена.

Орамариа اوراماريه. Этот аширет приблизительно состоит из 300 семейств. Кочует в окрестностях Бейтуль-Шебаба и Нордуза.

Соран سوران. Это оседлое племя кочует между Сулеманиэ, Керкуком и Эрбилем. Оно владеет 80 богатыми селениями. Их глава – Какель Ага.

Шейхан شىخان. Племя Иезидов, смешанных с курдами, имеет до 20 селений в казе Дехок. Их глава (называется «мир») Али Бей живет в Баадри. Он вместе с тем является их духовным главой. За такового его почитают все иезиды, живущие вблизи гор Синджар.

Шейхани много вытерпели горя от турецких властей, которые хотели заставить их силой принять мусульманство. Лет 25 назад Ферик Омар Паша, тогдашний губернатор Моссула, отправил много⁴ войска против этих иезидов и многих из них казнил. Большая часть племени Шейхан скрылись тогда в горах Синджара.

Али Бей ежегодно вносит в казну определенную сумму денег, заменяющую воинскую повинность. Под этим предлогом

---

¹ Вписано чернилами поверх машинописи.

² Вписано чернилами.

³ Вписано чернилами поверх машинописи.

⁴ Зачеркнуто чернилами.

он выманивает у населения крупные суммы, и ныне считается довольно зажиточным чело // [л. 72] веком. Относительно иезидов вообще¹ имеется очень интересная работа на итальянском языке, написанная настоятелем Халдейского монастыря в Алкоте аббатом Самуилом (Samuël²) и изданная несколько лет тому назад в Риме.

Бервари برواری. Оседлые курды, числом около 1200 семейств. Живут по соседству с Бейтуль-Шебабом и Джебзире³. Их глава – Решид Бей. Они всегда враждуют с Несторианами и не признают турецкого владычества над собою. Они владеют более 70 селениями.

Оламари اولاماری. Оламари, оседлое племя, ранее обитало между Дехоком и Амадией, а ныне в окрестностях Дезза. Оно состоит из 350⁴ семейств и имеет своим главой известного разбойника, по имени Сузо, который 8 лет тому назад ограбил Доминиканский монастырь «Мар Якуб».

Слевани سليفانی. Эти курды владеют 60 селениями между Дехоком и Пешхабуром. Их глава – разбойник Абди Газала, ныне вместе с своим⁵ сыном находится в Моссуле под арестом.

Достеки دوستکی. Оседлое племя. Около 1200 семейств. Живет между Дехоком и Гяваром, вплоть до Дезза.

Синди-Гули سندی گلی. Оседлое племя между Амадией и Захо. 1300 семейств. Их глава Абди Ага отличается своей хитростью. Турки его возвеличили в звание мудира (по нашему становой пристав). Эти курды причиняют много горя христианскому населению. Местность славится своим табаком.

Хаджи-Бира (حاجی بیرا). Этим именем называются несколько диких аширетов, о жизни которых почти ничего неизвестно

---

¹ Зачеркнуто чернилами.

² Переделано чернилами из *Шамуилом (Chamuël)*.

³ Фраза вписана поверх машинописной *между Амадией ..Тиари*.

⁴ Цифра пропечатана плохо. Возможно, 300 или 380.

⁵ Вставлено чернилами сверху.

и которые живут [почти]¹ вне всякой зависимости от турецких властей. // [л. 73]

Эти курды кочуют² между Захо, Джезире, Дех, Барвари, Тиари и Артоши; они всегда враждуют между собой. Пока я не имею сведений об их численности³. Турки определяют число их семейств от 4000–5000. Вот имена главных аширетов: Гоян, Селоп, Пешкавар, Шернак, Дершеве, Мендакан, Хелал и Келлаба. Самый могущественный аширет – Шернак. Его главой когда-то был Мухаммед Ага, который правил всеми племенами Хаджи-Бира. Так как аширет Шернак обитает вблизи Сту-Схера, – где находится единственный приют⁴ для кочевников Месопотамии при их движении к С. на летняя кочевки, – то он всегда взимал известную плату⁵ за право⁶ прохода через это ущелье, а потому пользовался большим значением в центральном Курдистане. Шернакские беки построили в селении «Шернак» свои замки из кирпича и имеют в них большие запасы пороха и оружия. После смерти Мохаммед Аги, главой племени сделался его сын Абди Ага. Дяди последнего, Юссуф Ага и Агаé Сор, постоянно враждовали с ним, чтобы захватить власть в свои руки, но все их попытки были безуспешны. Престиж Абди Аги до сего времени очень велик в этих диких местах.

За аширетом Шернак следует племя Гоян, богатое и⁷ сильное; оно отличается своей жестокостью по отношению к христианам, находящимся у них в подданстве⁸. Они не признают турецких властей. Это, пожалуй, самые дикие из всех Кур-

---

¹ Зачеркнуто чернилами.

² Вписано над строкой вместо фразы *аширеты живут*.

³ Вписано над строкой вместо фразы *Почти невозможно пока определить их численность*.

⁴ Вписано над строкой вместо *путь*.

⁵ Вписано над строкой вместо *подать*.

⁶ Вписано над строкой.

⁷ писано над строкой вместо *также*.

⁸ Фраза переделана чернилами из *отличающееся своей жестокостью против христиан, находящихся у них в подданстве*.

дов. Их насчитывают до 1300 семейств. В военное время они могут выставить до 2000 смелых и хорошо вооруженных борцов¹.

Все прочие аширеты находятся в подчинении то у Шернакских, то у Гоянских беков.

Слопи سلوی. Оседлое племя, которому принадлежит 40–45 селений вблизи гор Джуди, между Джебзире и рекой Хизиль, вплоть до Херболя, где имеются: нефтяной источник и залежи каменного угля. // [л. 74]

Каза Шамдинан. В этой казе насчитывается до 2000 семейств курдов и 200 домов Несториан. Эта область очень слабо обследована. В ней, как и в Бейтуль-Шебабе, совсем нет армян. Шамдинанская каза отличается весьма глубоким рельефом местности; дороги исключительно – тропы. Власть правительственного каймакама в Шамдинане почти фиктивна². Настоящими правителями являются потомки знаменитого шейха Обейдуллы, пытавшегося в 1880 году создать на границе Персии и Турции независимое курдское княжество. В настоящее время из-за³ власти враждуют⁴ между собой⁵ Абдуль Кадер (сенатор) и его племянник Таха⁶, еще совсем молодой человек, но очень богатый. Турки поддерживают последнего, так как получают от него богатые подарки.

Шамдинан известен производством табака⁷ хорошего качества, особенно ценимаго в Персии. Право свободной продажи табака принадлежит потомкам шейха Обейдуллы, за что они ежегодно выплачивают небольшую аренду управлению «Режи». В прошлом году было уплачено 700 лир. В этом же арендная плата⁸ дойдет, как мне предавало вполне осведомленное

---

¹ Вписано чернилами поверх машинописного *всадников*.

² Вписано чернилами поверх машинописного слова.

³ Вписано чернилами сверху.

⁴ Вписано чернилами поверх машинописного слова.

⁵ Вписано чернилами сверху.

⁶ Переделано чернилами из *Тахир*.

⁷ Вписано чернилами поверх машинописного слова.

⁸ *Арендная плата* вписано чернилами сверху.

лицо, до 2000 лир, вследствие конкуренции между Абдуль Кадером и Таха¹.

Турецкая власть всегда с особой бдительностью следят за положением дел в Шамдинане и стараются, с помощью подкупа, заручиться симпатиями потомков шейха Обейдуллы.

Вице-консул: С. Олферьев.

---

¹ Переделано чернилами из *Тахиром*.

Приложение

Н.П. Олферьев

К БИОГРАФИИ БРАТА – СЕРГЕЯ ПЕТРОВИЧА ОЛФЕРЬЕВА¹

В первых главах “Пережитое” я писал о детстве и юности брата-близнеца. После его смерти уцелела рукопись “Плана воспоминаний консула”, но сами “Воспоминания” исчезли... Все это я передал в московскую библиотеку им. В.И. Ленина, в Отдел рукописей.

Остались еще у меня на руках тезисы к обширному докладу брата для Ленинградского общества о проблемах правового, экономического и политического положения негров в тех государствах, где лиц с белой кожей единицы, а негров подавляющее большинство.

Брат скончался в Ленинграде 10 февраля 1942 г. от голода, 67 лет, похоронен на Охтенском кладбище. Скончался на руках своей сестры С.П. Валуевой и ее сына Миши, воевавшего в это время с врагом на подступах к Ленинграду. Брат и сестра питались разными заменителями, вроде столярного клея, а племянник получал на фронте 300 гр. хлеба и не мог помочь матери и дяде. В ночь с 9-го на 10-ое февраля брат страдал бессонницей и передал случайно приехавшему с фронта племяннику просьбу:

---

¹ Печатается с незначительными сокращениями, с сохранением стиля оригинала по: ОР РГБ, ф. 509, Олферьевы, картон № 2, ед. хр. № 10 (1950-е гг.) и ед. хр. № 8 (1959 г., машинопись, чистовая версия ед. хр. № 10).

“если умру, не пиши пока в Москву моим дочерям, им сейчас не легко живется”. К утру 10-го заснул и во сне скончался. Следом за братом скончалась 1 апреля 1942 г. сестра Валуева тоже от голода. Сына ее отпустили на день с фронта, он похоронил мать на Преображенском кладбище. Жена племянника, по специальности зоотехник, жила в г. Вельегонске, пробраться в Ленинград не могла. Сестра могла перебраться в Вельегонск к невестке, но осталась из-за единственного сына на месте, а брат не мог оставить сестру одну в осажденном городе. Брат, сестра и племянник жили в одном помещении и после их смерти жилище осталось без охраны, многое было похищено, в том числе рукописи и книги. В 1847 г. (так! – И.З.) племянник прислал мне уцелевшие рукописи и фото, выше перечисленные. Я знал, что в 1939-40 гг. брат работал в библиотеке им. Салтыкова-Щедрина и готовил работу к юбилею поэта Низами и заканчивал свои “Воспоминания консула”, приходится пожалеть, что рукопись... пропала...

Я держу сейчас в руках “план воспоминаний” и постараюсь мысленно пройтись по его главам, тезисам и дополнить план тем, что память мне сохранила из писем и рассказов брата.

После гимназии брат поступил в Лазаревский Ин-т восточных языков и слушал лекции в Московск. Универ. на юридическом факультете. Жил на хлебах у проф. арабского языка М.О. Аттая. Я его лично знал, это был красивый старик, с очень добрым лицом. Брат мне рассказывал, что М.О. Аттая был приглашен из Сирии молодым человеком для преподавания арабского языка. На первом приеме у попечителя учебного округа араб, по восточному обычаю пал ниц перед начальством. Попечитель растерялся, но курьер выручил, поднял на ноги будущего профессора...

На берегу Мертвого моря едва не погиб от злокачественной лихорадки, но был спасен проводником-арабом, лечившим его местными народными средствами, одно из которых, по словам брата, была водная процедура. Помню, когда я с братом впоследствии ехал по железной дороге из г. Рива на Гардском

озере в Верону, он говорил, что эта дорога среди безукоризненных Тирольских гор без единой травинки и кустика, один сплошной гранит, точное повторение окрестностей Иерусалима...

По окончании Лазаревского института брат слушал в течение года лекции в Лозаннском Университете...

Окончив занятия в Лозаннском Университете, брат совершил поездку по Италии и пожил некоторое время в суровой Бретани, в г. Порник...

В первом письме из Тегерана брат мне писал, что его больше всего заинтересовало в Тегеране подземное водоснабжение города, сооруженное еще в древнейшие времена. Оно шло от г. Казвина на протяжении около 200 км.¹ Он писал, что для него была новость узнать, что в Тегеране находится русская бригада, которой командовал генерал Косаговский и при нем два полковника Чернозубов и Ляхов... В Тегеране брат встретился с моим товарищем и приятелем по Университету караимом Серая Марковичем Шапшалом. Он преподавал русский язык наследнику престола. Шах Музафер-ед-дин вскоре отправил сына в Тавриз, где Шапшал был сделан при нем везиром (советником). [В 1917 г. Шапшал перебрался из Персии в родной Крым, где был выбран духовным главой караимов. В студенческое время Шапшал всегда говорил, что караимы ничего не имеют родственного с евреями]². [В Тавризе нашим генер. консулом был старик Похитонов, который часто бывал в Реште, когда брат управлял там консульством. Он очень ценил работу и трудолюбие брата]³».

В 1903 г. брат был направлен из Тегерана в Решт и Энзели (гилянская провинция) управлять консульством. На этом посту брат пробыл 4 года. При нем началось строительство порта в

---

¹ Далее зачеркнуто зачеркнуто: «Изучением этого деревянного подземного строительства он хотел бы заняться».

² Под знаком вставки на л. 15 об.

³ Зачеркнуто красным карандашом. В № 8 этого отрывка нет.

Энзели и производились работы по сооружению Энзели-Тегеранской и Тавризской шоссежных дорог. Доктором на этих дорогах был П.Ф. Филатов, мой крестный отец, [сын которого был знаменитый окулист В.П. Филатов, мой двоюродный брат и друг]¹.

В 1903–1904 гг. в Персии свирепствовала холерная эпидемия. Брату пришлось много поработать по охране наших границ от этого зла. Он обратил внимание, что товары, вывозимые морем из Персии в Россию, совсем не дезинфицировались, особенно хлопок и коконы, которые при обработке легко загрязняются холерными отбросами. Надо было на персидском берегу Каспийского моря устроить карантин. Здесь сказалась помеха со стороны бельгийцев, которые захватили в свои руки все таможни. Устроенные ими карантинные пункты не отвечали минимальным требованиям, в бараках в осеннее время нельзя было держать под дождем пассажиров. В карантине скончался один сеид, персы взволновались и грозили врачу (русскому) Онисканскому смертью и только консульская власть восстановила порядок.²

В Персии не было Министерства финансов, его функции распределялись между министром внутренних дел (подати и налоги) и министерством двора и шахским имуществом (таможни, доходы с регалий и концессий и неправильные доходы). Все сводилось к тому, что доходы собирались отдельными губернаторами и передавались в распоряжение шаха. Иногда различные отрасли дохода отдавались на откуп и с них получалась казной, вернее шахом, определенная ежегодная рента. Персидское правительство стремилось с помощью русских урегулировать свое финансовое положение, но наши банковские чиновники на это чихали, в мутной воде и было легче ловить рыбу. Агентом нашего министерства финансов в Персии был Грубее, и его сотрудники занимались больше личными делами.

---

¹ В машинописи фраза отсутствует, в чернилах она зачеркнута красным карандашом.

² В машинописи это подчеркнуто красным карандашом, а на полях им же написано: «так писать нельзя».

Наш учетный ссудный банк кредитовал тех, кто умел быть за это благодарным, Грубее даже содействовал бельгийцу Энгельсу получить в заведывание монетный двор в Тегеране¹.

При этих условиях вместо русских пришли на помощь Персии бельгийцы проводить в Персии государственные реформы². Во главе их стоял Наус, враждебно относившийся к русским вроде нынешнего вершителя дел НАТО – бельгийца Спаак.

Брат боролся с бельгийцами [ставленниками главного бельгийца Науса, боролся с русской кликой]³, с Грубее, с русскими концессионерами (Кусисы, Лианозовы и др.).

Война с Японией (1904 г.) сильно отразилась на наших отношениях с персами, всего можно было ожидать, нужна была бдительность.

В Решт приехал французский археолог Де Морган, с которым брат путешествовал в нагорной части Ардебильского округа для изучения жизни и быта курдов.

В 1907 г. министр иностр. дел Извольский вызвал брата в Петербург и указал, что он должен умерить свою борьбу с бельгийцами и русскими банковскими чиновниками. Получив впечатление, что брат упорствует и стоит на своем, Извольский перевел его вице-консулом в Ардебиль. Брату в это время было 32 года.

Ю.Я. Соловьев («Воспоминания дипломата». Москва, 1959 г.) аттестует Извольского «международным авантюристом» и добавляет, что Извольский, бывший всю жизнь в большой зависимости от неизвестных международных сил, был лютеранин и масон, что скрывал, и только на его похоронах это выяснилось.

---

¹ В машинописи внизу страницы приписка синим карандашом: «NB здесь надо бы сказать, что англичане, бельгийцы и др-е иностр-ые спецы и советники действовали так же или даже хуже».

² Подчеркнуто синим карандашом, а сверху на полях приписка: «так писать нельзя», а еще ниже на левом поле: «такие ли они были?».

³ В рукописном варианте зачеркнуто красным карандашом.

Служба в Ардебиле (1907–09 гг.) была не легкая. Слишком брат хотел своей работой быть полезным Родине. С места в карьер он установил, что наша дорога от Астары в Ардебиль была в руках авантюриста Вортмана. Везде, где можно было грабить, были люди с немецкими фамилиями. Брат добился, чтобы Вортмана сняли с нашей дороги, после чего прекратились транспортные поборы и другие затруднения.

Под влиянием нашей революции в 1905 г. началось неорганизованное народное движение в Персии. В районе Ардебиле начались разбои Шахсенов¹. Был убит ротмистр Двоглазов. На русско-персидскую границу был двинут отряд генерала Снарского. Начались злоупотребления военных властей. Надо было себя показать, чтобы население чувствовало нашу силу. Все нарушения делались под пьяную руку. Брат не мог молчать и получилось осложнение из-за этого с наместником Кавказа.

Одно событие из того времени осталось крепко в моей памяти. Податной инспектор в Саранске В.П. Иванов был во время отпуска в Баку. Приехал обратно и мне сказал, что он видел в Баку, как с парохода снимали на носилках больного консула Олферьева – «не Ваш ли это родственник?». Я немедленно послал телеграмму в Ардебиль. Брат ответил: «здоров, подробности письмом».

В письме он писал, что местные тревожные события и разбои шахсенов (брат попал под их обстрелы) расстроили вконец его организм. Пришлось лечь в постель. Желудок перестал работать. Лечил доктор – армянин. Поставил диагноз – заворот кишок. Стал давать каломель в большом количестве. Пользы никакой, брат слабел. Доктор испугался. Брата срочно повезли пароходом в Баку. Профессор хирург, осмотрев брата, сказал: «о завороте кишок не может быть и речи. Хорошо, что больного привезли, каломель мог его отправить на тот свет». Немедленно

---

¹ Шахсенен (дословно «любящие шаха») - этнографическая группа азербайджанцев, проживающие на северо-западе Ирана и на юге к Араксу в Джебраильской степи Азербайджана.

прописали ванны и бром. Диагноз: защемление кишок на нервной почве. Ванны, бром и другие успокоительные средства быстро подняли брата на ноги, и через неделю он вернулся обратно в Ардебиль к работе.

В 1910 г. брата перевели в Турецкую Армению вице-консулом в г. Ван, откуда в 1911 г. он начал присылать [для печатания в мой иллюстрированный журнал] «Пермский вестник землеустройства» интересные статьи о землепользовании в Персии¹.

В г. Ване брат пробыл три года в очень сложной политической обстановке. Достаточно сказать, что Сазонов телеграфировал ему о возможности разрыва с Турцией. Младотурки относились враждебно к армянам и курдам, которых брат поддерживал. Началось бегство Дашнакцаконов² из Персии в Ван.

Ванский вали Бекир Сами-бей Кундухов (сын русского генерала, бежавшего в Турцию), французский и английский консулы предупреждали брата об опасности. В это время большую роль среди армян играл Ефрем-Хан, который призвал [армянских революционеров Дро Амбарцумяна, Эратьяна и др.]³ охранять русского консула. Этот Ефрем-Хан в 1904 г. бежал из России в Персию, преследуемый как революционер. В это время брат управлял консульством в Реште. Ефрем искренне поведал брату свою историю. Брат негласно устроил Ефрема десятником при постройке консульского дома. В дальнейшем Ефрем имел огромное влияние в Персии и Турецкой Армении. Заговор против брата шел от немецких агентов и европейских миссионеров, не терпевших влияния нашей Урмийской духовной миссии на местное население.

---

¹ Далее в рукописном варианте стоит вычеркнуты фрагмент, который отсутствует в машинописи: «Это он делал по дружбе ко мне, желая, чтобы созданный мною журнал привлек к себе внимание читателей».

² Правильно дашнакцакан - члены армянской партии «Дашнакцутюн».

³ Вставлено в чернилах на л. 26об. Внесено в машинопись.

К брату в г. Ван приезжали ученые, Лалаян[ц], Н.Я. Марр и Н.А. Орбелли¹ для изучения Турецкой Армении, в частности истории и жизни «независимых несториан» (айсоров).

С Н.А. Орбелли и его женой брат совершил поездки по местам жительства айсоров, очень подружился с Маршимуном (высшее духовное лицо айсоров), замечательным человеком, по высоким моральным качествам. Еще до получения Сазоновской телеграммы брат завел добрые отношения с командиром XI корпуса Джабир-пашой, на которого из-за этого пошли наветы в Константинополь. Брата вызвали в Петербург в связи с назначением его консулом в Бассору. По пути в Петербург он заехал в Тифлис, где местные армяне устроили ему чествования. Тифлисские газеты в мае 1912 г. поместили ряд статей о работе брата в Турецкой Армении. В Петербурге эти чествования продолжались. Организаторами были Завриев и члены Госуд. Думы – Аджемов и Пападжанов². Министр Сазонов и министерство внутр. дел были недовольны добрыми отношениями армян к брату. На стороне брата встал Г.Н. Трубецкой, который составил с братом общий доклад «О проблемах в Малой Азии».

После этого доклада Сазонов изменил свой взгляд на проявление симпатий армян к брату. Он оставил его при министерстве, отменив приказ о назначении брата консулом в Бассору.

На обеде в Петербурге в память В. Соловьева произошло столкновение у брата с писателем газеты «Новое время» А.А. Стольпиным, братом [б. премьера] П.А. Столыпина, из-за вопроса об армянах и айсорах.

Южнее Нахичевана с нашей страной граничило автономное Макинское ханство, с главным городом Маку. Там преобладало турецкое влияние. Это ханство имело для нас большое

---

¹ Так в тексте!

² На полях синим карандашом: «потом белоэмигрант» о подчеркнутом синим Пападжанове.

стратегическое значение¹. В 1914 г. отсюда и началась наша война с Турцией. Макинский хан отправился в Берлин и Турецкую Армению в г. Ван. Приходили сведения, что там готовятся козни против нас. Из этих поездок лукавый хан проехал в Петербург (по дороге в Персию) для представления царю. Этот хан был двоюродным братом русского генерал-адъютанта хана Нахичеванского, друга царя и великого князя Николая Николаевича. Поездкой в Петербург хан хотел прикрыть свои козни против нас.

Признавая огромное стратегическое значение для нас Макинского ханства, Сазонов предложил брату открыть консульство в г. Маку². В 1913 г. брат был назначен генеральным консулом в г. Маку. [Я адресовал ему письма: Нахичевань, почтовая станция Шахтагы, в г. Маку]. По пути в г. Маку брат заехал в Тифлис по желанию наместника Кавказа Воронцова-Дашкова и генерала Мышлаевского. В г. Маку брату пришлось вести переговоры с курдами и Абдул-Резаком, бывшим адъютантом султана, претендентом на Курдский престол, что помогло раскрыть карты лукавого Макинского хана. Тогда же началась здесь наша постройка железнодорожной линии из Маку на Баязит и Ван. В числе сданных фото в Отдел рукописей Библиотеки им. В.И. Ленина имеется снимок долины, по которой прошла эта железнодорожная линия.

В Маку брату пришлось пережить войну 1914 г. Он установил, что Макинский хан сносился с турками и вел переговоры с немцами. Он собирался впустить в Маку турецкие войска и вместе с ними отрезать Закавказье. Генерал-адъютант хан Нахичеванский должен был усыплять царя и генералов, доказывая лояльность и верность своего двоюродного брата, получая за это от него денежное вознаграждение.

---

¹ Фраза подчеркнута, а на полях синим карандашом: «об этом вряд ли следует писать».

² Фраза выделена синим, а на полях синим карандашом: «зачем это?».

В Маку начались всякие провокации, был убит демократ Экремуд-Доуле, защищавший интересы бедного населения, живущего в полной нищете. Начались убийства русских подданных. Выяснив все обстоятельства, имея в руках документальные данные, брат принял срочные, решительные и рискованные меры – арестовал хана и его сына в консульстве и под конвоем отправил в Россию. В Маку была срочно выслана бригада генерала Трухина. Это и было начало военных действий с Турцией.

Генерал-адъютант хан Нахичеванский приложил в Петербурге все меры, чтобы оправдать своего двоюродного брата. Из министерства иностранных дел последовали грозные циркуляры, а из Тифлиса благодарности. Генерал-адъютант умолял царя вернуть брата из Кисловодска в Маку. На министерские запросы брат писал, что Генерал-адъютант хан Нахичеванский переправляет в Маку боеприпасы, получая за это денежное вознаграждение. Не успело министерство успокоиться, как на место Воронцова-Дашкова был назначен наместником Кавказа и Главнокомандующим Кавказской армией вел. князь Николай Николаевич, друг и приятель Хана-Нахичеванского, князя Орлова и генерала Янушкевича. При этих благоприятных условиях генерал-адъютант хан Нахичеванский прискакал в Тифлис. Брата вызвали из Маку в Тифлис.

В присутствии вел. кн.¹, его помощников и их друга-приятеля брат сделал доклад с документами в руках о гнусной роли генерал-адъютанта хана Нахичеванского в отношении родной страны. Он был изобличен в полной мере и срочно покинул Кавказ. Высланный в Кисловодск Макинский хан повинился перед великим князем в своих грехах и наместник письмом просил брата согласиться на возвращение хана в Маку. Брат доложил вел. князю, что помимо всех преступлений по сношению с немцами и турками, макинский народ требует, если его вернут на ханство, чтобы он перестал грабить народ, ко-

---

¹ одчеркнуто синим, а на полях синее «зачем это?».

торый нищенствует. Хан принял эти и другие условия, ему был разрешен въезд в Маку. В это время был свергнут с престола Николай II, власть перешла к Временному правительству, которое назначило брата генеральным консулом Северной Персии и вызвало в Петербург. Здесь он имел беседы с Милюковым, Нератовым и Терещенко. Не успел брат уяснить точку зрения нового министерства на восточный вопрос, как их не стало.

Брат вернулся в Петербург с женой и дочерью, оставив в Маку все свое имущество. В это время столица сильно голодала и брат решил временно ехать в Пензу, где жила мать его жены.

Сюда он явился что называется «яко благ, яко наг, яко нет ничего». Попытка выяснить, нельзя ли получить свое имущество из Маку, но это было безнадежное дело, ввиду бесконечных сражений и передвижений своих и вражеских армий туда и сюда. Так его имущество там навеки и осталось. Он очень жалел о древних восточных книгах. В Пензе пришлось ему искать работу. Он поступил в губпродком, где было много друзей по гимназии и студенчеству.

Вспомнили о брате армяне и предложили ему работу в Москве в кооперативной организации «Арарат». Здесь в Москве брат начал писать «Воспоминания консула», держал связь с редакцией журнала «Наши достижения». Секретарь этой редакции говорил брату: «Вашу статью Алекс. Макс. носит в кармане второй день, очень она ему понравилась и Вы сами его заинтересовали».

В 1934 г. брату с женой пришлось не по своей охоте прожить в Архангельске полтора года¹, где написал пьесу «Ломоносов», которая была издана Севкрайгизом. Книга издана под псевдонимом «Вегин», под которым он печатал другие книги и статьи в журналах и газетах. В 1935 г. брат поехал в Ленинград, где работал в библиотеке им. Салтыкова-Щедрина и Ленинградской Академии наук.

---

¹ В машинописи вся фраза имеет вид: «В 1934 г. брат жил в Архангельске...» далее по тексту.

Из Ленинграда брат прислал мне в Москву интересный автограф Н.В. Гоголя, считавшийся утерянным – письмо Белинского, ответ на его статью по поводу выхода в свет книги «Выбранные места из переписки с друзьями». Это письмо от Белинского попало к публицисту Павлову, который разорвал его накануне своего отъезда в ссылку. Однако оказалось, что историк литературы Шевырев сохранил клочки этой рукописи. Пакетик этих клочков письма сохранила внучка профессора Шевырева и передала брату, а я в свою очередь предал разорванное письмо В.Д. Бонч-Бруевичу. Так через 100 лет это письмо оказалось в Госуд. Лит. музей.

Брат скончался 67 лет, он мог бы 60-ти лет получать пенсию, но по должности дореволюционного генерального консула эта служба не засчитывалась на право получения пенсии по старости, а 25-ти лет советской работы у него не набралось. Так и пришлось брату в преклонных годах напрягать силы, чтобы жить и трудиться. Немецкая блокада Ленинграда погубила голодом человека-труженика, большого патриота, знатока восточных и иностранных языков. Он был недожидных способностей и отзывчивого сердца, где мог, помогал другому в беде и несчастье.

После его смерти многие лица, хорошо его знавшие, мне говорили: «он оставил в нас особую черту, которая не изгладится, пока живы».

Москва, 1959 г. Н. Олферьев.

БИБЛИОГРАФИЯ ПЕЧАТНЫХ И НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ТРУДОВ С.П. ОЛФЕРЬЕВА¹

1. Архив Полянских, хранящийся при церкви с. Макаровка, Саранского уезда, Пензенской губернии // Древности. Труды Археографической комиссии МАО. Т. 1. Вып. 2. 1898.
2. Сибирь: очерк завоевания и заселения Сибири. - М.: [б. и.], 1899. 104 с.
3. Из области древнеарабской лирической поэзии // Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями / Под редакцией Н.А. Янчука. М., 1900.
4. Письма из Турции // Пермский вестник землеустройства. 1912. № 18. С. 24–26, 32, 36.
5. За утраченными рынками Персии // Бюллетень ВСНХ. 1924.
6. Орехово-Зуево // Наши достижения. 1929. № 6 2.
7. *Вегин С.* В верховьях Тигра (у айсоров и курдов). Предисловие действительного члена научно-исследовательского института по изучению народов Востока и профессора Института востоковедения им. тов. Нариманова Б.В. Миллера. М.-Л.: Молодая гвардия, 1929 (с 42 иллюстрациями, картой и терминологическим словарем).
8. *Вегин С.* Ломоносов. Историческая пьеса в пяти действиях восьми картинах. Архангельск, ОГИЗ-Севкрайгиз, 1935.
9. Заметка о Суворове // РГБ, ф. 509, картон 2, ед. хр. 19. 3 л. б/д. Синие чернила, автограф. Выписка из какого-то сочинения с указанием номеров

---

¹ Библиография составлена с использованием данных Л.А. Шиловой. Далеко не со всеми публикациями мне удалось ознакомиться de visu (И.З.).

² «Наши достижения» – советский журнал художественно-документального очерка, который был основан и редактировался М. Горьким. Издавался в Москве в 1929–1937 гг. Вышло 95 номеров. По мысли М. Горького, главная задача журнала состояла в воспитании масс на конкретных примерах социалистического строительства.

- страниц (Байрон о Суворове, с. 12). Начало: «Император Павел I не любил гениального полководца Суворова...».
10. «Хосров и Ширин. Пьеса в 5-ти действиях. Переделана из поэмы Низами того же имени М. Шаяном. Перевел С. Вегин» // РГБ, ф. 509, картон 4, ед. хр. 1. 8 л + 2 л. обложка. (1940–41 гг.). Машинопись. На обложке Общей тетради, в которой текст перевода – чернилами написан адрес С.П. Олферьева ул. Чайковского, д. 16, кв. 11, тел. Н-2-86-87. Только 1-е действие (3 картины). Придворный живописец Шапур рассказывает Хосрову об Армении, царице Махин Бану и ее племяннице Ширин. Хосров посылает его в Армению, Шапур встречает там монаха, который предостерегает его от любви к Ширин, чары которой очень сильны. Шапур вешает на дерево портрет Хосрова, который он нарисовал, чтобы Ширин увидев, влюбилась в него. На лугу играют и веселятся девушки, среди них Ширин; увидя портрет, она влюбляется в Хосрова.
  11. Раздел «Очерк религии и народного образования» из книги (курса лекций ?) по истории и современному положению Китая // РГБ, ф. 509, картон 3, ед. хр. 24. 8 л. Не ранее декабря 1932 г. Машинопись. Нумерованы с. 205–220. На л. 60б. (с. 216): «Недавно в очень интересном (по приведенному фактическому материалу) докладе Ю.К. Шуцкого нам пришлось слышать выдержки из этих трудов даосистов. Одна из них была особенно характерной. На протяжении нескольких страниц переливается во всевозможных вариантах одно слово – Хуань, по существу не имеющее никакого смысла. Это звучало как в свое время “стихи” футуристов-заумников». Далее цитирует стихи «футуристов-заумников» (Каменского или Крученых) Згара амба и Раскину ласкину из амбара слов... пропою барала баралайзы.
  12. «Дервиш Хусейн». Рассказ // РГБ, ф. 509, картон 3, ед. хр. 22. 17 л. Машинопись без подписи.
  13. «Фатима». Рассказ // РГБ, ф. 509, картон 3, ед. хр. 25. 13 л. 1930-е гг. Машинопись без подписи. Любовное приключение в Хамадане. Начало: «Февральская революция застала Смагина в Персии. Он был военным врачом в отряде генерала Чернозубова. Узнав, что его жена, оставшаяся во время войны в Баку, сошлась с его товарищем по университету и примкнула вместе с ним к революционному движению, Смагин впал в жестокую тоску».
  14. Цыганы. Исторический очерк (лекция?). [После 1933 г.]. Синие чернила. Автограф (?). Подпись С. Вегин. 19 лл. // РГБ, ф. 509, картон 3, ед. хр. 27. Происхождение цыган («ром») от индийской касты («дом»). В 1417 г. появились в Европе. Наблюдения над фонетикой языка русских цыган. Быт цыган в СССР. Цитата из академика А.П. Баранникова о цыганах.
  15. «Великий азербайджанский поэт Низами» // РГБ, ф. 509, картон 3, ед. хр. 28. Статья, 11 лл., машинопись без подписи, правка чернилами. [1940]. Эпиграф – цитата из доклада Молотова на 18 съезде ВКПБ. Цитаты из «Хамсе» в подстрочных переводах, вероятно, самого Олферьева. Самые обширные цитаты – из «Сокровищницы тайн». Из «Хосров и Ширин» в

«почти дословном переводе Е. Дунаевского, с сохранением размера стиха». Ссылается на книгу Е.Э. Бертельса.

16. План воспоминаний с 1870 г. до Февральской революции // РГБ, ф. 509, картон 3, ед. хр. 21. 3 л. 1920-е гг. Черные чернила, автограф. На л. 2об Орбели назван директором Эрмитажа.

Л.1 «Воспоминания моего отца о службе на Кавказе во время кн. Бяргинского». Гимназия «Гимназ. товарищи: Всев. Мейерхольд – его первые шаги на сцене, Авксентьев, Федорович и др. Революц. движение среди гимназистов. Кружки самообразования. Поэт Ладыженский, Мамин-Сибиряк, Волжин. Мои первые литер. работы. Поездки по Пенз. и Симб. губерниям с целью изучения мордвы и чувашей. Коронация и окончание гимназии. Голодный год. Приезд Короленко и его борьба с деятелями Лукоян. уезда. Что представляли из себя Философов и пр.»

Студенч. годы в Москве. «Воспоминания о профессорах: Всев. Фед. Миллере, Ф.Е. Корше, Ал.Н. Веселовском, Муркосе, Аттая, Янжуле, Харузине, Чупрове, Анучине, Кирпичникове, Довнар-Запольском и др. Знакомство с Забелиным и Предс. Арх. Общества гр. Уваровой. Гондати. Причины его поездки в Анадырский край. Мое участие в работах Этногр. и Археолог. обществ. Найденный мною архив Полянских в церкви с. Макаровки Пенз. губ. (фаворитка Петра III Елизавета Воронцова была выдана замуж за Полянского). Перевозка этого архива в Москву... Моя первая книга «Сибирь» (для народного чтения), вышедшая под ред. Довнар-Запольского, Кирпичникова и Харузина (в 3 изд.)»

Л. 1об. «Русский студент Шашал в качестве преподавателя русск. языка при наследнике престола. Шашал – в роли советника и визира при наследнике». «Мое несостоявшееся назначение в Конию, а затем в Керманшах».

Л.2 Персия. «Англ. посланник Хардинг делает попытку к сближению с Россией в предвидении более активной политики Германии на Востоке. Хардинг и его жена у меня в гостях. Беседы с Хардингом. Отозвание по моей просьбе Черчилля из Решта» (англ. консул). «Революционер Ефрем, бежавший в Персию, рассказывает свою историю. Я негласно устраиваю его десятником при постройке консульства; его дальнейшая судьба и влияние в Тегеране. Приезд шаха в Энзели. Мои беседы с ним... Приезд франц. археолога Де Моргана. Моя поездка с ним. О правителе области – сыне шаха (Азидус-Султан). Приезд румынск. князя Бибеско на автомобилях в Персию».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абдэ (Абди) Газалы.....	260
Абди Ага (хаджи-бира).....	266, 267
Абдул Азиз	52
Абдул Керим Бей.....	261
Абдул-Хамид. 25, 26, 36, 46, 146, 239, 242, 278, 257	
Абдуль Кадер (Абдул-Кадыр)....	44, 268, 269
Абд-уль-Кадыр Гиляни	42
Абдур-Резак (Абдурезак)	46, 100, 136, 137, 153, 194, 239, 240, 241, 263
Авксентьев	284
Агаé Сор.....	267
Адам	55
Аджемов	277
Акоп	33
Али Бей	265
Алиé Раммо Ага.....	264
Алмас	77
Амбарцумян Дро	276
Анна	67, 77
Анучин Д.Н.....	284
Аргиропуло К.А.....	11
Аттая М.О.	271, 284
Ахмед Баиз Ага.....	258
Ахмед Кешха.....	258

Б

Баваддин	85
Бадыр Хан Бей	262, 263
Баранников А.П.	283
Барзани Мустафа.....	85
Барзани Мухаммед	85
Бенъямин, учитель	46, 61, 99

Бернанд.....	46
Берро о.	65
Бертельс Е.Э.	17
Берхо, мелик	55, 64, 70, 71, 72, 73, 208, 213
Бодри хан.....	263
Бонч-Бруевич В.Д.	281
Браун	44, 45, 51, 103, 130, 131, 132, 133, 134, 154, 157, 158, 160, 161, 164, 166, 175, 206, 230, 231, 242, 243, 244, 245, 246
Бурнашев	19

В

Валуев М.	18, 270
Валуева С.П.	18, 270
Введенский.....	24
Веселовзоров	97
Веселовский Ал.Н.	284
Власов П.М.	7, 12
Волжин	284
Воронцова Е.	284
Воронцов-Дашков И.И.	278, 279
Воропанов.....	97
Вортман.....	275

Г

Гавриил, старшина селения Ар- вандуз	77, 78
Гартвиг Н.Г.....	9
Гирс.....	8, 11, 21
Голубинов С.П.....	94, 95
Гондатти Н.Л.	284
Гордлевский В.А.	6
Горстер А.К.	7
Горький А.М.	17
Григорий О.	98, 99

Грубее 273, 274
Гяжа, мелик 71

Д

Давуд 43
Даниэл.....58
Двоглазов 275
Де Морган 274, 284
Джабир-паша.....277
Джангир... 92, 147, 148, 156, 158, 160,
165, 166, 171, 172, 183, 184, 186,
187, 191, 192, 193, 222
Джебраиль, мелик 81
Довнар-Запольский М.В.....284
Дунаевский Е. 284
Дынха, мелик.....58, 71
Дьяконов М.М 18

Е

Екатерина II.....19
Ефрем-хан 276

Ж

Жак О.....63
Жигалина О.И. 3, 19, 94

З

Завриев 277
Зарзеки 65
Зийя.....51

И

Ибрагим-паша.....263
Иванов В.П. 275
Иванов И.А.....261
Извольский А.П.....274

Й

Йолис 51

И

Иона О.....99
Иоханна 43
Исмаил тиарский мелик .. 55, 57, 58,
59, 60, 61, 208, 212, 217
Исмаил-хан Авдои 30
Истер-ханум.....77
Иштейя 51

К

Какель Ага.....265
Каменский В. 283
Караван Ага 262
Каша Барута 73
Кена 77
Кирпичников А.И. 5, 284
Кирсанов 31
Клемм 30, 32
Короленко В.Г.....284
Корш Ф.Е. 284
Косаговский В.А.....272
Крачковский И.Ю. 6, 7
Кригер.....13
Кручных А.Е. 283
Крымский А.Е. 18
Кундухов Бекир Сами-бей 276
Кусисы.....274

Л

Ладъженский 284
Лазарь.....62, 64
Лалаянц Е.А. 55
Лианозовы 274
Ляхов В.П.....272

М

Мак Гилливрей 46, 48
Мак-Дауэл 62, 63
Мамин-Сибиряк 284
Мар Абраам 48
Мар Жак 73, 77
Мар Зайя.....79

Мар Илья	44, 45, 46, 47
Мар Саркис	76, 79, 81, 83
Мар Хнаньжа	46
Мар Шалита	47
Марр Н.Я.	277
Махин Бану	283
Махмуд	125, 145, 257
Мейерхольд Всев.	284
Мери	77
Мерхаиль, мелик	73
Мидхат Бей	263
Миллер Б.В.	282
Милкоков П.Н.	280
Минорский В.Ф.	27, 28
Мир Иезданшир	261
Мирза, мелик	86
Молотов В.М.	283
Морган	45
Мохаммед бей	260
Мохаммед Мустé	261
Музафер-ед-Дин	9
Муркос Г.А.	284
Мустафа-паша	260
Мухаммед Ага (хаджи-бира)	259, 267
Мухаммед Садык	92
Мухаммед, пророк	26, 80
Мышлаевский	278

Н

Наус	274
Нелис	43
Нератов А.А.	280
Низами	17, 271, 283
Николай П.	280
Николай Николаевич великий князь	279
Николай Чудотворец	11
Нимруд Ефенди	47
Нолэ	33
Нурулла	262

О

Обейдулла	268, 269
Олферьев П.А.	5
Олферьева Н.М.	5
Омер-бек	38, 39
Онисканский	273
Орбели И.А.	5, 17, 284
Орлов, князь	279
Осанна	62
Осеп, мелик	68, 86
Осман	257
Осман-паша	257

П

Павлов	281
Пападжанов	277
Персиани И.Э.	8
Петр III	284
Петрос	89
Пиотровский Б.Б.	18
Похитонов И.Ф.	272
Преображенский	11

Р

Разумовский	8
Решид Ага	262
Решид-бек	67, 68
Рид	46, 59
Руми-ханум	58, 59, 60

С

Сазонов С.Д.	45, 63, 276, 277, 278
Самуил	266
Сархан	264
Сеид Таха	25, 44, 100
Сеид-Ага	38
Сементовский-Курилло Д.К.	8
Сергий архимандрит	28
Сергий мар-шимун	20
Сердаре Хумаюн	99
Серебряков	97
Сил	45, 49

Симко	25, 29, 30, 31, 32, 40, 92, 99, 135, 137, 237, 238, 239, 241, 250
Смагин.....	283
Снарский	275
Сократ	11
Соловьев В.	277
Соловьев Ю.Я.....	274
Спаак	274
Спиринг	46
Стольпин А.А.	277
Стольпин П.А.	277
Сузо	266
Сурьма-ханум.....	44
Сюто.....	76, 82, 85, 86, 227, 228, 229

Т

Тато	85
Тахир-ага.....	88
Тахир-бей.....	257
Терещенко	280
Тимур-ага.....	38, 41
Тихонов Н.С.	18
Трубецкой Г.Н.	277
Трухин.....	279

У

Уварова П.Ф.	284
-------------------	-----

Ф

Федорович Ф.....	8
Ферик Омар Паша.....	265
Филатов В.П.	273
Филатов П.Ф.	273
Философов	284

Х

Хаджи Ага.....	260
Халид ибн Валид.....	42
Халиль	82, 224, 225
Хамо мелик.....	76
Хардинг	284
Харузин Н.Н.	5, 284

Хасан-бей.....	41
Хони.....	46, 59
Хормуз, мелик	86
Хосров.....	27, 28, 283
Хошаба, мелик.....	67, 68, 69
Хошаба, священник	84

Ц

Цейдлер И.Л.	12, 15
-------------------	--------

Ч

Чарыков Н.П.....	29, 30
Челеби.....	264
Чернозубов Ф.Г.	272
Черчилль	284
Чиркин С.В.	6, 8, 13, 15
Чирков Г.В.	7
Чупров А.И.	284

Ш

Шапур	283
Шапшал С.М.....	272
Шевырев С.П.	281
шейх Нур Махама	260
Шереф-бей.....	38, 99
Шилов Л.А.	4, 17
Ширин	283
Шлимун	58
Шуцкий Ю.К.	283
Шушан.....	77

Э

Энгельс.....	274
Эратьян	276

Ю

Юссуф Ага	267
-----------------	-----

Я

Якуб	58, 260, 266
Янжул И.И.....	284
Янушкевич	279

УКАЗАТЕЛЬ КУРДСКИХ АШИРЕТОВ И ПЛЕМЕН

Абдои	92	Миран	260, 261
Аллекан	265	Мотеки	265
Арохи	261	Мукри	36
Артоши 74, 75, 76, 89, 229, 259, 267		Мухаллами	264
Батуан	261	Оламари	266
Бервари 67, 68, 69, 70, 76, 266		Орамариа	265
Бешериа	264	Пенджанариа	264
Бохтан..... 40, 63, 261, 264		Пешкавар	267
Гареса	262	Пыньяныш	72, 89
Гарзан	264	Рамман	264
Гевдан (Гявдан)	259	Рашекан	262
Гоян	259, 267	Селлахи	265
Гравдиа	259	Селоп.....	267
Даши.....	264	Синди-Гули	266
Дезде	258	Слевани.....	260, 266
Деккури	264	Слоки.....	265
Декшури.....	264	Слопи	268
Дерро	89	Соран	265
Дершеве.....	267	Тайян.....	262
Джаф	257	Хаджан.....	259
Достеган..... 85, 86, 89		Хаджи-Бира	266, 267
Достеки (Достеги).....	266	Хамаванд	258
Жиреки (Жирки)	259	Хелал.....	267
Кадина.....	259	Херки.....	258
Качан	262	Херска	262
Кежура	259	Хонери	262
Келлаба	267	Хуерки	264
Кикиа	263	Шарафа	259
Кочери.....	259	Шейхан.....	265
Мамед-Пиран	38	Шекак.....	265
Мамман	263	Шерефанлю	41
Мендакан.....	267	Шернак	267
Мерзики..... 38, 99		Шидан	38, 39, 41
Мешкеви	264	Шимдан	37
Милли	263	Шируан	264

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И НЕКУРДСКИХ ПЛЕМЕН И ЭТНОСОВ

А

Абиссиния.....	7
Авия с.....	91
Авсар с.....	92
Австралия.....	81
Адрис с.....	75
Азербайджан.....	30, 92, 94
Азербайджанцы.....	275
Айна Срита источник.....	72
Айри с.....	87
айсоры см. ассирийцы 27, 93, 174, 175, 178, 179, 181, 182, 188, 189, 200, 207, 208, 210, 211, 213, 216, 217, 218, 222, 231, 233, 241, 249, 250	
Албания.....	258
Алекан с.....	88
Алеппо г.....	216, 261
Алик с.....	75
Алкот (Алкош ?).....	266
Амадия.....	262, 266
Америка.....	35, 53, 110, 111, 112, 126
Ангил-су р.....	34
Арадиз с.....	41
Аракс р.....	275
Аракс квартал Ванна.....	34
Арвандуз с.....	76, 77
Аргяб с.....	76
Ардебиль г.....	15, 274, 275, 276
Армения.....	15, 119, 236, 276, 278, 283
армяне ...	22, 34, 50, 112, 116, 119, 126, 128, 130, 141, 201, 202, 234, 235, 241, 242, 247, 248, 249, 277, 280

Архангельск г.....	5, 17, 282
Арчак с.....	100
Аслан с.....	78
ассирийцы.....	20, 22, 24
Астара г.....	15
Астваццен с.....	35
Африка.....	258
Ахолан с.....	38
Ахрак с.....	40
Ашта см. Ашута с.....	62, 219, 259
Ашута с.....	33, 62, 65, 66

Б

Баадри с.....	265
Баб Хасан.....	69
бабиды.....	11
Багдад г.....	179, 259
Бажирга с.....	91
Баз с.....	76, 77, 81, 82, 181, 222, 223
Базиан.....	258
Баз-чай р.....	77
Баку г.....	11, 18, 114, 275, 283
Баприжан с.....	88
Барадост обл.....	90, 91, 92
Барадост-чай р.....	92
Басан с.....	91
Басра (Бассора) г.....	277
Бахдинан г.....	63
Башет-даг.....	38
Башкала.....	37, 96
Баш-тазе с.....	87
Баязит.....	16, 278
Бейтежеран р.....	39

Бейтуль-Шебаб.....	64, 265, 266, 268
Бей-Хайдаран с.....	75
Бенкасер с.....	52
Бервари горы.....	67, 68, 69, 70, 76, 266
Бериджа с.....	72
Берлин г.....	278
Берра гора.....	69
Бешариа.....	264
Бибахши с.....	86, 87
Биет Хию с.....	61
Бимерегу с.....	56
Бинк с.....	91
Бипер с.....	74
Бисин с.....	76
Битди с.....	61
Битлис г.....	265
Бламасан с.....	91
Болгария.....	21, 118
Большое Джеллу обл.....	78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 86, 87, 88
Большой Заб р.....	43, 53
Бохтан-су р. (Шатах-су).....	40
Бубова с.....	85, 86, 87
Бырдык р.....	90

В

Валитан р.....	38
Вальто.....	54
Ван г.....	15, 16, 32, 34, 40, 59, 70, 74, 77, 96, 106, 109, 111, 117, 119, 120, 124, 125, 126, 131, 133, 137, 171, 197, 205, 206, 235, 236, 237, 243, 247, 263, 276, 277, 278
Ван оз.....	25, 29, 45, 48, 49, 62, 63, 65, 66, 67, 73, 111, 112, 120, 126, 130, 178, 200, 230, 243, 276
Вахкаран с.....	52
Великобритания (Англия).....	23
Веран-Шехир.....	263
Верона г.....	272
Верхний Тиари.....	54
Весьегонск г.....	271

Г

Гарда оз.....	271
Гарза.....	264
гебры.....	13, 14
Генгячин с.....	92
Гересор гора.....	69
Германия.....	24, 50, 284
Гизараш с.....	74
Гиса с.....	72
Гоман с.....	70
Греция.....	21
Гуджик с.....	76
Гул-Акбар.....	257
Гундик с.....	74
Гяваро.....	265
Гявлян (Гявлан) с.....	97
Гягевран с.....	88

Д

Дарава с.....	55
Дезз.....	266
Делазин р.....	90
Дерия.....	78
Дех.....	261, 267
Дехок.....	260, 265
Дешдан с.....	68
Дештан с.....	69
Дешт-Пырмоз.....	78
Джамини р.....	88
Джебель-Тура.....	264
Джебраильская степь.....	275
Джезире.....	63, 262, 263, 266, 267, 268
Джелле-чай р.....	79, 83
Джеллу горы.....	78
Джеллу обл.....	79, 80
Джеллу-суй,.....	78
Джемалова с.....	97
Джуди.....	268
Джуламерк.....	42, 46, 52
Дизя с.....	79, 87, 88, 89, 90
Дильман.....	25
Диярбекир г.....	259
Достеги-чай р.....	87

Достиган с.....	68
Дошх с.....	37
Дуви с.....	68
Дыза с.....	54

Е

Египет.....	80
-------------	----

З

Заб р. 52, 53, 54, 56, 57, 58, 61, 70, 173, 178, 207, 211	
Завита с.....	66, 68
Закавказье.....	130, 140, 180, 278
Зарани с.....	79, 82
Зарни с.....	69
Зах с.....	41
Захо.....	259, 260, 262, 266, 267
Зевеки.....	263
Зеидешт с.....	97
Зергендэ с.....	13, 15
Зери с.....	83
Зернак.....	35
Зива с.....	75
Зурова.....	54

И

Ида с.....	58
Иерусалим г.....	80, 272
Измаил г.....	17
Ирак.....	36
Иран.....	4, 7, 23, 94
Ирбиль.....	258
Исси-су с.....	93
Италия.....	6

К

Кавказ ... 11, 84, 121, 217, 243, 246, 279	
Казвин г.....	272
Кала с.....	69, 90, 93
Кала Хисар с.....	93
Кала-Зерри гора.....	69
Каниспи с.....	93
Карачан с.....	99

Каспийское море.....	273
Каша Георгис с.....	66
Кепхра.....	264
Керим Абад.....	96, 97
Керкук.....	258, 265
Керманшах.....	284
Килиса с.....	38
Киренаика.....	21
Кисловодск г.....	279
Китай.....	283
Кодранис с.....	42, 51
Константинополь г.....	6, 146, 241, 263, 277
Конья.....	284
Кордуз (Нордуз ?).....	259, 260
Котур 25, 92, 96, 100, 133, 135, 237, 239	
Кран с.....	52
Красноводск г.....	11
Крит о.....	146, 262
Крым.....	272
Ку с.....	53, 56
Кулуиджи с.....	97
Кулядар с.....	91
Курана с.....	92
Куранова с.....	93
Курапин с.....	90
Курдистан.....	20, 36, 40, 42, 44, 46, 50, 63, 145, 146, 150, 208, 240, 241, 242, 249
курды.....	21, 23, 27, 30, 31, 36, 37, 41, 52, 55, 59, 63, 71, 72, 74, 75, 79, 80, 85, 86, 87, 89, 90, 92, 99, 106, 112, 118, 121, 123, 125, 127, 133, 138, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 151, 154, 157, 160, 165, 166, 168, 169, 170, 172, 174, 186, 188, 191, 192, 194, 195, 197, 198, 209, 214, 217, 219, 227, 229, 230, 238, 241, 249, 251, 258, 261, 262, 266, 267
Куробаш р.....	34
Куробаш с.....	34
Кучанис (Кудчанис) с.....	20, 27, 44, 45, 46, 47, 49, 65

Кущи с.	97
Куцинский перевал	98
Кыгзы с.	34
Кюрны	40
Кялетан с.	58

Л

Левин	56
Ленинград г.	17, 271, 280
Ливия.....	21
Лизан с.	67, 68

М

Мазра с.....	74
Маку г.	16, 126, 277, 278, 279, 280
Малое Джеллу обл.....	79
Малута с.	57
Манферан с.....	92
Мар Сава м-рь	60, 61
Мар Якуб с.	266
Мардин г.	263, 264
Марзан с.	52
Махандан с.	75
Меддо	263
Медина	80
Мезизак	264
Мекка	80
Мелуны с.....	91
Мерги с.....	67, 68
Мерзрегу с.	55
Меринэ с.	70
Мертвое море	271
Мехабад (Соуджбулак)	29
Мешхед (Мешед)	7
Миди с.....	78
Мидиа	264
Минъяныш с.	67, 68
Мобуа с.....	56
Москва г.	1, 2, 274, 281
Мосул г.	59, 63, 65, 146, 216, 241, 262
Муспиран с.	86, 87, 257
Мятория с.....	86, 87

Н

Наберноу	42
Назарет г.	80
Нази с.	56, 93
Нара с.	78, 79, 82
Нахичевань г.	278
Нейри (Нехри) г.	44
Нейчалан с.	92
Нерва с.....	86
Нерик с.....	86
несториане	22, 23, 24, 26, 27, 37, 42, 48, 50, 62, 66, 75, 82, 86, 89, 92, 180
Нижний Ахолан	39
Нижний Тиари	55, 66, 69, 70, 71, 72
Нисибин г.	262, 263, 264
Нордуз нахие.....	40
Норкох с.	35

О

Орамар горы	76
Орамар обл.	76
Орехово-Зуево.....	16, 282
Османская империя	7, 21, 22, 23, 50, 89

П

Паган с.	41, 52
Палестина	5
Париж г.	33
Пенза г.	5, 16, 280
Пермь г.	16
Персия.....	9, 10, 284, 257
персы	98, 227, 273
Петроград г.	16
Пешхабур	260
Порник г.	272
Пулведан с.	52
Пыньяныш с.	72, 89

Р

Рази с.	100
Рауля р.	53, 58, 66
Ревандуз	258, 262

Решт г. 15, 272, 274
 Рива г. 271
 Рим г. 125, 266
 Россия 20, 23, 26, 31, 47, 50, 60, 233,
 234, 252
 Рубарешин р. 86
 Румта р. 60, 61
 Румта с. 60, 61

С

Салебекан р. 70, 71, 72
 Салебекан с. 70, 71, 72
 Салмасский округ 28
 Санкт-Петербург г. 12, 84, 274, 277,
 278, 279, 280
 Сарай с. 100
 Саранск г. 275
 Севик р. 40
 Сеерт (Сиирт) 264
 Сель с. 37, 38
 Сеннэ 257
 Сербия 21
 Серемерги с. 87
 Серпель с. 84, 86
 Серспиду с. 62
 Серу с. 91
 Сефид-Руд р. 12
 Сиялах 54, 55
 Сиялах р. 54, 55
 Синджар 262, 265
 Сирия 6, 179, 180
 Сомай обл. 30
 Соук-хан с. 39
 Стү-Схер 267
 Сулеймание 258
 Сурия с. 90, 91
 США 23
 Сыпа Лурик гора 76
 Сюбюль Даг 52

Т

Тавриз см. Тебриз 66, 137, 272
 Тал обл. 53, 73, 74

Тал р. 53, 73, 74
 Талан с. 86
 Тахыт Исара с. 70
 Тегеран г. 7, 13, 15
 Терваныш с. 68
 Тиари с. 42, 55, 57, 60, 64, 69, 71, 72,
 73, 82, 181, 203, 205, 208, 217, 259,
 262, 266, 267
 Тигр р. 123, 261
 Тирольские горы 272
 Тифлис г. 24, 36, 53, 62, 114, 189, 277,
 278, 279
 Триполи 258
 Триполитания 21
 Турция 15, 21, 23, 25, 113, 231, 252,
 257
 Тхум р. 72, 73, 74, 181, 208, 222
 Тхум с. 72, 73, 74, 181, 208, 222

У

Улия гора 69, 70
 Умуд с. 83
 урартийцы 35
 Ури р. 53, 79, 86
 Ури с. 53, 79, 86
 Урмийский край 94, 233
 Урмия г. 44, 62, 94, 232
 Урфа г. 263

Ф

Фракия 89
 Франция 23, 50, 233

Х

Хавсар с. 91
 Хайкаперт г. 34
 Хайодзор 34
 халдеи 24, 180
 Халилян с. 52
 Хамадан г. 283
 Хамидие, каза 38
 Хан Дадуж с. 56
 Хани с. 74, 75, 78

Ханик с.	99
Хан-Тахты с.	98
Хаопсор дол.	34
Харпут г.	63, 111
Хасхер.	261
Херболь.	268
Хизиль.	268
Хиндостан с.	35
Хишад с.	72
Хой г.	92, 98, 126
Хорхорик р.	40
Хосров г.	27, 28, 283
Хошаб г.	33, 34, 35, 36, 37
Хошаб-су р.	34, 35, 36, 37

Ц

Цетинье г.	13
цыгане.	283

Ч

Чал с.	70
Чалик с.	52
Чамба Рола с.	60
Чамба с.	57, 58, 60, 70
Чами Бисусина с.	61
Чами с.	57, 60, 61
Чамисар с.	56
Чемчамал.	258
Черногория.	21, 89

Чилканы р.	42
Чух, перевал.	37

Ш

Шамдинан.	44, 268
Шамшар.	263
Шараб-хане с.	100
Шаута с.	76, 223
Шахманис с.	40
шахсевены.	275
Шахтахты с.	278
Швейцария.	6
Шемсики с.	86, 87
Шендери горы.	69
Шернак.	267
Шикафган с.	37
Шимдан.	37
Шюрт с.	70

Э

Энзели г.	11, 15, 272, 284
Эрбиль г.	265
Эрзерум г.	62, 63, 111
Эривань (Ереван) г.	25, 46

Я

Япония.	81
--------------	----

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Архив Российской академии наук, ф.688, оп.6, ед.хр.18.
Архив внешней политики Российской империи, ф. Персидский стол Б, оп. 489, д. 560, 1911 г.
Архив внешней политики Российской империи, ф. 194, 1910, оп. 528 в, д. 67.
Центральный исторический архив г. Москвы, ф. 213, оп. 2, ед. хр. 1065
Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 509 (Олферьевы), шифр 3-19.
Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 509 (Олферьевы), картон № 2, ед. хр. № 8.
Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 509 (Олферьевы), картон № 2, ед. хр. № 10
- Российский государственный военно-исторический архив, ф. 52, оп. 1, д. 72.
- Аристова Т.Ф.* Очерки культуры и быта курдских крестьян Ирана // Переднеазиатский этнографический сборник. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
Вегин С. В верховьях Тигра (у айсоров и курдов). М.-Л.: Молодая гвардия, 1929.
Вильчевский О.Л. Мукринские курды // Переднеазиатский этнографический сборник. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский институт. Московский институт востоковедения. МГИМО. М.: Аспект пресс, 2015.
Грязнов Ф.Ф. Курды и курдская конница // Известия Штаба Кавказского военного округа. Издаётся при Разведывательном отделении Штаба Кавказского военного округа. № 20. Тифлис: Типография Штаба Кавказского военного округа, 1907.
Гурницкий К.И. Агафангел Ефимович Крымский. М.: Изд-во Наука, Главная редакция восточной литературы, 1980.

Жигалина О.И. Миссионерство и веротерпимость в Иране // Ислам и политика. М.: ИВ РАН, 2001.

Зайцев И.В. С.П. Олферьев (1875–1942) – судьба дипломата // Иран: история и современность. М.: ИВ РАН, 2014.

Истягин Л.Г. Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне Первой мировой войны. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1979.

Книга памяти жертв политических репрессий жителей Московской области. Редкол.: С.Н. Кошман (пред.), В.И. Лагункина и др. М., 2002.

Колюбакин А.М. Деятельность протестантских миссий в северо-восточной части Азиатской Турции // Известия Кавказского отдела ИРГО, вып. 1, т. IX, Тифлис, 1887.

Колюбакин А.М. Материалы для военно-статистического обозрения Азиатской Турции. Ч. 1, Тифлис, 1888.

Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Крымский А.Е. Низами и его современники. Баку: Элм, 1981.

Курдское движение в новое и новейшее время. М., 1989.

Лазарев М.С. Курдистан и курдская проблема. М., 1964.

Лазарев М.С. Империализм и курдский вопрос (1917–1923). М.: Наука, 1989.

Матвеев К., Сазонов А. Земли Древнего Двуречья. М.: Молодая гвардия, 1986.

Петрунина О.Е. 50 лет на службе России: Портрет российского дипломата XIX в. И.Э. Персиани // Вестник МГУ. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2008, № 1.

Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. СПб.: Наука, 1995.

Селезнев Н. Ассирийская Церковь Востока. М.: Ассирийская Церковь Востока, 2001.

Смирнов К. Миссионеры в Персии // Известия Штаба Кавказского военного округа. Издается при Разведывательном отделении Штаба Кавказского военного округа. № 23. Тифлис: Типография Штаба Кавказского военного округа, 1908..

Современный Иран. М.: Наука, 1975.

Тамашивили А.О. Из истории изучения в СССР творчества Низами Гянджеви: Вокруг юбилея – Е.Э. Бертельс, И.В. Сталин и другие // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. II. М., 2004.

Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. М.: Русский путь, 2006.

Чирков Г.В. Два любопытных арабских документа (к истории внутреннего быта восточных христиан) // Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями / Под редакцией Н.А. Янчука. М., 1900.

Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме. М.: Наука, 1967.

Шилов Л.А. Олферьев Сергей Петрович (псевд. С. Вегин) // Сотрудники Российской национальной библиотеки - деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т. 3: Государственная Публичная библиотека в Ленинграде - Государственная Публичная библиотека М.Е. Салтыкова-Щедрина 1931-1945. СПб.: РНБ, 2003.

La Turquie Geographie, administrative, statistique descriptive et raisonnee de chaque province de l'Asie-Mineure par V.Cuinet, t. I-IV, P., 1891-1894.

**Фотографии С.П. Олферьева (1912 г.)
из фондов Института восточных рукописей РАН**